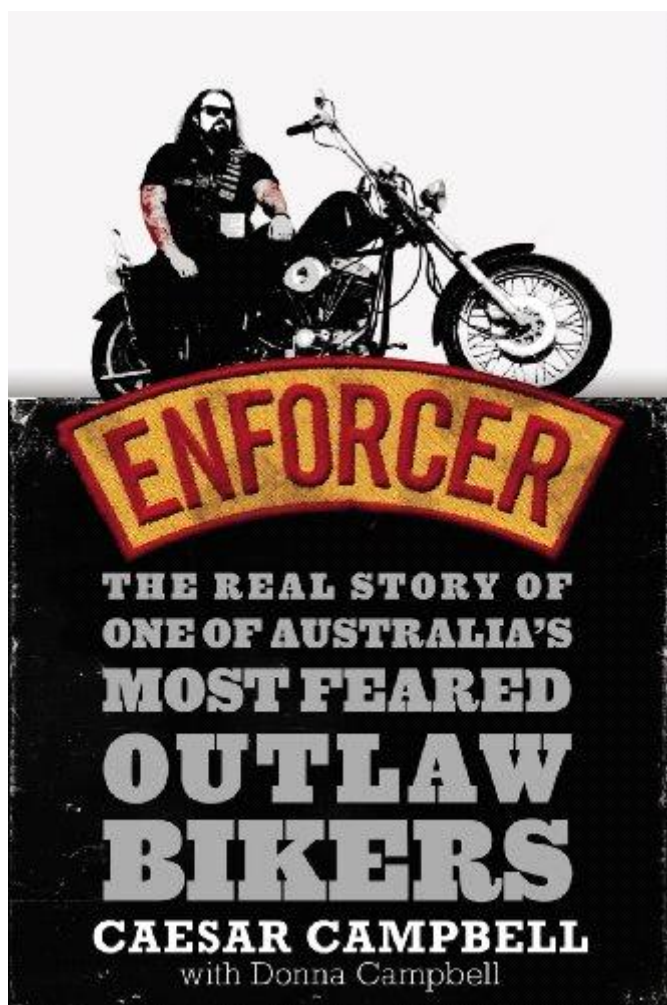

Примечание от переводчика.

Примерно к третьей неделе февраля 2017 года в группе Вконтакте "Один Процент / 1% percent bikers" возникла идея заняться переводом книг на тему байкерской культуры, которых очено мало переведено на русский язык. Я к этому моменту катался уже одиннадцать лет, был проспектом в двух МС клубах, но остался вольным байкером, получившим неоценимый опыт, который помог в этой работе с книгой. Английский язык я учил с шести лет, а после окончания школы довелось пожить в Англии, в городе Брайтон, возле того самого пляжа, где в конце 1960-х дрались моды и рокеры. Как только я увидел эту идею, я понял, что это будет тем самым моим "вкладом в развитие мотодвижения в России". Этот перевод сделан мною по абсолютно своему желанию и на некоммерческой основе, (так что если вас вынудили скачать эту книгу за деньги - вас обманули - за исключением инициативы, выдвинутой в группе, так как книга выложена в общий доступ), для того, чтобы те, кто не владеет английским языком могли узнать историю, написанную в данной книге. Буду благодарен за любое пиво и слова благодарности, которые вы, возможно, захотите мне передать. Ровных всем дорог, не терять ваших братьев и близких.

Анатолий "Компас" Горелов. Вольный байкер.

Примечание от Донны.

Никогда, даже в самых безумных своих мечтах я не думала, что встречу такого человека, как Цезарь Кэмпбэлл и приду к байкерскому стилю жизни с ним на протяжении более чем трёх десятилетий. Именно поэтому, годы спустя, я уговорила Цеза начать рассказывать мне свои истории. Я писала заметки. Мы смеялись, я плакала по ходу его воспоминаний. Я начала думать, что было бы хорошим способом рассказать нашим детям, внукам, моим родителям и друзьям о том образе жизни, который так отличается от их собственного. И, кроме того, поведать им настоящую историю, скрывающуюся за тем, что они называют Мильперрской Бойней.

ИДЕАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Грохот Харлея меж моих ног,

На дороге с братьями,

Пролог.

СИДНЕЙ, 1978

Я оставил свой лимонный сквош в баре Эшфилд Таверн и собирался отлить, когда меня прервал Джон Бой, парень из Команчероз, которого я только встретил.

«Приятель, какие-то чуваки там пытаются поднять твой байк на прицеп», сказал он.

Снаружи я увидел троих, загрузивших переднее колесо моего кастомизированного Харлея Валуя в свой прицеп. Я подошёл к ним как раз когда они принялись за заднее колесо.

‘Какого это хуя вы делаете?’ Сказал я. ‘Поставьте ёбучий байк на место’

Я не хотел, чтобы его поцарапали, так что я ждал довольно долго, пока они не поставят его на подножку, прежде чем – хуяк – я вломил ближайшему ко мне чуваку. Он свалился и я начал топтать его голову. Один из его корешей пошёл на меня и я ощутил взрыв адреналина. Я ощутил мандраж оттого, что я в меньшинстве и шансы сдуваются. Я схватил второго чувака за волосы и ударил его об заднюю часть прицепа. Бах. Бах. Не переставая топтать чувака на земле.

Третий парень как раз собирался прыгнуть мне на спину, когда вмешался Джон Бой и сбил его на землю и они начали выбивать дерьмо друг из друга. Я закончил со своими двумя и принялся за того, что сцепился с Джон Боем. Вырубил его удушающим приёмом. Я бросил его на землю рядом с его корешами и мы с Джон Боем прошлись сапогами им по губам. Зубы валялись повсюду.

ГЛАВА 1

Мой дедушка, Джозеф 'Джоуи' Кэмпбэлл, был чемпионом по боксу в полутяжёлом весе в полиции Нового Южного Уэльса. Однажды он дрался на показательном бое с Лесом Дарси в Нтюкастле для сбора денег на покупку лошадей для полиции, но, видимо, это стало больше, чем просто показательным боем, так как оба они ухаживали за одной и той же женщиной, Маргарет О'Брайан. Бой на десять раундов был объявлен ничейным, но мой дед счёл, что он получил величайший приз, так как он ушёл с Маргарет, моей бабушкой.

Джоуи жил в Баррингане, к северу от Бурка, на границе Нового Южного Уэльса и Квинсленда, и моя бабушка рассказывала мне истории о пробуждениях по утрам из-за верблюдов на грядках. Мой дедушка мог отсутствовать неделями, разъезжая по близлежащим ранчо и поселениям в компании своей старой гончей по имени Джек.

Джоуи оставил службу только потому, что у него вздулся чирей на шее из-за накрахмаленных воротничков, которые они тогда носили. Чирей прошёл через него всего и вылился в большую грыжу в паху. Пришлось его перевезти из Баррингана в Буркскую больницу, но когда они прибыли, им сказали, что был пожар и нет доступных обезболивающих. Врачи определили, что у Джоуи пошло заражение и если грыжу не вырезать, то он умрёт. Бабуля говорила, что они привели всех свободных мужчин, чтобы его держать и Джоуи, объевшийся снотворного, но без обезболивающего, просто держался за край кровати, пока они вырезали эту штуку. К сожалению, они задели сухожилие и его правая нога стала короче левой. Ему оставалось лишь три месяца до пенсии, но так как он не смог их дослужить, копы так и не дали ему пенсии.

Джоуи был здоровый, но мой батя, Джордж Кэмпбэлл, был самым здоровым хмырём, какого я когда-либо знал. Он был шести футов и двух дюймов ростом и весил шестнадцать стоунов и вечно в синяках. Свою рабочую деятельность он начал в качестве сталевара, а потом пришёл в бизнес по перевозкам; на определённом этапе он владел тремя полуприцепами. Самое смешное, однако, было в том, что он был полупрофессиональным игроком в теннис в Лиге Ньюкасла. То есть в пятницу он будет бить баклуши в пабе, а с наступлением вечера субботы он будет бегать в своих маленьких белых шортах. Это просто разрывало мне мозг.

Он проводил много времени в пабе, но на самом деле не пил. Он ходил туда повидаться с корешами и поиграть в бильярд. Единственной его индульгенцией был один шот Джонни Уолкера и большая сигара на ночь. И всё.

Папа очень увлекался родословной нашей семьи.

Он проследил наши корни до Кэмпбэллов из Кавдора и Кэмпбэллов из Аргилла. Он собирал книги и заметки обо всём этом. У него была одна книга о ночи, когда Кэмпбэллы напали на МакДональдов. Кэмпбэллы, очевидно, дождались пока МакДональды не закончили вечеринку и не были все пьяны, а затем пошли и перерезали глотку каждому псу, перед тем как он успел гавкнуть. Кэмпбэллы проскользнули в замок и перерезали каждого бывшего там МакДональда. Последовавшая вражда длилась веками. Первого Кэмпбелла, произведённого в

рыцари звали Коллин Кэмпбэлл и поэтому, при рождении папа назвал меня Коллином.

Я родился в Ньюкстле, Новый Южный Уэльс, в Больнице Мэттэр, 18 июля 1946 года. Не знаю, принадлежит ли мне всё ещё рекорд, но когда я родился, росту во мне было двадцать семь дюймов и весил я девять фунтов и тринадцать унций. Мама сказала, что я был большим ребёнком.

Моя мама, Филлис, была домохозяйкой и одной из тишайших и нежнейших женщин, каких вы только видели. Но вместе с тем, она, вероятно, одной из самых жёстких женщин, которых вам только хотелось повстречать. Ей приходилось уживаться с моим батей и с 14 детьми. В том числе со мной, Уиллсом и ещё одним мальчиком, Стивенном, но он прожил лишь два дня.

Мама говорила, что он был, что называется, «синий ребёнок»; лёгкие у него не работали. Затем у неё родился Бык, затем девочки, потом Тень, Змей, Псих и Кристофер.

Мой старик подолгу отсутствовал, был в дороге, но мы довольно хорошо себя вели с мамой, потому что знали, что будет, когда папа вернётся домой, если мы плохо себя вели. У него была бритвенная стропа – кожаный ремень, о который затачивали старые «опасные» бритвы – и если ты делал что-то не то, то он висел в ванной, перекинутый через раковину, и бац, бац, бац, прямо по заднице. Поначалу он обходился со мной очень жёстко. Если он бывал в плохом настроении, или что-то ломалось или исчезало, и никто не сознавался, то будучи старшим, разбирался я. Я узнавал кто это сделал и ждал, что они сознаются, но через три четверти часа никто не признавался. Так что я ждал ещё и заканчивал с ними позже. Если это был кто-то из девочек, то я мог спустить им это, но если это был кто-то из моих братьев, то я обычно таскал их за уши.

Мама противостояла старику. Она никогда не поднимала на нас руку. Она была всего пяти футов ростом, но обладала сильной волей. Если батя выходил из себя и собирался бить меня, она вставала перед ним и говорила «Нет, ты его не тронешь». И мой старик разворачивался и уходил, чертыхаясь себе под нос.

С момента, как мне исполнилось три года, мой дед начал учить меня боксу. Мне даже выпала честь, как маленькому пареньку, поспарринговаться с легендарным Дэйвом Сэндсом, который был корешем моего папаши и тренировал в качалке Хенберри в Ньюкастле. Он был чемпионом Австралии в среднем весе и, как и Лес Дарси, возможно, лучшим боксёром, который когда-либо был рождён на этой земле, так что когда я туда ходил с батей он с час давал мне подсказки о том, как боксировать. Он двигался столь же плавно, как Шугар Рэй Робинсон. У него была природная способность, благодаря которой ему всё легко давалось. Фред Хенберри – сам в прошлом чемпион Австралии в среднем весе – и Дэйв всегда пытались уболтать отца стать профессиональным бойцом. Он так и не стал, но знал всех чуваков в боксе – Дэйва и к Кида Гриффо, и знаменитого рестлера Льюиса Душителя – и мне достаточно повезло многому у них научиться.

Впервые я прикрыл в драке спину своему старику когда мне было двенадцать лет. Машина вытолкнула нас с дороги, четыре хмыря вышли из них и батя пошёл на них. Один из них схватил его в душащий захват и я всё думал «Ох, дерьмо, что же мне делать?» На полу машины лежала большая отвёртка, так что я схватил её и воткнул этому хрену в зад. Вогнал примерно на дюйм. Он отпустил моего старика и начал бегать за мной вокруг машины, пытаясь вытащить отвёртку. С того времени старик брал меня с собой, если ехал на разборки и знал, что он будет в меньшинстве. У него были два страшных бультерьера и моей задачей было удерживать их. Батя заходил в паб и предлагал хмырю выйти раз-на-раз. Хмырь выходил с корешами, а я стоял там с этими собаками, с пастей которых свисала пена. Старик говорил хмырю, 'Точняк, ты и я, или я спущу собак'. Если батя побеждал, я держал их. Если кто-то вмешивался в бой, то я их отпускал. Что неизменно оканчивало драку.

Он никогда не ходил в пабы с желанием подраться, хотя у него и был вспыльчивый характер. Если кто-то говорил о нём или бросал косой взгляд – это могла быть любая мелочь – то всё. Он был поистине гордый мужик и если он думал, что его оскорбляют, то хотел разобраться. Но в большую часть драк он встречал из-за своих корешей. Он говорил мне, 'Не делай, как я. Вечно будешь в синяках. Я знаю, что половина моих корешей мудак, но раз уж я с ними, то я должен их выручать.' Хмыри извлекали из этого выгоду. Они знали, что мой старик прикроет им спины.

Помимо бокса, я был капитаном рэгбийной команды в лиге младшей школы, и я владел парой лошадей. Я провёл довольно много времени, тусуясь у школы верховой езды Трэйси в Меруэзере. Многие тёлочки ошивались у Трэйси, со своими лошадьми и там я повстречал девку по имени Дайана. Ей было девятнадцать, а мне тринадцать, но во мне было пять футов и одиннадцать дюймов. Мы были в месте под названием Голубая Лагуна и она залезла на меня. Я думал, что все мои праздники наступили одновременно. Всё было кончено в 60 секунд, но тогда я усвоил, что наличие лошади прилагает наличие девочек. Та же история была с байками.

Моё первое знакомство с Харлеем произошло, когда мой кореш Тревор и я нашли старый Валуй позади сантехнического сарая его отца. Валуй – военная модель Харли – Дэвидсона, производившаяся во время Второй Мировой войны. Мы возились с ним, пока он не был на ходу, а затем катались по загонам и ливнёвым каналам позади дома Тревора. Мы прятали его в сарае у Тревора. Найди его батя, он бы меня прибил. Его лучший друг разбился на Валуде и он ненавидел мотоциклы.

В Ньюкастле был мотоклуб под названием Spot Boys и нам случалось видеть по пятнадцать этих парней едущими по главной улице Гамильтона, пригороде центральной части города, на их Триумфах и Биззерах. Неописуемые эмоции вызывало это зрелище. Мне нравилось, как люди смотрели на них, когда бы они не проезжали мимо. У них были кожаные куртки с «цветами», нарисованными на спине, развевающиеся шарфы и кожаные чапсы. Зализанные назад рок-н-рольные причёски. Прямо как у Марлона Брандо в «Дикаре». Я думал, «Ох, бля, это шикарно выглядит».

Они ходили в паб через дорогу от зала развлечений, где мы зависали и я знал одного из них, Джек Четыре Пальца. Я говорил ему о старом Валуе и он сказал, 'Так где он?' я ответил, что он у Тренора, а он усадил меня на заднее сидение своего Триумфа, чтобы туда доехать. Вот и всё. Как только я оказался сзади на Триумфе я знал: таким я и хочу быть.

В то же время, однако, я всё ещё учился в старшей школе Братьев Мэрист в Гамильтоне, вице-капитаном футбольной команды, сосредоточен на моих лошадях и боксе. Я взял одну из своих кобыл, бывшую учебную лошадь из школы по имени Апачи, на Королевский Показ в Ньюкастле. Она была настолько тихой, что ты мог соскользнуть с её спины, пролезть под ногами и лечь под ней. Она была замечательной лошастью и выиграла первый приз в категории «спокойная лошадь». Позже на шоу, мы проходили мимо боксёрского тента, там стоял толстеньких парень в котелке, зазывавший народ и стучавший в барабан. Мой старик хотел, чтобы я пошёл, но мне было лишь четырнадцать и я был не в восторге. Батю ответ «Нет» не устроил, однако, там был молодой боец, лет двадцати, так что я решил, что против него есть шанс.

Нужно было продержаться три раунда, но во втором я отправил парня в нокаут, он упал и не хотел продолжать бой. Я победил.

Я пошёл в третий класс в «Братьях Мэрист». Я был в классе деревообработки однажды, а все ненавидели деревообработку, потому что преподаватель был стрёмный и строгий. В тот день я неправильно выстругал самолет, и он решил дать мне шесть ударов тростью.

Я положил свои руки для получения шести ударов и он сказал, 'Нет, переверни их наоборот..' Так что мне вдарили шесть раз по костяшкам пальцев. Должно быть, я сказал что-то про себя, когда уходил, потому что он сказал, 'Кэмпбэлл, вернись.'

'Зачем?'

'Получишь ещё шесть,' сказал он.

'Хуя с два. Можешь проваливать.' И я ушёл.

К моменту, когда я пришёл домой, маме позвонили, так что старик был в курсе. Как только я вошёл в дверь, я увидел, что он идёт на меня.

'Погоди! Погоди!' Сказал я. 'Я не виноват.'

'У тебя есть десять секунд, чтобы сказать, почему нет,' Сказал он.

Я рассказал ему историю.

'Неужели?'

Он пошёл в школу, подошёл к преподавателю деревообработки и втоптал его в пол.

Это было концом школы для меня. После этого я помогал маме по дому или работал со стариком. Он продолжал тренировать меня боксу и ознакомил с азами ножевого боя. Научил меня правильно держать нож, как блокировать, как резать, а не колоть. Он всё втолковывал мне, 'Никогда не хочешь убивать кого-то в поножовщине. Если ты можешь этого избежать, давай, иначе ты закончишь за решёткой пожизненно.' Итак, он показал мне ключевые точки для обезвреживания человека (вокруг бицепса и, если ты можешь опуститься вниз, Ахиллово сухожилие), а также места, помогающие избежать убийства (яремную и бедренную артерию на ноге). Я не знаю, где отец всё это узнал. Полагаю, просто по мере взросления. Он также показал мне, что угол спичечного коробка при правильном режущем ударе режет не хуже бритвы. Мусора долго не могли взять в толк, откуда у всех этих людей такие сильные раны.

В скором времени после моего ухода из школы, мы уехали из района Ньюкастла и немного попутешествовали. Мы ездили в Такли, Этталонг и Умину, на центральном побережье Нового Южного Уэльса, затем в Северный Наррабин, Наррабин-и-Ди-Уай на северных пляжах Сиднея. Мне было пятнадцать, когда я получил работу на рыболовной лодке, затем помощником молочника, но работа не длилась долго, потому что мы много ездили. Отец так и не сказал нам ничего. Но мы никогда не оставались нигде дольше, чем на несколько месяцев. Всё, что мы знали – мы снова будем паковать вещи и собирать кровати, чтобы снова уехать.

Мы остановились в Виктории, в большом гостевом доме на десяти акрах, называвшиеся Sassafras Lodge. Там было шесть бунгало сзади и десять-двенадцать спален в главном доме. Заметив, что мой старик не использовал дом, как гостевой, я занял одну из гостевых комнат в дальнем конце дома.

Хотя мне и было уже семнадцать к тому моменту, мой старик настаивал, чтобы я был дома в одиннадцать вечера. Таково было его правило. Так что я смиренно возвращался к одиннадцати, но затем шёл в свою комнату, где жила со мной моя немецкая овчарка по имени Зиг. Он был самой большой овчаркой, которую вы только могли увидеть и он был обучен так, что он бы разорвал любого, кто приблизится ко мне. Я ставил Зига на стражу и старик знал, что он не может войти в комнату без того, чтобы его покусала собака. Следовательно, отец не мог проверить, дома ли я. Я же вылезал в окно и возвращался к своим корешам. Мы катались на чьей-нибудь машине или брали байки и ехали кататься.

Однажды ночью мы ехали через Бокс Хилл в FJ моего приятеля Джонни Нэнкервиса, когда нас атаковало восемь машин. Джонни развернулся на все 180 градусов и направился домой, но четыре машины преследовали нас и скинули нас с дороги. Как только FJ съехал на обочину, Джонни и другие мои приятели дали по тапкам и я остался один держать удар. Я схватил здоровенный деревянный сук, лежавший на обочине и вламывал каждому, кто оказывался поблизости от меня.

Через какое-то время они смирились и свалили в своих машинах. Мне пришлось топтать домой, что означало, что я смог прийти не ранее двух часов ночи. Я крался у задней двери, когда появился старик, 'Это ты?'

‘Да, но у меня веская причина’

Моя рука была между дверью и косяком, а он подпёр её ногой, давя мою руку. Рука ужасно болела, но я зашёл внутрь и сказал ему, что произошло.

‘О, ясно, ‘ сказал он. ‘ Ступай в кровать, и я поговорю с тобой, как проснёшься’

На следующий день он забинтовал мою руку и спросил, ‘Узнаешь тех хмырей, если увидишь их?’

‘Узнаю две машины’

Той ночью мы поехали в Бокс Хилл – папа с рукояткой от кирки – и я заметил две те машины, припаркованные возле кондитерской. Папа зашёл в кондитерскую, избил всех хмырей внутри, затем вышел и разбил все их фары и стёкла, прежде чем запрыгнуть в машину.

‘Когда подрастёшь, ‘ сказал он, ‘ так и поступай’

‘Да, хорошо пап’

После многих лет боксирования, в Виктории я перебрался в рестлинг. Я убедился, что рестлинг мог быть лучше бокса, потому что когда ты боксёр, то ты учишься просто наносить удары, но если ты рестлер, то ты можешь схватить человека, приблизится к нему и провести захват, ног или рук, либо головы. Можно обезвредить человека многими способами. А если скомбинировать навыки бокса с рестлингом, то из тебя получается очень сильный боец.

В семнадцать лет я выиграл в Виктории чемпионат Греко-Римской борьбы в категории до 21 года, но я ушёл с куда большим наследием. Я встретил старого итальянского мужика, который был рестлером-чемпионом в Европе, и он сказал мне, ‘Ты борешься, как гладиатор. Как маленький Цезарь’ После этого люди стали звать меня Маленький Цезарь, и через какое-то время «маленький» исчез. С тех пор я стал известен как Цезарь.

Я купил себе байк AJS 500, постригся в стиле Элвиса, и стал хенгераундом в мотоклубе под названием Bad Blood из Эмеральд, в нижнем Данденоге, недалеко от того места, где мы жили. Они начали в 1941 как первый аутло клуб в Австралии. Они не были большим клубом, но им много было и не надо, маленький и очень дружный.

Они были безумны, как гремучие змеи. Вечно были в синяках и создавали себе много проблем с местными мусорами. Они делали то, чего я бы не стал. К десяти часам вечера они вырубали фары и грохотали по дорогам через Шербрукский Лес. Я думал – Да ну его нахуй. Вырули грузовик из-за угла и тебе пиздец.

Мы ездили кататься вместе или встречались в кондитерских и играли в бильярд, ставили песни в музыкальном автомате. Я как раз приблизился к тому, чтобы стать у них проспектом, когда мой старик решил, что семья возвращается в Новый Южный

Уэльс. Я мог бы остаться в Виктории, но отец сильно сдал из-за диабета и больного сердца, так что я много ему помогал и мы стали по-настоящему близки.

Мы останавливались на Северных пляжах Сиднея, в Авалоне, а затем в Ди Уай, затем переехали в Данвич Хилл и Сурри Хиллс, во внутренней части города. Пока мы жили в Сурри Хиллс, маму положили в Женскую Больницу, чтобы родить её двоих детей, двойняшек, Кэти и Полин. Это был 1965 год, и я только что сделал свою первую татуировку. Это была пантера на моей руке, но отец конкретно ненавидел татуировки, так что я всё время раскатывал рукава моей рубашки, чтобы спрятать её от него. Я пришёл навестить маму в больнице и сам не знаю почему, сидя напротив бати, я начал закатывать рукава.

Отец заострил на это внимание. 'Это что за дерьмо?'

Вжух, я нёсся из госпиталя, а за мной гнался мой старик. Мне было 19, а отец болел, но я не мог оторваться от него. Он всё ещё был самым здоровым мужиком, какого я знал.

Не важно, как сильно болел отец, он всё равно был безумным бойцом и ни от кого не потерпел бы херни. Если кто-то оскорблял его или семью, ему было плевать, как болит его сердце, он хотел нанести удар или поквитаться. Однажды он вернулся из паба на Тейлор Сквер, его тошнило, он был в плохом состоянии. Я у него выяснил, что они хрен и четверо его корешей прыгнули на него. Я знал, кто был тот хрен, и знал, что он ходит на тот же завод в Сурри Хиллс каждый вечер. Мы добрались туда, и я спрятался в дверном проёме, пока мой старик ждал перед заводом. Естественно, этот хрен вышел со своим корешем, очевидно, думая, что они снова намнут бока старикашке. Я схватил их и втащил во входной коридор и там хорошенько их потрепал, затем сказал старику, 'Всё, батя, делай, что собирался'. Старик еле ходил, но дошёл и попинал их.

В другой раз мы ехали вместе, когда он заметил чувака, который выводил его их себя. Старик свернул, и я схватил мужика со спины. Старик говорил, 'Двинь ему в ухо, вдарь туда, выверни это, сломай то' Окончил я, сломав ему большие пальцы, по паре пальцев на каждой руке и выбив из него всё дерьмо. Затем мы выкинули его из машины на скорости тридцать миль в час. Он закрутился по дороге. В то же время я подрабатывал водя прицепа и минивэны, делал доставки. У моего отца было много друзей на Кингс Кросс и я начал брать у них работёнку. Думаю, он познакомился с ними через бизнес по перевозкам, он делал много доставок между штатами. Некоторые из них были на теневой стороне, но для отца это оставалось их делом. Отца никогда не обвиняли в преступлении, он никогда не был в тюрьме. Он одинаково хорошо ладил как с некоторыми из основных ментов, так и с чуваками с Кросса. Забавно было, что одним вечером у нас попивал чаёк шеф полиции, а на следующий день это мог быть хорошо известный в определённых кругах человек. Думаю, отца уважали за то, что у него были яйца отказать многим людям на настойчивые просьбы сделать то, чего не хотел он. И он никогда бы не сказал мусорам ничего о людях с Кросса, которых он знал. У него был свой кодекс, который включал в себя верность и честь.

Кросс стал моим главным обиталищем. Там тусовались все, от американских морпехов, ветеранов Вьетнама. В Сёрф Сити был рок-н-ролл, нелегальные казино, шоу трансвеститов Les Girls и ночной клуб Whiskey Au Go Go на Уилльям стрит. Там были такие персонажи, как стриптизные зазывалы «Полу-Мо», которые носили забавно окрашенные костюмы и котелки; стриптизёрши, как Александр Великий, у которой были огромнейшие на всём Кроссе сиськи; и самая известная из всех, Сандра Нельсон из Розовых Кисок. Я не упомянул Бэмби, вторую знаменитую в городе стриптизёршу. Ночной клуб Чекерз с роскошными типами. Байкеров не пускали, но отца и меня впускали.

За всем этим стояли такие люди как Чоу Хейз и Чика Ривз. А затем шли игроки побольше их.

Однажды я проходил через тёмные комнаты клуба Карусель по делу, когда я столкнулся с очень известным боссом криминального мира, окружённого охраной. Он повернулся ко мне и сказал, «Ты - Цезарь»

‘Ага. А я знаю, кто ты’

‘Если тебе когда-нибудь потребуется работёнка, свяжись со мной здесь в клубе’

Он был известен как Маленький Король, с того времени я работал на него – собирал и делал разные ставки и долги. Текущая такса для большинства сборщиков была десять процентов, но я забирал тридцать пять процентов, так что, я брал действительно сложную работу, например, собирая деньги с людей, которые что-то купили и не заплатили за это. Непорядочные люди были и по другую сторону закона. С такими людьми я бы даже рядом не прошёл.

Мы снялись и снова переехали, на этот раз в Эннандейл на средний запад Сиднея. В 1966 там было довольно жёстко. Там была местная «аллея боулинга», известная как Кровавая Аллея, потому что если ты там шёл в ночь пятницы или субботы, там ошивались три-четыре группы чуваков. Они раздавали вещи, которые семьям с детьми бы не подошли.

У нас была одна банда на улице, которая считала себя «тяжеляками». Иногда их бывало по двадцать-тридцать на выходных. Однажды я был дома и кто-то зашёл и сказал, что один из них направил ствол на одного из моих младших братьев. Я мгновенно оказался у двери, но кто был уже на полпути туда, передо мной? Моя мама. Она была там прямо передо мной и держала пистолет за ствол. Парень стоял там в шоке, так что я оттолкнул маму с дороги и выхватил у него ствол. Им я вломил ему прямо в лицо и продолжал пока он не рухнул. Ещё пара из них подошла и я проделал с ними то же самое. Затем я разрядил ствол и зашвырнул его на крышу.

С того момента, когда бы мы ни встретились, доходило до синяков. К тому моменту старик был так болен, что не мог нести большей ноши, чем бутылка нашатыря в кармане, чтобы он мог её швырнуть в лицо хмырю, чтобы ослепить его, перевести дыхание и упасть сверху. В тот раз он был на большой дороге, Параматта Роуд, когда он сцепился с некоторыми из них и вытащил свои «инструменты». Он разобрался с

несколькими из них и пошёл домой, но они, видимо, проследили за ним, так как позже примерно тридцать из них собрались в конце улицы. Старик сказал маме накипятить воды на плите, так что она наполнила горшки и все эти парни шли по улице и начали стучать в стену. У нас был восьмифутовый проволочный забор с колючей проволокой наверху, которую некоторые из них пытались сорвать. Старик и я обрабатывали их рукоятками кирок.

Отец заорал маме лить воду, так что она и моя сестра Патрисия начали поливать их кипятком из окон второго этажа. Эти типы всё прыгали, пока я и отец им добавляли. Один наполовину перелез, и моя немецкая овчарка подпрыгнула и вцепилась ему в ногу. Он застрял на колючей проволоке, а у него на ноге висела моя овчарка. Всё закончилось лишь когда прибыли менты, минут через пятнадцать.

***

Прямо через дорогу от на Эннандэйле жила пара сестёр, Сандра и Кэти. Сандре было семнадцать, и она была одной из тех гламурных сучек, за которыми шлейфом ходили чуваки. Даже парень моей сестры хотел погулять с ней. Однажды я был в кондитерской, покупал пару бутылок колы, когда она подошла и сказала, 'Цезарь, почему ты никогда не звал меня погулять?'

'Потому что ты никуя мне не нравишься.' Я развернулся и вышел из магазина.

Я видел, что она обращается со своей младшей сестрой Кэти как с дерьмом, так что меня она не интересовала. Кэти была пятнадцатилетней миловидной девушкой, иона была правда хорошим человеком. Я проводил час или два каждый день, сидя на ступеньках её дома с ней, потому что жалел её. За неделю до своего шестнадцатилетия, она подошла ко мне и сказала, 'Хочешь кое-что сделать для меня на мой день рождения?'

'Что?'

'Переспишь со мной?'

'Да, конечно'

Она была хорошей девчонкой и мы начали тусоваться вместе. Она почувствовала, что беременна и это стало заметно. Однажды мой старик спросил меня, 'Ты отец ребёнка Кэти?'

'Ага'

'Ну, тогда тебе придётся на ней жениться'

Старик прошёлся со мной до её дома и вышла Кэти. Старик сказал, 'Хочешь за него выйти?'

'Да, с радостью, ' ответила она.

Затем вышла её мать: 'Твой байкерский урод никогда не будет рядом с моей дочерью'

Старик поднял глаза на Кэти. 'Ну, похоже, ты поздно вато спохватилась'

Это был конец для Кэти и меня. Её родители запретили ей видится со мной, о чём я очень жалел, потому что она мне очень нравилась, так что через какое-то время я завязался с другой пташкой, Ирэн. Это было очень удобно. Подружка Ирэн встречалась с моим приятелем, Питом Дэйвисом, так что мы околачивались вместе. Пит увлекался байками и мы много ездили. Его старик владел салоном по продаже машин, и если мне была нужна красивая тачка, наподобие Корвета, или Ягуара либо Порше, то мне надо было только позвонить ему и сказать, 'Я там видел у тебя Феррари'

'Когда она тебе нужна?'

Я прикатывал туда и оставлял в гараже свой байк, брал Феррари и двигал попонттоваться на Кросс.

Ирэн появилась и однажды я взял её домой. Мой старик толкнул перед нами большую речь: 'Помни, заделаешь её ребёнка – должен будешь жениться'

'Да, пап'

Следующее, что я узнал, что она была беременна. Она сказала моему старику даже раньше, чем мне.

ГЛАВА 2

С момента возвращения в Сидней я всматривался в мото клубы - аутло, надеясь найти такой, который мне понравится. На Кроссе тусовались байкеры из разных клубов – это была нейтральная территория – и я знал довольно многих из них. Не было действительно больших клубов в то время, просто несколько небольших, как Палачи, Корпорация греха. Никто из них не вызывал моей симпатии, так что брат Ирэн, Лурч, сказал мне, 'Почему бы нам не открыть свой клуб?'

'Внатуре, почему бы нет?'

Мы посидели, выбирая название, и остановились на Gladiators. ' Это будет отличным названием, ' сказал Лурч, 'потому что ты Цезарь, а Цезарь был во главе Гладиаторов'

Мы поспрашивали в своём округе, не застолбил ли кто такое название. Оно не было занято, так что я придумал нашивки – «цвета» - с гладиатором, вонзающим свой меч в тигра, вставшего на задние лапы. Сделано было в сине - бордовой колористике, затем нарисовано и вышито на спинах наших кожаных жилетов (или безрукавок). Я также набил «цвета» себе на спину. К тому моменту у меня отросли действительно длинные волосы, и была борода.

Гладиаторы начались в июле 1969, со мной, в качестве президента и Люрчем в качестве вице – президента. Люрч выглядел достаточно диким парнем, даже здоровее меня и примерно с пятьюстами татуировками. Даже уши его были забиты.

Наша территория начиналась в средне западном пригороде Эшфилда и Пятой Пристаней, плюс мы делили Бурвуд с Корпорацией греха, потому что я закорешился с их президентом, Лесом Маркхемом, в Покоях Венеры на Кроссе и он был отличным чуваком. Нашим пабом был Иллинойс на Пятой Пристаней.

Гладиаторы не заморачивались с церемониями по принятию в клуб или ещё с чем-то. Я всегда считал, что для того, чтобы управлять мотоклубом не нужен целый свод правил. Основными правилами были честь, храбрость и не делать ничего дурного своим братьям. В то время смысл членства в мотоклубе был не в деньгах или в наличии большого дома. Дело было в кайфе езды вместе и в чести братства. Так что мы придерживались трёх этих правил, и все понимали их значимость. Ты знал, что не по чести задираться к нормальным людям. Честь значила, что ты не кинешь своего брата. Если у чувака те же «цвета», что и на тебе, то ты его уважаешь, а, следовательно, уважаешь и его старушку. Я узнал, что в некоторых клубах поливали дерьмом старух других мемберов. Это хреново для морали клуба и обижает твоего брата.

По храбрости ты знал, что никогда не подведёшь брата, всегда прикроешь ему спину, не важно в чём именно. Могло быть сорок человек, желающих вас отпинать, и лишь ты и пара твоих братьев, но ты оставался там до конца. Всё могло закончиться попаданием в больницу с пробитой головой, но зато ты не кинул своего брата.

И ты знал, что правильно поступить с братом значит не опрокинуть его на сделке по байку, и что ты никогда не станешь подкатывать к его старухе.

Аутло – клубы в те дни были очень строгими, а их мемберы пользовались большим уважением, нежели многие обычные честные люди; если мембер делал что-то действительно неправильное – его выгоняли из клуба. В отличии от популярного мнения, клубы не приветствовали мемберов насилюющих всех девок вокруг или избивающих чуваков, которые шли по улице с жёнами и детьми. Должна была быть веская причина для обращения к клубу, если ты с кем-то подрался, а правила жёстко соблюдались.

Семья Кэмпбэллов приумножилась позже в том же году, когда хороший друг моего брата Тени начал жить с нами. Чопперу было шестнадцать и его вышвырнули из дома восемнадцатью месяцами ранее. Он жил на улицах, спал в парках и на автобусных остановках. Мы жили на Летбридж Парке на дальнем западе Сиднея в то время, когда мама услышала историю Чопа и попросила его переехать к нам. Его не волновало, что будет надо кормить ещё один рот; он просто встал в наши ряды и стал ещё одним братом. Это было как замещение сына, которого мама потеряла после рождения.

С того момента мы все считали Чопа одним из нас, но у него были свои сомнения, так что мы провели церемонию братания-по-крови, прямо как в вестернах. Все порезали руки, а я имею ввиду, приличные порезы. Даже сегодня у меня всё ещё виден шрам. Чоп порезал свою, и мы смешали кровь. Затем мы все слили немного крови в чашку и Чоп её выпил. Теперь в нём была кровь Кэмпбелла и он был Кэмпбэллом, как и любой из нас. Он считал себя настоящим членом семьи. Он начал звать себя Марком Кэмпбэллом, а как только ему стукнуло восемнадцать, он официально изменил своё имя. Если кто-то когда-либо упоминал его жизнь до воссоединения с Кэмпбеллами то он срывался и шёл до конца. Я видел, как он вламывал людям из-за этого. И вам не хотелось бесить Чопа, ведь, несмотря на то, что он был низкорослый и тонкий, всё его тело было мышцей на мышце и когда он вступал в драку, ему нравилось откусывать уши своего оппонента. Даже если он вырубал чувака, он не успокаивался, пока получал ухо. Он наклонялся, откусывал его и выплёвывал в канаву. Вот мы и назвали его Чопом.

Моя собственная маленькая семья тоже росла с рождением моего сына, Ли, а позднее и двух дочерей, Пэгги и Саманта. Я любил проводить время с детьми, но не с Ирэн, так что большую часть времени я проводил на работе или с Гладдиаторами.

Как только каждый мой брат получил права, он вступил в Гладдиаторы. Первым был Вилс, бывший самым сильным из братьев, шести футов шесть дюймов и под 140 кило весом. Однажды он держал восьмицилиндровый пикап, пока я менял колесо. Затем пришёл Бык, огромный и сильный, с широченной, как у быка, грудью. Его было трудно вывести из себя, но если у тебя получалось – то ты был в жопе. Следующим был Тень. Он был очень тихим, во многом похож на меня. Ребёнком он всё время ходил за мной, потому-то наш старик и назвал его Тенью. Отец говорил мне, что Тень был одним из лучших, но, если его спровоцировать, он становился худшим.

Разумеется, Чоппер тоже вступил, а затем Змей, который был поистине ублюдком с тяжёлым характером. Сделав ему что-то не то ты получал хорошую дозу боли. Ещё был Псих, самый молодой из вступивших. (ещё был младший, Кристофер). Он тоже был тихоней, но мы звали его Психом, потому что он легко мог тебя швырнуть.

Однажды ночью мы были в Эшфилд Таверн, когда Чоп сцепился с одним из бойцов. Эшфилд Таверн в то время была похожа на бойню и Чоп словил стекло в спину. К счастью, задело только в плечо, но его тошнило. Ничего страшного не было бы, но появились копы и мы свалили.

Мы вернулись двумя ночами позже в поисках бойца – я, Чоп, Бык и Псих. Этот боец как раз шёл на работу, и Чоп подошёл прямо к нему, бах. Он сшиб его на землю, прыгнул на него сверху и начал избивать. Бык и я подумали, что Чоп убьёт чувака, так что мы попытались его оттащить. Я держал за руку и ногу, а Бык за другую руку и ногу. Мы тащили его, но Чоп, естественно, вгрызся ему в ухо и челюсть. Вцепился как бультерьер и не собирался отпускать. Так что мы тащили его и чувак по инерции тоже начал подниматься, оставаясь в зубах Чопа. Мы пытались стряхнуть Чопа, но

это окончилось тем, что ухо оторвалось, оставшись во рту Чопа. Окровавленный Чоп встал, выплюнул, пнул чувака ещё раз по рёбрам и мы ушли.

Я никогда не менял своей точки зрения относительно мордобоя. Мой старик всегда говорил мне, что те чуваки, которые поистине умеют подраться не ищут боя сами; им не надо доказывать свою крутость, так как они и сами знают, насколько круты. Но есть драки, от которых никак не уйти: если кто-то по-настоящему на тебя наезжает, они оскорбляют твою жену или семью или клуб, тогда надо защищать свою честь. А когда у тебя длинные волосы, татухи и кожа, то драка сама ищет тебя. Все эти типы хотели одолеть огромного, злого байкерюгу. Бывали моменты, когда я переходил дорогу, зная, что вижу чуваков, идущих навстречу и знал, что дойдёт до драки. Это могли быть семнадцати-восемнадцатилетние пацаны, обозлённые, а я никогда не видел смысла драться с тем, кого ты заведомо сильнее.

Однажды в Иллиноисе, был там мелкий паренёк, примерно пяти футов девяти дюймов ростом, кило на шестьдесят весом. С ним была девушка, но по непонятной причине, он искал проблем. Я в то время качался, был как кирпичный сарай. Руки по двадцать дюймов, пятидесяти семи дюймовая грудь. Он подошёл ко мне бухой в дым. И заявил, 'Я мог бы выбить из тебя всё дерьмо'

'Ага, хорошо, приятель'

Он отвязался, но вскоре вернулся. 'Я мог бы выбить из тебя всё дерьмо'

'Да, да, вероятно, мог бы'

Когда он вернулся в третий раз, я подумал «Бляха», так что я ушёл в следующий бар. Пять минут спустя он был там же. 'Я мог бы всё дерьмо из тебя вышибить'

Я решил уйти.

Я шёл в туалетной комнате, которая выходила в зал перед баром, когда он схватил меня за жилет. Как только он коснулся моих «цветов» я решил, «А вот теперь ты крупно влип, приятель»

Я схватил его за волосы и пояс, сунул его в писсуар и спустил воду. Я мог бы выбивать всё дерьмо из него, но это бы ничего не доказало, потому как я мог бы пришибить его одним пальцем.

Для меня хороший бой тот, в котором ты не уверен в своей победе. Тогда начинает течь адреналин. Иногда можно схватиться с тремя-четырьмя чуваками. Больше ставки – больший накал. В такие бои мне нравится влезать. Если я знаю, что одержу верх, то в чём смысл? Только кулаки обдеру.

И я люблю драки стенка-на-стенку. Или ножевой бой, я люблю ножевые бои. Большинство людей думает, что вопрос владения ножом лишь в том, чтобы ткнуть кого-то. Это не так. Это целое искусство использования ножа и его качественного использования и мне повезло учиться этому искусству. Ощущение того, что твой нож кого-то режет или даже ощущение, что режут тебя – это нечто

труднообъяснимое. Я всегда чувствовал себя не в своём теле. Я упивался болью. Тогда я терял рассудок. Всё становилось красным, затем чёрным, а потом кончалось. А тот тип был весь изрезан.

Как-то раз я был на Кингс Кросс и за мной всюду следовал чувак. Туда и обратно по главной улице Кросса, прямо как тот чувак в Иллиноисе, говоря мне, что может выбить из меня всё дерьмо.

‘Да, братан.’ Я не хотел драться на главной улице Кросса, но он и правда начал меня здорово бесить.

В итоге я пошёл по Спрингфилд Авеню и решил «Лады, будешь и дальше за мной идти – выхватишь там, где никто не увидит»

Я развернулся в проулке за Комнатой Мэнзил, и когда он оказался рядом я вломил ему. Он отшатнулся. Бах. Я ударил его в шею. Он свалился и начал кататься, будто упражнение делал. Я наблюдал за ним и по какой-то причине в голову пришло «Нахуй это». Я вытащил Айтор, Испанский нож для выживания, который носил на правом бедре. Наступил ему на запястье, сильно надавил на лезвие и отрезал ему большой палец.

Это был мой первый в жизни трофей, но я выбросил его по пути домой. Я подумал, Что ж мне с ним делать? Но позже, когда я рассказал эту историю Змею, он посоветовал обзавестись банкой формальдегида, чтобы можно было складывать туда трофеи. Это была неплохая идея, так что я добыл немного формальдегида из похоронного бюро и начал носить разделочный нож в ножнах на спине пояса. Айтор не очень подходил для отрезания пальцев. Вскоре я сидел в старом Рок-н-Ролльном пабе в Woolloomooloo (сейчас более известный как Отель Залива Woolloomooloo) и сошёлся в рукопашной с двумя большими Островитянами. Выходила не плохая драка. Один из них лежал на земле, но затем второй зашёл со спины и ткнул мне пальцем в глаз, пытаясь его выковырять. Я подумал «Ах ты сука». Я просунул свою руку под его, просунул под него бедро и швырнул его на бетон. У меня кровоточил глаз, и я с трудом видел. Точняк, вынимаем нож. Взял его указательный палец и мизинец его кореша. Они всё ещё были в сознании. Трофеи я забрал домой, и они первыми попали в банку.

Так у меня появилась небольшая фишка, когда кто-то меня бесил - я забирал палец. Если бесили очень сильно, то я забирал большой палец.

К 1971 году Гладиаторы ещё существовали, так что мы решили, что пора бы обзавестись клубхаусом. Мы нашли старое местечко в госсобственности на Квинс Роуд, у Пятого причала, которое было достаточно дешёвым, потому как предыдущие владельцы всё там разворотили. Там были выбитые окна и снесена стена. Нас это устраивало, ведь мы в любом случае собирались расширять помещение, а в клубе были ребята, как Люрч, который был укладчиком кирпича и плотником, а Бык и Тень работали в строительстве. Сами они могли перестроить весь дом, так что беспорядок нас не парил. Люрч и ребята всё сделали. Мы сохранили две спальни для

кого-нибудь, кому надо было остаться, а две остальные спальни превратили в бар и траходром. Любой чувак со спутницей мог воспользоваться комнатой.

Мы оставили клуб довольно маленьким. Было трудно найти людей, которых мои братья захотели бы видеть в клубе, так как они судили всех исключительно по способности драться. Я был ближе к мнению, что мужика следует судить с позиции пользы для клуба и что он может в него привнести. Но Вилс, Бык, Тень, Змей и Псих считали, что если чувак не способен драться – пусть валит прочь. Беда была в том, что почти невозможно было найти тех, кто дрался бы так же хорошо, как мои братья. К сегодняшнему дню, думаю, лишь двое из них огребали. Один был вусмерть пьян, а второй столкнулся с пятью сразу и получил железным мусорным контейнером по голове.

Тем не менее, тусуясь на Кроссе, мы смогли получить несколько проспектов. Одного чувака звали Шульц, который был охотник до девочек и работал в Комнатах Венеры. Если кто-то начинал грубить девочкам – он спускал его с лестницы. Он мог драться и был большим мальчиком. Он был пауэрлифтером. Мы видели его на скамье в качалке, выжимающим 600 фунтов. Я как-то был у него в квартире, и у него был промышленный блендер. Он насыпал почти половину протеиновым порошком и немного молока налил туда же, и выпил должно быть два или три литра протеинового напитка, затем слопал две куриные ножки и шмат тунца.

Он купил себе Rigid Sporty, который был похож на чоппер, и привыкал к новым колёсам. Если байк ломался, он просто хватал его за раму и поднимал с земли. Мы все просто стояли и таращились на него. Он был монстром, с телом, как бочка и без шеи. Когда мы пошли покупать ему жилет, чтобы нашить туда «цвета», то самый большой даже наполовину не налез на Шульца. Им пришлось извести целую шкуру, чтобы сшить на него жилет.

Помнится, однажды в Комнатах Венеры до нас дошёл слух, что бойцы с Кросса собираются вломить Гладиаторам. Выяснилось, что они были наняты одним криминальным персонажем, так как Чоп побил его сына из-за какой-то бабы.

Мы сидели там и ждали тех бойцов. В Комнатах Венеры был действительно узкий проход, который вёл к основному бару, так что мы решили, что если эти бойцы придут к нам, мы просто встанем в конце прохода и будем вырубать их по двое, когда дойдут до нас.

Итак, мы увидели спускавшихся Маори, а в то время большая часть бойцов Кросса были Маори. Ну мы и начали их крошить. Бык с цепью, Тень бейсбольной битой, мы выбивали всё из них, тела были повсюду. Затем вдруг Псих завопил, 'Стоять! Погодите! Вы на ноги им посмотрите' Почти все они были в шортах и носках. Оказалось это были два класса команды по рэгби. Они прилетели из Новой Зеландии, чтобы с местными клубами поиграть, пришли в Комнаты Венеры отдохнуть, а в итоге огребли по полной.

Мы помогли им и вызвали скорую помощь, а затем свалили, прежде чем явились копы.

Однажды ночью в 1972 я ехал по Хеймаркет в городе, когда я пересёкся с кучкой гуков избивавших молодого парня и ещё с десятков пытались утащить его старшую сестру в свою машину. Я соскочил с байка и вырубил четверых хмырей.

Молоденькая девчонка была испугана, так я спросил, где она жила.

‘В двух кварталах отсюда.’

‘Я очень медленно поеду рядом и провожу тебя домой’

Я толкался ногами, байк почти бездействовал. Когда мы туда добрались, она сказала, ‘Поднимись наверх, познакомься с моим дедушкой’

Я поднял свой байк на грузовом лифте и вкатил его в большую комнату, увешанную тяжёлыми мешками и с большими корзинами, в которых были палки. Это оказался зал для занятий кюйте, а её дедушка был сенсеем. Кюйте – северокорейское боевое искусство, которому, как правило, не учат европейцев, но сенсей был столь благодарен мне за помощь его внукам, что согласился поучить меня.

Искусство кюйте в уничтожении оппонента. Это не что-то наподобие дела для самообороны и поиска-внутреннего-покоя, как в фильме Парень Каратист. Твоя защита в том, что ты идёшь и выбиваешь всё дерьмо из хмыря, да так, чтобы он не мог навредить тебе. Корзины были заполнены зерном или ячменем, и когда ты усваивал технику, то мог кулаком или, что более обычно для кюйте, своей ладонью, через зерно в локоть. Что означало довольно сильный удар.

Кюйте так же улучшило мои навыки обращения с ножом, научив меня, как драться вплотную с маленьким изогнутым клинком, наподобие ножа для снятия шкур, который может резать и рвать. Ты учишься отвлекаться от всего вокруг, концентрируясь на ноже перед тобой, со временем это становится рефлексом и тебе даже не надо об этом думать, всё происходит само собой.

Я получил чёрный пояс пятой степени, добавив несколько навыков в свой бойцовый репертуар. И у меня была возможность их применить.

Я слышал, что моим боссом, Маленьким Королём, на Кроссе проводятся подпольные бои. Так что я связался с ним и спросил, могу ли я поучаствовать. Мне пришлось дать ему слово, что я не буду упоминать о нём или боях никому, даже своим братьям. Затем это был лишь вопрос дожидаться звонка.

Почти через месяц мне поступил звонок. ‘У тебя сутки, готовься. Завтра в семь вечера тебе наберут’

Следующей ночью мне позвонили и сказали, куда прибыть. Бои бывали повсюду. Могли быть на заводе или подземной парковке – где угодно, где было достаточно места для толпы. Зазывалы получили одинаковые сообщения: ‘Цезарь бьётся завтра

ночью. Вам позвонят и скажут, куда прийти' Могло быть от восьмидесяти до сотни человек в толпе, иногда и вдвое больше – в большинстве своём цивилиы с жаждой увидеть нокаут. Некоторые из них были довольно высокопоставленные люди, те, о ком бы удивились, узнав, что они якшаются с теневым миром. Заходили даже члены парламента.

Организаторы привозили бойцов со всей Австралии и даже из-за океана. Хорошо известных боксёров и мастеров боевых искусств. Я был в тренировочных штанах и с голыми ногами. С голыми ступнями можно сделать куда больше. Например, ткнуть пальцем в глаз оппоненту.

Оружия не было, но это пока позволяли правила. При рукопашной всё сойдёт. Как в фильме Жан-Клод Ван-Дамма Самоволка, или в телешоу Тотальный Боец, только в десять раз жёстче. Ты мог выдавить чуваку глаз, бить его в шары, вдавить ему переносицу в мозг, что угодно ради победы. Не было судьи, который остановил бы бой, чтобы предотвратить смерть.

Приз обычно составлял порядка десяти-пятнадцати штук, выдаваемые Маленьким Королём и его двумя помощниками. Я не знал их имён, но знал, что они широко известные честные бизнесмены. Они присутствовали на боях и делали большие деньги на ставках. Многие шишки тоже делали немалые ставки.

Всегда было примерно тридцать сидячих мест для воротил и больших шишек возле круга – которым была верёвка, сложенная в круг на полу. Остальные стояли. Иногда можно было увидеть Скотч в руках у зрителей, но бара не было. Весь фокус был в том, чтобы прийти, посмотреть три боя и удалиться.

Когда я только начал, я был рад выигрывать приз в пятнадцать штук, но затем увидел, какие деньги переходят из рук в руки и я понял, как на самом деле тут делали деньги. Я пришёл к Маленькому Королю и спросил его, можно ли мне привести одного из моих братьев, чтобы он мог делать ставки, которые делали организаторы.

'Хорошо, можешь сказать одному брату, ' ответил он. 'Но ты будешь должен удостовериться, что твой брат никому не скажет никому в вашей семье того, что узнает'

Я пообщался с Тенью и он пообещал, что никому не скажет. На следующий бой мы пришли вместе и воспользовались деньгами, которые я получил за прошлые бои. Таким образом, мы начали делать хорошие деньги. В начале ставки шли пять к одному, ведь меня никто не знал. Но после того как я победил хорошо известного спеца по боевым искусствам из Малайзии ставки сократились. Затем я побил известного бывшего чемпиона Америки. На боксёрском ринге он мог меня уработать, но мы занимались не боксом.

Мне нравились подпольные бои, потому что каждый тип, с которым ты сходил, был прекрасным бойцом, иначе бы его там просо не было. К тому же там не было судьи или врача. Ты никогда не знал, победишь ли ты. Но я в любом случае выходил

с мыслью, что я одержу победу. Это кое-что, что втолковал мне мой старик. Он говаривал мне, 'Всегда знай, что надо быть осторожным. Но никогда не иди в бой с мыслью о возможности поражения, или с мыслью, что чувак может быть лучше тебя. Всегда иди с мыслью, что легко его уделаешь'

Так что я выходил на бой с мыслью, Ну тебя-то я в тридцать секунд уработаю. Иногда бывало, что большего было и не надо. В другие разы требовалось побольше времени, чтобы вырубить чувака, порядка двух минут. Если ты хотел убить его, то на полминуты меньше.

Как только бой кончался, все собирали свои ставки и исчезали.

Однажды ночью я и Змей получили звонок от одной девицы, Сью. Она гуляла с Мышом, сержантом-по-оружию из Викингов, и была действительно милой девушкой, действительно стойкой. Она спросила, 'Ты не мог бы оказать нам услугу?'

'Какую?'

'Можешь подвезти меня в Кронуллу? Там один чувак торгует девяти каратными золотыми зажигалками, и я хочу купить такие для каждого мембера Викингов на Новый Год'

Я решил, что это довольно мило с её стороны, и я ответил, 'Ага, мы тебя подвезём'

Когда мы были у неё, с ней была подружка.

'Кто это?' Спросил Змей.

'Это Джоанна, старушка Маленького Билли'

'Кто такой Маленький Билли?' Спросил Змей.

'Мембер Палачей'

'А, хорошо' итак, мы повезли Сью и Джоанну в Кронуллу.

Когда мы вернулись, старик Джоанны, Маленький Билли, уже ждал. Под именем Маленький Билли мы ожидали увидеть гигантского типа, но он действительно оказался небольшим парнем. Он схватил Джоанну и начал на нас наезжать. 'Вы какого это хуя мою старуху забираете?' Не говоря ни слова Змей просто вдарил ему. Сбил его наземь, разбив ему зубы. 'А теперь ползи сюда и целуй мои ботинки' сказал Змей.

Маленький Билли подполз и поцеловал ботинок Змея. Змей повернулся к Джоанне. 'Ну, ещё увидимся'

'Ага. До встречи'

На следующей неделе я позвонил Сью, после Рождества, чтобы узнать, как прошёл подарок зажигалок.

‘Ой, вовсе не так, как я думала’ сказала она.

‘Почему нет?’

‘Мышу не понравилось’ по её голосу я понял, что что-то было не так.

‘Погоди’ сказал я. ‘Сейчас приеду’ Я вскочил на байк и двинулся к ней домой. Она сидела там с синяком под глазом и разбитой губой.

‘Что с тобой произошло?’ спросил я.

‘Мыш взбесился, узнав, что вы со Змеем подвезли меня в Корнуллу’

‘Ты не объясняла, что вы ездили за подарками на Рождество для всех чуваков из его клуба?’

‘Да, но ты же знаешь, как он к тебе относится’ Он всегда думал, что между мной и Сью что-то есть, что было не правдой.

Я дождался, пока Мыш приедет с работы и когда он вошёл я спросил, ‘Ты ударил её из-за того, что она со мной ездила в Кронуллу?’

‘О, нет, Цез, нет, нет. Мы просто поспорили’

‘Ну так это тоже простой спор’ Бах. Я выбил из него всё дерьмо. Я заставил его ползать перед Сью и говорил, ‘Пока она не попросит меня прекратить, я буду всё гавно вышибать из тебя’ Он умолял её попросить меня перестать топтать его. Она глядела на него и у неё возникла широкая улыбка. ‘Ну хорошо, Мыш. Цезарь, перестань’

Я наклонился и схватил его за волосы. ‘Ещё раз ты поднимешь на неё руку я вернусь и прикончу тебя. Ты отправишься в поездку, которая тебе не понравится’ Он в точности знал, о чём я, потому что я делал и другую работу – знаете, возил людей на каникулы безвозвратно.

***

Тень подвозил своего приятеля в Саммер Хилл однажды ночью, когда его приятель сказал, ‘Тень, притормози, мне отлить надо’

Тень притормозил и чувак спрыгнул.

На самом деле, его приятелю не было нужно отливать, он просто заметил чувака, идущего по улице с ящиком пива. Он схватил пиво, толкнул парня и прыгнул в машину Тени.

Тень уехал, но чувак запомнил номер машины. Когда копы приехали к нему домой, Тени предъявили обвинение в нападении и ограблении. Менты сказали ему, ‘Мы знаем, что с тобой был другой чувак. Дай нам его имя и мы будем с тобой полегче’

‘Пшли нахуй. Нихера не знаю, о чём вы’

Так что какое-то время он провёл в Гоулбурне и Эму Плэйнс.

За несколько дней до его выхода, мы позвонили Сью и нашли её подружку Джоанну, которых мы подвозили в Кронуллу. Мы съездили за ней и ещё парой девочек, маленькой Энни и Джули, у которой были самые большие буфера, какие вы только видели и отвезли их к маме. Мы хотели подарить Змею подарок на освобождение.

Мама сказала, 'Я знаю, на что вы намылились. Одна из них для Тени, верно?'

'Вероятно, они все для него, мам'

Мы спрятали их в спальне, ждать приезда Тени.

Тень вошёл в дверь и первое, что он сделал это подошёл к маме и крепко её обнял и поцеловал в обе щёки. Затем сел с ней на диван поболтать, обнимая её. Все в нашей семье хорошо относились к маме. Все братья были готовы умереть ради неё. Она заметная женщина. Мама и Тень проговорили с полчаса или около того, но мама знала, что эти три девочки его ждут, так что мы всех их привели и сказали Тени, 'Выбирай или забирай всех'

Он прошёлся вдоль них, выбрал Джоанну и отвёл её в спальню. После этого всё и началось. Они всегда были вместе. Она стала его старушкой и у них родилось пару детей.

У Тени всё решилось, но у меня всё было куда сложнее, если речь шла о женщинах.

Я сидел на табуретке в Отеле Иллиноис у Пятого Причала – крайний стул слева, как входишь в зал. Спиной к углу. Куда бы я ни ходил – паб, чей-то клабхаус, даже в своём клабхаусе – я всегда садился спиной к углу, чтобы никто не мог подойти со спины.

Девушка подошла ко мне и сказала, 'У тебя клёвый байк'

'Ага'

'Не хочешь меня прокатить?'

'Не особо'

'Прокатишь меня – можем заехать ко мне и я тебе дам'

'Нет, спасибо'

'Ты пожалеешь об этом'

'Неужели?'

'Ага. Я знаю Цезаря из Гладиаторов. Он мой близкий друг, и я попрошу его настучать тебе'

Я слегонца охуел от такого. 'Да ладно?'

‘Ага’

‘Ну и как хорошо ты знаешь Цезаря из Гладиаторов?’ спросил я её.

‘Действительно хорошо. Мы с ним были парой’

‘Ну если ты его хорошо знаешь, то должна знать, кто я такой’

Она уставилась на меня, возникла пауза, старая бармен Глэдис придвинулась.
‘Цезарь, тебя там к телефону’

Эта девка поглядела на меня, резко покраснела, и вжух, вылетела за дверь. Старая Глэдис хохотала, ‘Я решила, что тебе надо помочь’

За байкерами бегают много девочек. Когда ты притормаживаешь у паба, у тебя есть девочки. Когда паб закрывается, то снаружи стоят девочки. Чуваки влезают на байки, указывают на одну из них, а затем на заднее сидение байка. Девка подбегает и запрыгивает.

Разумеется, я был женат, но между мной и Ирэн ничего не было; домой я ходил лишь повидать детей. Как оказалось, Ирэн совершенно не уважала наш брак. К тому времени я выяснил, что она ходила от меня налево тремя разными чуваками.

Я сказал Ирэн, что с этого момента я считаю наш брак окончанным, и что если я ещё раз поймаю её на измене, то я её хорошенько припрячу. Какое-то время я приударял за отличной бабой, Шерри, но оставался с Ирэн. Я понял, что пока дети были маленькими, то моё место было рядом с ними, я и был.

Но Ирэн была такой девкой, которая просто не слушала. Она больше думала о своих хахалях, чем о детях или обо мне, и вскоре у неё появился четвёртый хахаль.

Кончилось всё судом, когда чувак попал в больницу и ему пришлось удалять селезёнку. Он заявил, что я напал на него и у ментов было пару свидетелей, которые это подтвердили. К счастью, свидетели передумали, и, по какой-то причине, офицер, производивший арест, выставил всё в ином свете: ‘В день предполагаемого нападения, потерпевший был на крыше своего дома, прочищал дымоход и упал оттуда’

Они вызвали доктора, и судья провел его опрос. ‘Вы заявили, что удаление селезёнки могло быть вызвано только ударами ботинками в живот. Могло бы падение с крыши вызвать аналогичные повреждения?’

Доктор глянул на меня, затем повернулся к судье и сказал, ‘Да, ваша честь, падение с крыши вполне могло вызвать разрыв селезёнки’ Судья нашёл обвинения доказанными, но приговора не вынес. Это был мой единственный раз в суде, и я держал своё дело чистым.

Снаружи здания суда ко мне подошёл коп и сказал, что один из его лучших друзей прошёл через подобную хрень; его женушка кувыркалась с парой чуваков за его спиной. Он сказал, ‘Я подумал, ты заслуживаешь честного дела’ Так что и копы с

понятиями тоже бывают. Мы пожали руки, и я вернулся к несчастью супружеской жизни.

В начале мая 1978 я был в Кройдонском пабе, попивая апельсиновый сок, и наслаждался зрелищем двух видов отличных партий в пул. Одна из девочек проиграла партию, оставив на столе все семь шаров, что по правилам заведения значило, что ей придётся обнажить свои сиськи. Так что она забралась на стол и сняла свой топ. У неё были охуенные титьки. Но была другая девушка, за которую я по настоящему зацепился взглядом. Как только я увидел блондинку, нагнувшуюся через стол, всё замерло. Я просто онемел. Я знал, что однажды я буду с ней. Не будь я женат, я бы тут же подошёл к ней, просить её руки. Но я всё уладил, купив ей выпить и проговорив всю ночь. Её звали Донна и она была сногшибательной двадцатидвухлетней медсестрой, работавшей в Кэмпердоунской Детской Больнице.

Неделей позже Ирэн повстречалась с Донной, и из них вышли отличные подружки. Она приглашала Донну в кино, звала на чай. Донна всё больше и больше времени проводила с нашей семьёй, пока однажды Ирэн не предложила ей переехать к нам.

Я несколько напрягся. 'Но у нас нет комнаты' сказал я.

'Ну так пусть спит с нами' сказала Ирэн.

Итак Донна переехала к нам и ночь за ночью в постель мы ложились втроём. Ничего не было, но становилось всё более очевидно, что Ирэн пытается нас с Донной свести. Ирэн спала с краю кровати и поворачивалась спиной и подталкивала меня к Донне. Не то, чтобы ей приходилось прилагать много усилий. Мне приходилось собираться с силами, чтобы сопротивляться. Возможно, Ирэн пыталась успокоить свою совесть. Или она думала, что если я так заинтересуюсь Донной, то не буду столь пристально за ней следить, и она сможет продолжать блядки.

Долгое время мы с Донной просто общались и очень сблизились. Ни с кем до того у меня такого не было. Как и у неё. Она жила со своей мамой и папой, и до меня у неё было всего трое мужчин. Очень быстро она стала моим лучшим другом, а несколько месяцев спустя – моей любовницей. Как только это произошло, пути назад не было. Я знал, что я нашёл ту, с кем хочу провести остаток своих дней. Я мог доверять Донне, ради неё я был готов словить пулю в сердце. Она была верной, любящей, привлекательной, но прежде всего - верной. И, разумеется, сногшибательно сексуальной. Но даже если бы у нас больше никогда не было секса, это не изменило бы наших отношений. Я бы так же её любил. Просто присутствие Донны в комнате дарило мне удовольствие и покой.

Как только стало понятно, насколько всё серьёзно, я сказал Донне, 'Тебе захочется это обдумать, ведь быть старухой и женой байкера вне закона не легко, особенно в моём случае. Есть много людей, которые, по непонятным причинам, думают, что лучший способ, чтобы показать себя или заработать репутацию это либо побить меня либо убрать. Будут как хорошие времена, так и много тяжёлых'

И женщина сказала, 'Но я хочу быть с тобой, более того, я хочу быть тебе женой'

Я обещал Донне, что однажды мы поженимся.

Разумеется, ещё была Ирэн и мы втроём жили под одной крышей, это удивляло некоторых людей, что у меня две «жены». Они не знали, что мой брак с Ирэн мёртв и если бы Донна не появилась, а я остался с Ирэн, то, вероятно, всё бы кончилось тем, что я прибил бы её. Или хотя бы просто дождался, пока дети подрастут, а потом свалил бы, забрав тех детей, что пожелали бы со мной пойти. Теперь, когда всё изменилось, пришло время нам с Донной переехать к себе. Мы нашли себе небольшое местечко и я каждый вечер ездил туда.

ГЛАВА 3

В Саммер Хилл открылся клуб под названием Убийцы, в пригороде на востоке нашей территории, и вскоре они начали кататься на наших землях.

Мы провели собрание и решили, что приедем в их паб и дадим им шанс уехать с нашей территории. Если бы они с этим не согласились, то мы расширили бы их и закрыли на том же самом месте и моменте.

Итак, мы направились в Отель Саммер Хилл. Снаружи стояло полтора десятка байков, так что их внутри было немало, против семерых нас. Мы вошли в сделанный под старину паб и наши президента Убийц перед барной стойкой. Мы сказали ему о цели нашего приезда. Он ушёл поговорить со своими чуваками, затем вернулся и сказал, 'Мы подумаем об этом'

Не этого ответа мы ждали. Я глянул на Быка, тот на Змея и бах, понеслась. Первый удар я нанёс их президенту. Мы гонялись за ними по пабу. Чоп вцепился зубами в щеку их сержанту-по-оружию. Некоторые из них использовали стулья, пытаясь нас сдержать, некоторые перепрыгнули бар. Когда начинается стенка-на-стенку, ты хватаешь первое, что подвернётся под руку, будь то стакан, или стул, или бильярдный кий, и делаешь всё, что возможно для победы. Если ты по-настоящему аутло байкер, то ты делаешь это не ради себя, а ради своего клуба и чуваков рядом с тобой. В действительно непоколебимом клубе, чуваки настолько близки, что предпочтут сами словить удар, нежели он достанется брату.

Всё длилось восемь или девять минут. Мы всех их вырубали, а затем Шульц прошёлся по бару, собирая их «цвета». Так закончились Убийцы.

Такое происходило довольно часто – одни клубы закрывали другие. Обычно была стенка-на-стенку, но бывало и вовсе без драки. В одном инциденте в Грэнвилле, один клуб просто вошёл в паб другого клуба, подошёл к их президенту и сказал ему и его чувакам снимать жилеты. И они сняли. Просто скинули свои «цвета» без единого удара, как я слышал. Очевидно, они были наслышаны о другом клубе и решили не связываться с ними. Но для меня, если чувак в моём клубе просто отдал бы свои «цвета» вместо боя, то всё. Он вылетел бы из клуба и я лично вломил бы ему.

Другой достаточно большой клуб, Салемские Ведьмы, у которых была территория между Саммер Хилл и Далвич Хилл в течение нескольких лет, однажды просто

испарились. Только что были на виду и вдруг их нет. Никаких Салемских Ведьм. Так же, как и Призрачные Лорды. Их довольно хорошо знали, но было то же самое. Однажды они просто исчезли.

Однажды ночью мы ездили по южному пригороду, желая поквитаться с чуваками, которые ранее сцепились с Быком. Мы не смогли их найти, так что направлялись домой в Эшфилд и когда мы остановились на светофоре Бык сказал, 'В следующем пабе заедем накатить пива' И проезжая Мост Страшного Тома в Блэйкхёрсте мы свернули к Отелю Сибриз.

Когда мы сворачивали, я заметил много байков, принадлежавших клубу Висельники. Бляха, подумал я. Мои братья не ищут драки, но они и не уходят от неё. И их не сложно раззадорить, особенно если речь идёт о другом клубе. Всего-то надо уставиться на Змея и всё. Мы зашли в паб и чуваки заказали себе пиво. Я взял лимонад. Я никогда не бухал. Один из Висельников подошёл ко мне и сказал, 'Мы тут пьём'

Тень подошёл сзади и сказал, 'Да, и что с того?'

'Ну, ' сказал тот Висельник, 'было бы правильно сперва спросить у нас, можно ли вам тоже тут пить'

Я видел, к чему всё идёт. В следующий миг Тень психанул и вломил ему. Затем Чоп и Псих понеслись в другую сторону бара, размахивая кулаками. Драка шла повсюду. Ещё до того, как я узнал, Бык и Змей вышли с их «цветами» на их руках. Они расшили Висельников.

Бык, Тень и Змей возили на байках сетки, так что они зацепили «цвета» сеткой поверх байков, а когда мы вернулись в клубхаус, он пошли на задний двор и сожгли их.

Если байкер терял свои «цвета» он мог либо перейти в другой клуб, либо стать одиночкой. Иногда в клубе, который вы закрывали, мог оказаться чувак, который стойко бился, такого было не зазорно взять к себе проспектом.

Другой вариант для байкера, утратившего «цвета», был пойти в общественный клуб или Христианский клуб. Таких было много. Они носили жилеты и многие из них выглядели, как настоящие байкеры, с татуировками и длинными волосами. Некоторые Христианские и общественные клубы носили «цвета». Некоторые даже вели себя, будто были аутло клубами, до тех пор, пока не появлялся настоящий аутло клуб. Тогда они все внезапно сразу становились общественным клубом. Было негласное правило среди аутло клубов – мы не бьём никого из общественных клубов и 99% аутло клубов также оставили Христианские клубы в покое. До тех пор, пока они не начинали гнать херню о ваших «цветах» или не наезжали на ваших мемберов – тогда ты гасил их, как и всех остальных.

Клуб, называвшийся Подземные Владыки катались по нашей территории. Поначалу они просто бухали в своём пабе в Бэлфилде, в паре километров от Эшфилда. Это не

слишком нас беспокоило, но они начали приезжать и пить в пабе Кройдон. Мы переговорили с несколькими их мемберами, но вместо того, чтобы всё сделать правильно, они послали нас в пешее эротическое путешествие. Что плохо кончилось.

Начались кошки-мышки. Они знали, что мы их ищем, так что они перестали кататься в пабы. Они катались по району, а затем сваливали в свой клубхаус. У нас два месяца заняло их отслеживание.

Мы ввалились в их клубхаус в четверг, в день их собрания, вышибли переднюю дверь и вломили нескольким из них. Они просто скинули свои «цвета» на пол.

Мы приобрели действительно пугающую репутацию. Мы не были просто клубом, наш костяк состоял из братьев, что означало более крепкие узы, нежели в других клубах. Каждый из нас выступил бы против чувака с кием для бильярда и принял бы удар за брата. Если ваш клуб думает так друг о друге, то вас очень нелегко побить.

Мы слыхали о клубе, который базировался в Парраматте под названием Команчерос. Мы пересекались с ними на дороге, видя их на заправках и у баров.

Мой приятель, Таракан, из Фениксов, пил с нами в Эшфилд Таверн, и однажды ночью привёл парня из Команчерос, Джон Бой. Джон Бой носил свои «цвета», что обычно не позволялось в пабе другого клуба, но он был сам по себе и Таракан за него ручался, так что я позволил ему остаться.

Таракан уже свалил, когда я допил лимонад и пошёл отлить. Джон Бой подошёл ко мне и сказал о чуваках, пытавшихся спереть мой байк.

Той ночью я уработал двух чуваков, а Джон Бой помог мне с третьим. Что было здорово с его стороны, поскольку мы едва были знакомы. Я помню выражение его лица, когда я собирал свои трофеи мизинцы. К тому времени было порядка двадцати шести пальцев в банке. Я был благодарен, ведь он помог мне выручить мой байк, так что я пообещал ему: 'Если будет что-то, что я смогу для тебя сделать – только скажи и я помогу'

Знал бы я тогда, что данное Джон Бою обещание определило мою судьбу, и однажды дорого мне обойдётся

К концу семидесятых мы начали тусоваться в пабе под названием Таверна Джеймса Крэйга, в новом торговом центре, который построили в Биркенхед Пойнт. Мы парковали байки на втором этаже парковки, прямо возле дверей, которые были входом на танцпол Таверны, так что мы могли присматривать за ними, когда были там. Работники всегда придерживали для нас свободными два-три стола перед дверями. Мы приезжали с нашими старушками и слушали такие группы как Ol' 55 и Щербет. Я дружил с одной официанткой, Викторией, и она приносила нам большие подносы с оставшейся в буфете едой, холодные свиные отбивные и печёная картошка.

Однажды мы там сидели и один из вышибал подошёл к Быку, который был нашим сержантом-по-оружию. 'Там другой байк клуб внизу проблемы создаёт'

'Кто?' спросил Бык.

'Команчи'

Команчи? Бык глянул на меня, но я о таких не слышал, так что мы отправились вниз. Это оказались Команчерос. Один из их чуваков прыгал на бильярдном столе.

Бык сказал ему слезть.

'И что ты сделаешь, если я не слезу?'

'Вышвырну тебя в окно' ответил Бык.

Он слез.

Там был Джон Бой, зашёл снаружи. 'Здорово, Цезарь'

'А, Джон Бой, что вы тут ловите?'

'Да решили заскочить выпить'

'Ну ты знаешь правила' сказал я. 'Надо было спросить'

'Да, пошёл нахуй' сказал Бык.

'Успокойся' сказал я. К тому моменту Тень и Шульц и ещё наши чуваки пришли и мне не хотелось мордобоя.

'Да, это справедливо' сказал Джон Бой. Он собрал своих ребят и они уехали.

Несмотря на жёсткое знакомство, мы начали тусоваться с Джон Боем и познакомились с другими Команчерос. Однажды ночью Джон Бой привёл некоторых из них в Отель Кройдон. Той ночью было полно футболистов, чуваков из Уэста и Кентерберри, и Джон Бой помахался с одним из местных. Я быковал со вторым нападающим Кентерберрийцев, Грегом Куком. Он всё похвалялся, что со мной сделает.

'Ну попробуй' сказал я.

Но его приятели подошли и сказали ему, 'Мы не станем прикрывать тебя против этих чуваков' и тут он внезапно пошёл на попятную. 'Мне проблемы не нужны, братан'

Видите, футболисты подерутся, нанесут пару ударов ногами или пару пинков, но когда ты сталкиваешься с аутло клубом, то ты имеешь дело с чуваками, которых резали, били по голове бейсбольными битами и кирпичами, разбивали о лицо стаканы, из которых выбивали дерьмо пять-шесть человек, но они всё равно могли встать и продолжать. Так что для аутло байкера драка с кучкой футболистов - ничто. Футболисты это вскоре усвоили, потому что они стояли там как прилежные

мальчики с поднятыми кулаками, а всё потому что перед ними была кучка чуваков со сломанными киями и стаканами.

Футболисты направились к двери, но, к сожалению, Джон Бой порезался в драке с большим рыжеволосым чуваком. У него сочилась кровь и мы не могли её остановить, так что я и двое Команчерос на скорой помощи отвезли его в Западную Областную Больницу.

Они зашили его и сделали несколько уколов, но тут мы услышали сирены, так что мы схватили Джон Боя и свалили оттуда. Когда я узнал Джон Боя и Команчерос получше, они стали приглашать меня в свой паб на Виктория Роуд, Эрмингтон. Это значимый момент, что один клуб приглашает мембера другого клуба выпить с ними – особенно учитывая, что я ездил в своих Гладиаторских «цветах». Затем, после трёх-четырёх визитов в их паб, я был ещё больше удивлён, когда Джон Бой пригласил меня на клубную вечеринку Команчеро. Очевидно, это для них было впервые.

У Кома не было клабхауса, так что они тусовались в доме мембера, на углу Ливерпуль Роуд и Фредерик Стрит в Эшфилде. Джон Бой немного меня проинструктировал заранее. 'Когда встретишься с клубом, не бесись, если один из мемберов, Снодди, тебя заденет. Он несколько неприветливый. Но вот таков Снодди, но я знаю, что тебе нравится, и я не хочу начала мордобоя как только ты войдёшь в дверь'

Как обычно, я приехал в своих «цветах». Там была дюжина Кома и, как оказалось, рядом с Джон Боем стоял как раз Снодди. Он сразу подошёл и протянул руку: 'Я много о тебе слышал' Мы пожали руки и следующие полчаса разглядывали байки друг друга. Снодди был тихим парнем, но сильным. Я также познакомился с несколькими проспектами. Мой приятель Таракан был там, он перешёл из Фениксов к Кома. Затем подошёл Джон Бой и сказал, 'Джок хочет с тобой поговорить' Джоком был Уилльям 'Джок' Росс, известный президент милитарист Команчерос.

Джон Бой отвёл меня в гараж и представил меня тонко сложенному чуваку в тяжёлых брогах и очках-авиаторах, закрывавших его небесно-голубые глаза. Джок рассказал мне о своей жизни в армии и как он был сержантом в SAS. Жёсткие истории о высадке в Малайе, об отрезанных головах людей. Он сказал мне, что у него чёрный пояс по карате и что у него есть книги о Наполеоне, Гитлере и Чингиз Хане. Его любимой была «Искусство войны» Сунь Цзы. Он сказал, что не хотел выходить из SAS, но его капитан давал ему приказы, ставившие под угрозу его людей. Он подрался с капитаном и его выгнали из армии. Он также говорил мне, насколько дружен его клуб; их было всего тринадцать и они были очень близки.

Мы говорили примерно час. Мне пришлось признать, что в их клубе было несколько стойких чуваков, несколько хороших бойцов, и что они были близким клубом. Но я подозревал, что Джок о хорошей драке мог только говорить.

Гладиаторы добивались всё большего успеха, но развитие клуба становилось почти невозможным с моими братьями, следовавших правилу, что каждый проспект

должен быть способен драться. Мы доросли до 12 мемберов, но я не видел дальнейшего развития. Мы были в Комнатах Венеры однажды ночью с проспектом по имени Тёрк. Он был вышибалой в Тексас Таверн и у него был стеклянный глаз. Той ночью он дерзил Быку и Бык наехал на него и дал подзатыльник. Глаз Тёрка выскочил, пролетел через бар и скатился на пол. В свете ламп он выглядел настоящим. Там стояли две девочки и одна побледнела. Затем Бык подошёл и наступил на глаз, раздавив его. Вторая девушка упала в обморок, ударившись головой о барную стойку. Люди начали исчезать, просачиваясь в дверь. Они решили, что мы тут всех поубиваем.

Чувак, который владел Комнатами Венеры сказал, 'Вы не можете разобраться снаружи?'

'Ой, дай нам пивка' сказал Бык. И он дал Быку пиво. Бык продолжил пить и затем повернулся к Тёрку. 'Ладно, сдавай свою нашивку проспекта' Тёрк отошёл к концу барной стойки, достал нож и спорол свою нашивку с жилета.

На следующем собрании я сказал Шульцу, Люрчу и моим братьям, 'Так больше не может продолжаться. Клуб никогда не вырастет, если мы будем ожидать ото всех, что они будут драться не хуже вас. То, что ты хороший боец – хорошая помощь для клуба, но это не всё, что требуется. Нужны чуваки, умеющие работать с байками, которые могут их чинить, могут их покрасить.'

'Я знаю, к чему вы стремитесь. Вы ищете тех, кто может драться – по-настоящему драться – у вас будут чуваки, которые не побегут, когда станет туго. Но на мой взгляд это не тот образ мыслей, потому что я видел чуваков, которые были поистине хорошими бойцами, но получив пару раз по зубам сразу сдувались. Пусть уж это будут не лучше бойцы, но зато они будут стоять до конца, не смотря ни на что. По мне они куда круче'

В драке наши чуваки стоили тридцати – сорока нормальных бойцов, но я попытался втолковать им, что бой – это лишь навык. 'Подумайте по-другому, если вы вышли против профессионального теннисиста, он надерёт вам жопу. Но это не делает его лучшим чуваком, чем вы, это лишь значит, что в теннис он играет лучше тебя. А ты можешь развернуться и вломить ему'

Но они заявили мне, что нам не нужно больше людей. 'Если у тебя есть качество, то количество тебе не нужно' говорили они.

'Но дело не в численности, а в продолжение клуба' спорил я. 'Ты не можешь круглый год быть с клубом. Если ты отвлечёшься, кто займёт твоё место?'

Встреча закончилась, но не спор. Мы продолжили обсуждение на следующих собраниях.

Мы были у Быка на Хьюм Хайвей в Эшфилде и у нас был проспект по имени Бешенный Пёс. Бык, Тень и Змей знали его за годы до начала клуба, но когда он пришёл я сказал, 'Никогда ему не быть мембером' Я видел, как в драке он бегал

вокруг и прятался за Быком или Змеем или за мной. Он был одним из тех чуваков, что идут в клуб за защитой, чтобы был кто-то за ним.

‘Да, но он хороший парень’ спорил Змей.

‘Хорошо, он может быть проспектом, но ему не бывать мембером’

Тем же вечером, примерно в половину девятого был магазин в Энфильде, который закрывался в девять тридцать. ‘Бешенный Пёс,’ приказал Бык, ‘принеси нам пять ящиков пива’

‘Как он должен привезти тебе пять ящиков пива на своём байке?’ спросил я Быка.

‘Он проспект,’ сказал Бык. ‘Он найдёт способ’

Итак, Бешенный Пёс уехал. Чуть более, чем через час мы услышали громкий скрежет, идущий с дороги. Там был Бешенный Пёс, сзади байка была верёвка, тащившая перевёрнутый капот машины, на котором стояло пять ящиков пива. Он дошёл до стоянки возле магазина, оторвал у машины капот, загрузил на него пиво и протащил его всю дорогу по Хьюм Хайвей. Единственная беда была в том, что за ним остался большой след на дороге, ведущий прямо к дому Быка.

Мы разгрузили пиво, а затем Бык и Бешенный Пёс загрузили капот кирпичами и песком, чтобы нагрузить его. Бешенный Пёс вернулся назад по улице, через торговый центр Эшфилда, до Саммер Хилл, и дальше к железнодорожной линии, удлинив след, чтобы сбить копов с толку. Довольный сделанным беспорядком он взял свою верёвку и поехал назад к Быку.

Неделей позже, мы были в Эмпайр Отель в Эннандэйле и там был довольно здоровый чувак с действительно милой блондинкой. Бешенный Пёс подрулил к ней и начал клеится к ней. Чувак сказал ему свалить, но Бешенный Пёс поглядел на меня и Люрча и что-то сказал чукваку. Было видно, что ему хочется врезать Бешенному Псу, но он не хотел вмешивать нас. Я сказал Люрчу, ‘Давай-ка пойдём туда, где они нас не увидят’

Мы зашли за перегородку, но Бешенный Пёс не видел, что мы ушли, и всё ещё трещал с девочкой. Он повернулся и что-то сказал чуваку, а затем глянул ему за спину и заметил что нас нет. Он свалил из паба. На следующем собрании я сказал Быку, ‘Бешенный Пёс просто никогда не сможет. Если вы хотите, чтобы он тусовался с нами для грязной работы, смотрел за байками и ездил за жратвой и ещё что-то такое, то вы не делаете ему добра, ведь он будет думать, что вот-вот вступит, а этого никогда не случится’

Мои братья может и искали бойцов, но я судил людей по одному критерию – если ты выбрал бой, то иди до конца. Если бы кто-то из клуба оказался бы чуваком, идущим в паб в поисках драки из-за наличия всего клуба за ним, я бы избавился от него. Такие чуваки только добавляют проблем.

Однажды я катался, когда увидел четверых чуваков, которые выдавили с дороги старика на FB Holden. Четверо парней валяли его возле машины, я притормозил и начал их бить. Один из них выдал отличный удар бейсбольной битой по почкам, прежде, чем я их вырубил. Spина жутко болела, когда я повернулся к старику, 'Вы в порядке?'

Он ответил, 'Байкерский уёбок'

Мило.

Если бы я носил костюм, то старик, вероятно, решил бы, что я лучший в мире чувак. Но из-за своего жилета и татух, длинных волос и банданы, я оказался плохим парнем.

Я залез на байк, мне помогла молоденькая девочка, лет восемнадцати, подняв мою ногу над байком. Вот так сильно у меня болела спина. Когда я добрался домой Донне пришлось выйти и помочь мне слезть с байка. В итоге я попал в больницу; ссал кровью, честное слово.

***

Четыре или пять недель, куда бы я ни пошёл, люди говорили мне, что меня ищут Ангелы Ада. Я ехал по Парраматта Роуд в Эннандейле с Донной, когда увидел несколько байков с мёртвыми головами на них, припаркованных снаружи Эмпайр Отеля. Я от боя не бегу, так что я свернул, и мы поднялись в зал.

Там был здоровый мужик, игравший в бильярд, его жилет висел на стуле. Не его спине были слова Ангелы Ада Сидней. Он надел жилет и представился Гитарой. Он знал, кто я такой. Мы начали разговор и, как обычно, проблемы между нашими клубами оказались лишь слухами. Он привёл пятерых своих братьев, и мы поболтали примерно минут двадцать перед тем, как уехать.

Парой ночей позднее я сидел в баре Таверны Джеймса Крэйга на Биркенхед Пойнт, когда Гитара вошёл в двери. Бык и Чоп схватили его и собирались побить, когда Гитара позвал меня. Я сказал им отпустить его.

'Что ты тут делаешь?' спросил я его.

'Моя старушка только начала работать тут на кухне' сказал он.

Я попросил Тень сбегать на кухню. Разумеется, старуха Гитары, Джоан, работала там, так что я сказал 'Тогда справедливо будет, если ты будешь ходить сюда в любое время. Выпьешь?'

'Ага, я буду Джим Бим' сказал он. 'А ты что хочешь?'

'Я буду лимонад,' сказал я.

'Лимонад?'

‘Ага’ добавил Тень. ‘Цез не пьёт’

Итак я купил Гитаре Джим Бим, а он взял мне лимонад, с тех пор у нас завязалась крепкая дружба. Он начал ходить в таверну большую часть ночей, и мы ездили вместе на выходных. Меня и Гитару можно было увидеть на Кроссе вместе минимум дважды в неделю, Гладиатор и Ангел Ада, сидящие бок о бок на байках, болтая обо всём. Он знал каждую девицу на Кроссе. Они проходили: ‘Как оно, Гитара? Как ты, Цезарь?’

Остальные чуваки тоже бывали там на своих Харлеях. В большинстве своём одиночки без клуба, как Крыс или Фрэнк Дробовик. Они парковались рядом каждую пятницу и субботу и просто сидели там. Рано или поздно, подходила девочка и просила прокатиться с одним из них. Парень катал её по кварталу, затем останавливался в ближайшей квартире для перепиха. Затем он её высаживал и продолжал сидеть. Так они жили. Они не охотились за женщинами, женщины сами к ним подходили.

Мы однажды там были и Гитара решил прокатиться по главной улице. Его не было минут пятнадцать и я начал думать, что с ним что-то случилось. Я уже собрался заводить байк и поехать его искать, но тут он как раз появился, прямо на главной улице Кросса, он вёз сестёр Дарджи, дуэт певиц, которые как раз закончили петь в Комнатах Мэнзил. У них были тугие леопардовые комбинезоны, большие ботинки, высокие причёски, одна сидела на баке байка Гитары, а вторая была сзади. Гитара кричал всю дорогу. Сделал большой разворот у Бейсуотер Роуд, а затем обратно, четыре раза, прежде чем наконец-то притормозил возле меня. ‘Отлично провожу время сегодня ночью’ прохрипел он.

Ангелы Ада были клубом среднего размера в то время, примерно пятнадцать человек. Позднее они очень разрослись, но большинство клубов в семидесятые имели всего от двенадцати до двадцати мемберов. Так было до конца восьмидесятых и начала девяностых, когда чаптеры этого клуба начали появляться повсеместно. Я считаю двенадцать-пятнадцать человек – хороший размер для чаптера. Так вы становитесь близки. Мы с Гитарой много говорили об этом. Он говорил мне о драке в Соединённых Штатах между его Американскими братьями и клубом под названием Стая. Более девяноста мемберов Стаи прыгнули на Ангелов на Кливлендском мото шоу. Ангелов было лишь двадцать четыре, но они настучали им. Четыре убитых к одному. Что доказывало, что дело не в количестве. А в качестве клуба.

Я был с Гладиаторами однажды ночью, когда мы подобрали одну девку и отвезли её в квартиру Люрча. Через неё прошли все чуваки, кроме меня. А Люрч в неё влюбился.

Я сказал ему, ‘Она же просто шлюха. Ты ебанулся.’

Два дня спустя мы приехали к Люрчу, а его не было. Он собрался со своей тёлкой и свалил. Самое плохое, что он свои «цвета» тоже увёз. Так что я и Бык проследили его до квартиры в Энморе. Постучали в дверь.

‘Да?’ Это был Люрч. Бык вышиб дверь. Люрч был там, и Бык ударил его, а он перелетел через кровать. Когда он поднялся, настал мой черёд. Бах, и он снова рухнул. Люрч правда мог драться, но он лежал на полу с руками на затылке: ‘Я больше не хочу’

На следующем собрании я обратился к Быку и сказал, ‘Видишь, что вышло с Люрчем? Он хороший боец, вы приняли его мембером в клуб, но когда он начал огребать, то он сдулся’

Видя, как сокращается наш клуб, я понял, что так мы ни к чему не придём. Тусуясь с Команчерос и Ангелами я видел растущие идвигающиеся вперёд клубы. Как бы близки мы не были, сколь пугающей не была бы слава моих братьев, Гладиаторы не соответствовали образу преуспевающего клуба. Ночь за ночью я сидел и думал, как бы мне изменить клуб? Но изменить клуб значило изменить умы моих братьев, но они намертво застрял и в своей идее, что все мемберы должны уметь драться.

До определённого момента я с ними был согласен. Мне нравился маленький, дружный клуб. Я знал, что дело в качестве, а не количестве. Но я так же понимал, что если ты хочешь, чтобы клуб жил, ему нужна новая кровь, молодая кровь. В клубе нужны были разные люди.

На следующем собрании я провёл последнюю попытку их убедить. Ничего не вышло. Они выдвигали те же аргументы. Они не желали меняться. На самом деле, они хотели пойти ещё дальше и проводить вступительные испытания: если чувак хотел присоединиться к клубу, то он должен был побыть с нами какое-то время, а затем выбрать одного из братьев для боя. Если он побил брата, или хотя бы устоял, то он мог стать проспектом.

ГЛАВА 4

Джок Росс открыл Команчерос в 1966, назвав его как фильм Джона Уэйна. В фильме, Команчерос были бандой белых, торговавших оружием и виски с секретным убежищем в Мексике. К моменту моего прихода в августе 1978, Команчерос Джокоса были мотоклубом аутло из тринадцати человек, владеющими Парраматтой, сердцем западного Сиднея. Без клябхауса, члены клуба базировались в Эрмингтон Отеле, на углу дорог Виктория и Сильвер-уотер.

Я сменил пост президента своего собственного клуба на статус проспекта. Быть проспектом значит смотреть и делать, что скажут. Тебя не звали на собрания, твоё мнение не учитывалось, и ты всегда должен быть доступен, чтобы при наличии любой дерьмовой работы ты мог её выполнить. Я видел, что других проспектов отправляют следить за байками, строить заборы, стричь газоны для членов клуба – но как это ни забавно, меня о таком не просили. Ко мне относились больше как к мемберу. Возможно, они просто уважали мою предыдущую роль в Гладиаторах, но я ощущал, что за этим есть нечто большее.

Мы с Донной переехали в дом на углу Фредерик Стрит и Ливерпуль Роуд, в Эшфилд, по случайности в тот самый дом, куда я ездил на первую свою тусовку с Команчерос.

И позднее в 1978 я решил на ней жениться. Технически я ещё всё был женат на Ирэн, но это ничего не значило, если мы хотели клубную свадьбу.

У нас был чувак из Христианского клуба в Северной Парраматте, который был зарегистрированным духовником, и я ему всё рассказал.

‘Ну’ сказал он, ‘ты знаешь, что это не будет на сто процентов законно’

‘Я это понимаю, но я хочу церемонию. Я хочу сделать её своей женой’

‘Хорошо, я для тебя это сделаю’

И мы провели свадебную церемонию в доме у Команчерос, в нашем байкерском прикиде, и Донна изменила своё имя на Кэмпбелл. В рамках клуба она стала моей женой. А Донна была идеальной клубной женой. Она понимала, что клуб для мужчин и что старухи лишь гости. Она знала, что нужно молчать и не спрашивать. И она знала цену верности. Она завела друзей в клубе и получила много уважения. На Рождество если кто-то оставался один, она звала их на обед с нами. Это был дружный клуб, где все друг за другом присматривали, и она хорошо подошла.

Большинство проспектов Команчиро должны были пройти минимальный девятимесячный испытательный срок, чтобы получить свои «цвета», но я был принят через шесть с половиной месяцев. На следующий день, Джок позвонил мне и попросил приехать к нему в Пеннант Хиллз.

Я одел свои чистенькие чёрно-золотые «цвета» с изображением кондора и разбитой телеги, и поехал в район Хиллз. Старуха Джока Ванессам принесла мне колы. Помимо управления клубом у Джока была компания по перевозкам и строительству заборов, что, видимо, давало неплохой доход, судя по размеру его дома.

Мы с Джоком сидели и говорили о клубе какое-то время, прежде чем он подошёл к сути.

‘Есть ли возможность’ спросил он, ‘привлечь твоих братьев в клуб?’ Внезапно я осознал, почему всё было так легко. Джоку была нужна боевая сила Кэмпбеллов.

‘Пара из них точно пойдёт’ сказал я. Мои братья недавно закрыли Гладиаторов и ездили вместе одиночками.

‘Мне не нужна пара’ сказал он. ‘Мне нужны все твои братья. Я хочу, чтобы все Кэмпбеллы были в Команчерос.’ Я пообщался с Быком, Тенью, Психом, Чопом, Змеем и Вилсом. ‘Джок сказал мне, что он хочет всех вас видеть в клубе. Сказал, что вас быстро примут’ Что означало, что, как и мой, их срок проспекта будет недолг и лёгок.

Тень согласился первым, затем Бык. Когда они подтянулись, за ними пришли Псих и Чоп. Змея было сложнее убедить. Он не хотел быть проспектом. Так что я переговорил с Джоком и тот сказал, ‘Передай Змею, что ему надо будет лишь являться на собрания и на общие сборы. В остальное время он свободен’ Честно

говоря, это было не по правилам. Проталкивать так проспекта значит давать ему повод задира́ть нос перед остальными мемберами. Но Джок был президентом и, казалось, делал что хотел.

Я передал Змею предложение Джока и оно его устроило. Он согласился уйти в Команчерос. Единственный брат, который не пошёл, был Вилс. Он не переваривал Джока.

В ночь, когда мои остальные братья были приняты, Джок широко улыбался. Он получил, что хотел. Джок знал, что получив пятерых моих братьев в клуб было равносильно пятидесяти. Они были стойкие и всё бы сделали, ради победы в драке. Сила и репутация братьев Кемпбелл неожиданно добавила много веса Команчерос.

Джок Росс был военным человеком. Ещё до того, как я вступил в Команчерос я слышал истории о его одержимости войной, что он управляет клубом, как армией. Его любимой темой были разговоры о его днях в SAS и стратегии лидеров, как Наполеон и Чингиз Хан. То, как он принял моих братьев было в том же духе. Он строил свою армию и ему были нужны войны. Будучи Шотландцем он хорошо знал о славе Кембеллов горных воинов.

Сосредоточенность Джока на войне была очевидна по клубным правилам. В чартере Команчеро было четырнадцать правил, которые были довольно стандартны, но в этих правилах было порядка пятидесяти или шестидесяти поправок. Все они написаны Джоком. Некоторые из них были довольно странные. Как, например, запрет на контакт с членами других клубов. Поводом для этого Джок называл, что если между клубами вспыхнет война, то ты не сможешь ударить или убить того, кого считаешь другом. У меня было немало друзей в разных клубах, так что это правило соблюдать я не планировал.

Ещё одна специфическая вещь о Джоке была в том, что он не особо увлекался своим байком. На самом деле, у него была куриная слепота, так что я и другие мемберы ехали рядом с ним и говорили, где повернуть или притормозить. Поэтому когда я только вступил в Команчерос ездили мы не много. Идея Джока была в том, чтобы ездить в тот же отель и делать то же самое еженедельно. Это всегда была ночь субботы и Эрмингтон Отель, игра в бильярд. Не было заездов в другие части Сиднея, как это было у нас в Гладиаторах. Я предлагал поездки в другие пабы, где играли группы, и мы начали ездить в Ньютаун и Глейб, на Кросс, в Дарлингхёрст и Тейлор Сквер. Ещё мы начали ездить в Блэктаун и в Виндзор. Это был, в конце концов, мотоклуб, и за этим народ туда и пришёл. Им нравилось ездить.

Однако, не всем. Внутренний круг Джока был во многом как он, особенно его два лейтенанта, Мутный и Снежок. Оба были пожизненные мемберы и всегда были его ушами.

Снежок был пяти футов и одиннадцати дюймов ростом, тонкие волосы и тонко сложенный. Он был не плохим мото механиком, но я редко видел, чтобы он ездил. По правилам Джока, если ты был пожизненным мембером, то ты мог делать что хотел,

так что если он не желал заводить свой байк, то и не должен был. Он ездил везде на своём пикапе. Это сильно отличало Команчерос от любого другого клуба, где байки были на первом месте.

Ещё был Мутный, маленький парень с синдромом Большого Человека. Он был тощий – не выше пяти футов восьми дюймов и килограмм шестьдесят весом, если не меньше, с всклокоченными волосами и маленькой бородой эспаньолкой. Он хромал и тоже не особо много ездил.

Снежку и Мутному не понравилось, когда мои братья, и я пришли в клуб. Наше появление не только усилило Команчерос, но и привлекло к ним больше людей. Клуб разрастался и было видно, что Снежка и Мутного подвигают в сторону. До того они были большой рыбой в мелком пруду, но быстро стали мальками в озере. Они снова хотели внимания и власти.

За исключением склок и военной одержимости Джока, Команчерос были дружным клубом. Были жёсткие чуваки и, наравне с моими братьями, пара хороших бойцов. Нам хватало поездок, тусовок и мордобоя.

В конце семидесятых мы были на концерте в Парраматта Парк, когда началась драка между тремя другими аутло клубами. Дрались повсюду, и когда один из наших мемберов, Лард, решил вцепиться в чувака, всё зацепило и наш клуб. Следующее, что я увидел, Джок, получающий тяжёлые удары. Я впервые видел Джока дерущимся и он отчаянно проигрывал. Я подбежал и вырубил его оппонента. Он упал и кто-то ещё звал меня. 'Цезарь! Цезарь!' Это был Таракан. Трое чуваков прижали его к земле и выбивали всю душу из него. Таракан не мог вырваться из окружения, но он был стойким. Он всегда таким был, истекал кровью, но стоял до конца. Я схватил цепь с большим навесным замком на ней с чьего-то байка и подошёл сзади тех чуваков. Бац. Бац. Бац.

Это был бой, в котором ты по-настоящему мандражировал. Ты дрался рядом с братьями и ощущал, как кипит кровь. Был звоночек, что вас меньше и что вы вместе бьётесь на свой клуб. Были бейсбольные биты, ножи, цепи, много чего и вдруг кто-то выкрикивал твоё клубное имя. Ты его слышал и твоя кровь становилась ещё горячее. Ты начинал махать жёстче и жёстче.

Я оставил троих ребят помогать Таракану, когда неожиданно ко мне пошли ещё шесть или семь чуваков по парковке. Когда они подошли поближе, я схватил Таракана за пояс и плечо и швырнул им в ноги, как шар для боулинга. Они упали, и я начал обрабатывать их цепью. Затем кто-то закричал, что едут копы, неожиданно бой кончился. Мемберы каждого клуба возвращались к своим стоянкам и появились копы, задав всем жару.

Мы решил дать дёру. Но пока я собирал старушек вместе, я наткнулся на детективов, которые начали меня расспрашивать о клубе: Сколько народу в Команчерос? Кто президент? Кто сержант?

'Отъебитесь'

Очевидно, мой ответ их не устроил, потому что на меня надели браслеты, и пока два детектива держали мои руки, старший в пиджаке и шортах начал бить меня в пузо. 'Давай, говори, что я хочу знать'

'Отъебись'

Он продолжал бить, пока один детектив не крикнул, 'Его клуб идёт'

Я увидел через плечо, что там шли шестеро Кома через парк. Старший детектив нанёс мне последний удар, прямо в шары, прежде чем с меня сняли браслеты и скрылись через парковку.

После удара по помидорам искры с глаз посыпались, но остался на ногах и даже дошёл до байка.

Всё сильно болело следующие несколько дней. Я пропустил собрание. У нас планировался пробег на ярмарку Вайсманов на следующих выходных и Снодди, с которым мы хорошо подружились на клубной вечеринке, позвонил и спросил, как я себя чувствую.

'Ссу кровью'

'Оставайся дома, не парься за пробег' сказал он. 'Я поговорю с Джокком'

Потом мне позвонил Джок. 'Цезарь, братан, оставайся дома. Не волнуйся за пробег'

Чуваки свалили в пробег утром в субботу, но к вечеру я чувствовал себя слабым, что не поехал с ними. Всё было завязано и я решил «Да ну его». Выкатил байк, завёлся и направился на ярмарку, примерно в семидесяти километрах.

На полпути туда я ощутил влажность и тепло на ногах, будто обоссался. Я притормозил и увидел, что идёт кровь. Я снял рубашку и заткнул её спереди джинсов. Когда я приехал на ярмарку, первым меня увидел Тень. Очевидно, я хуёво выглядел. Я сказал, что у меня кровь идёт, и остальная часть клуба тоже собралась там. Они ходили по дворам людей, собирая мне полотенца с сушилок. У меня спереди джинсов были полотенца и на сидении байка. Тень и псих отвезли меня домой, и забрали мой байк. Всё кончилось моим попаданием в Госпиталь Западного Пригорода, где мне сообщили, что у меня разрыв паха, там, куда меня ударил коп. Следующую неделю я провёл в кровати.

Не считая моих братьев, лучшими бойцами в клубе были Дэйво и Шипскин. Дэйво был оптимистичным чуваком, с кудрявыми светлыми волосами и рыжеватой бородой, который обожал кататься на своём байке. Мы с ним здорово подружились. Шипскин присоединился к клубу незадолго до меня, так что мы много тусовались вместе, и он приглашал меня к себе на чай. Я никогда не спрашивал Шипскина откуда взялось его прозвище, но почти всё время, что я его знал, он носил жилет из овечьей шерсти, вероятно, из-за этого. Однажды, когда я был у Шипскина, он пошёл что-то достать из серванта, а когда он его открыл, то там все полки оказались уставлены призами с турниров по карате. Он много занимался боевыми искусствами

и был хорошим уличным бойцом. Возможно, именно поэтому мы хорошо ладили. На самом деле, все братья Кембеллы были близки с Шипскином. Мы были похожи – наехав на нас, ты откусывал больше, чем мог проглотить. Шипскин был не был из тех чуваков, что поставят тебе фингал или сломают нос, он скорее вырвет глаз или ухо оторвёт.

Единственное, в чём у меня с Шипскином были большие разногласия, это в вопросе драк между мемберами. Когда я присоединился к Комо и пришёл на своё первое собрание, я заметил, что более крепкие чуваки давили на тех, кто был менее способен драться. Проще говоря, ‘ Не проголосуешь, как я, и я после собрания тебе настучу в голову’

Когда я увидел, что это происходит, я выдвинул правило, запрещающее схватки между мемберами по какой бы то ни было причине. Все подняли руки. Правило прошло. И внезапно мы увидели, что те, кто едва произносил пару слов вставали и выражали своё мнение на собраниях. Это очень хорошо сработало. Но Шипскину это не нравилось. Он не хотел возражать людям на собраниях, но если ему кто-то противоречил, то он хотел иметь возможность предложить тому выйти и разобраться. Проблема была в том, что Шипскин был столь хорошим бойцом, что если он желал по-настоящему кого-то поколотить, то другой чувак оказывался в больнице.

Так что нам пришлось искать иной путь для решения споров. Даже в дружном клубе, будут чуваки, которые просто не преуспевают, либо с чем-то не согласны. Поэтому я встал на собрании и сказал, ‘Послушайте, вы не обязаны уважать чувака, но уважайте «цвета». Пока он в тех же «цветах» что и вы, вы не дерётесь. Кто бы ни хотел быть в клубе, будем решать большинством, и это положит конец спорам’

Это сработало. За всё время, что я был в клубе не было ни одного мембера, снявшего «цвета» и вышедшего из клуба из-за спора. Можно было видеть, что мемберы злобно зыркают друг на друга, но они сидели на месте. Это могло занять три или четыре месяца, но в итоге они снова начинали говорить между собой.

До самого сегодняшнего дня я никогда не поднял руку на человека, который носил бы одни со мной «цвета». Но в тот день, когда я снял свои «цвета» были пару человек, которых это порядком напугало.

В тот же месяц, когда я одел «цвета» мне позвонил Джок с предложением назначить меня своим сержантом-по-оружию. Сначала я не хотел с этим соглашаться. У нас уже был сержант-по-оружию, Роджер, который был приличным парнем, а мне просто нравилось быть мембером. Я хорошо сдружился с Шипскином, Снодди и Дэйво, и наслаждался нашим с ними общением.

‘Не, спасибо’ ответил я ему.

Но для Джокса «нет» не было ответом. Думаю, основная причина в том, что он знал, что я могу драться, и мне были не важны методы для победы. Возможно, это был ещё один путь держать вместе меня и братьев. Плюс он знал, что я не пью и не

балуясь наркотой. Его главным аргументом сделать сержантом меня был факт, что имевшийся сержант – Роджер – любил приналець на бонг и прибухнуть. ‘Ты же знаешь, что к концу ночи Роджер уже убитый. Он понятия не имеет, что происходит’

В этом был смысл. К полуночи или к часу ночи Роджер уже был не на этой планете. И делал то, ради чего все там и были – хорошо проводил время. И я ещё не видел, чтобы кто-то пострадал, пока он был сержантом.

Так что я повторил Джоку: ‘Не, я просто останусь мембером’

Мы часа четыре об этом говорили. В итоге я сказал, ‘Давай так, ты оставишь Роджера сержантом, а меня поставишь его заместителем?’

‘Нет, нельзя иметь и сержанта и заместителя сержанта’ сказал он. ‘Сделаем так. Я сделаю Роджера старшим сержантом, а тебя обычным’

‘Хорошо’ согласился я.

Роджер всё ещё считался главным сержантом, и когда объявили всё, он первым меня поздравил. Оказалось, что он даже рад, потому что это значило, что он может начать свой отдых раньше, зная, что я останусь трезвым.

Работа сержанта в клубе всегда значила для меня, что я должен присматривать за мемберами, удостоверяться, что с ними ничего не случилось, или с клубом. Я проследил за тем, чтобы каждый мембер или проспект знал, что если у них есть какая-либо проблема, то они всегда могли мне позвонить. Многие из них так и делали.

Я также проверял проспектов. Я получал его имя, его номер водительского удостоверения, домашний адрес. В какую школу он ходил. Я хотел знать, кто его родители, где они живут. Я всё проверял, чтобы убедиться, что мы не принимаем в клуб копа.

Другой моей работой как сержанта, была проверка всех отелей на пути, которые мы планировали посетить. В течение недели я проверял входы и выходы, смотрел, сколько вышибал там есть, какой там управляющий. Некоторые пабы не принимали байк-клубы, так что я говорил с ними и удостоверился, что ничего не случится, если мы приедем субботней ночью. Так же я смотрел все возможные варианты войти и выйти из отеля, на случай, если появятся копы.

Затем, когда мы, собственно, прибывали в паб, я всех рассматривал. Оглядывался и подмечал, кто и что делает. Если там был чувак, который просто сидел там и не реагировал на кучу байкеров, зашедших в бар, то я точно знал, что он станет для нас проблемой, если что-то начнётся.

Это как в Викарии Уэйкфилда, в Дьюрале, в полу-промышленных окраинах Сиднея. Когда мы только начали туда ездить это был довольно жёсткий паб и я зашёл туда, как и делал обычно. Я определил этого здоровенного английского чувака по имени Дэйв, как основного вышибалу и перекинулся с ним парой слов.

‘Мы хотим сюда заехать’ сказал я ему, ‘но если твои чуваки будут держаться подальше от моих, то мы сделаем, то же самое. Будут какие-то проблемы – найди сперва меня. Потому что если вы тронете наших ребят, то нам придётся помахать с вашими’

Это было большое место и там играли отличные группы. Мы ездили туда на протяжении нескольких выходных и всё было отлично. Я и Дэйв неплохо поладили. Он тоже не пил, так что мы попивали лимонад или апельсиновый сок. Оказалось, что он был чемпионом-тяжеловесом английского флота. Однажды он и его вышибалы сцепились с кучкой пришедших чуваков. Мы тоже присоединились и помогли им, став на ночь дополнительными вышибалами. Мы приглядывали друг за другом.

Однажды ночью мы приехали туда, и играла американская блюз-роковая группа Canned Heat. За вход было порядка двадцати баксов, так что я сказал Дэйву, ‘Ты можешь нас вписать?’

‘Я посмотрю, что можно сделать’

Пока шло обсуждение между Дэйвом и менеджером группы, я сказал своим чувакам, ‘Теперь, когда менеджер подойдёт поговорить со мной, вы просто заходите в паб. Просто убедитесь, что ваши старушки прошли с вами’

Так что я говорил с менеджером группы и за его спиной заходили все наши чуваки. В итоге мы пришли к соглашению, что мы заплатим лишь по десятке, но к тому моменту все, кроме одного уже зашли внутрь.

Я сказал Дэйву, ‘Слушай, даю тебе слово, что сегодня проблем не будет. Я за всеми пригляжу’ Мы слушали группу, а на танцполе все веселились. Я присматривал за Лардом и Змеем и ещё за Большим Тони – чуваками, которые скорее всего вызвали бы неприятности. Но всё было ровно, и я уж было решил, что всё пройдет спокойно.

Многие чуваки в клубе спрашивали меня, ‘Как ты можешь хорошо проводить время, когда ты идёшь в паб и не пьёшь?’ В том и было моё хорошее времяпрепровождение: Видеть, что остальные чуваки веселятся, смотреть, как танцуют старушки на танцполе, видеть, что всё в порядке.

Но через полчаса ко мне подошёл Дэйв. ‘Можно поговорить?’

‘Конечно’

Он отвёл меня к мужскому туалету.

‘Что ты делаешь?’ спросил я его.

‘Подойди и посмотри’

Я зашёл и там был чувак, лежавший у писсуара. Кровь была повсюду, лицо было разбито в кашу. Ему здорово досталось.

Вот блять.

‘Это по-любому кто-то из твоих ребят’ сказал Дэйв, ведь лежавший там чувак был не маленьким.

Итак я вернулся ко всем и проверил очевидных подозреваемых. Большой Тони, Змей, Бык, Псих. Но все они выглядели довольными. А затем я заметил оскал на лице у Ларда. Ага. Я подозвал его.

‘Это ты вломил чуваку в туалете?’

‘Угу, он мне на ботинок нассал’

‘Мог бы просто его потрепать’ сказал я. ‘Не обязательно было его так избивать’

‘Он нассал на мой ботинок!’

‘Ой, ладно, просто держи себя в руках оставшуюся ночь’

Дэйв вызвал неотложку, прикатили копы и он им навешал лапши на уши.

‘Спасибо, Дэйв. Даю слово, больше сегодня проблем не будет’

Вскоре ко мне подошла Донна. ‘Там какой-то чувак дёргает старушек за волосы’

‘Кто?’

Она указала на чувака, в котором было шесть футов и стоунов четырнадцать с волосами по плечи. Я сказал ему, ‘Слыш, братан, ты видишь, сколько нас тут?’

‘И чо?’

Я подумал, да блин, ещё один. Которые хотят выглядеть крутым перед байкерами.

Я сказал, ‘Просто оставь девочек в покое’

‘Лады, мне не нужны проблемы’

Десятью минутами позже вновь подошла Донна. ‘Цез, он не прекращает’

Я вернулся и схватил его за плечо. ‘ Пшёл нахер! Последний раз предупреждаю. Тронь ещё раз кого-то из девочек, и я тебя на больничку отправлю’

Пятью минутами позже Донна подошла. В этот раз я сразу же подошёл и начал тащить его наружу, когда он развернулся и – бац- стукнул мне в зубы. Я подумал, ах ты уебан. Он замахнулся вновь, и я подумал, Ну всё, приятель, ты огребаешь.

Я схватил его длинные волосы и обмотал их на левую руку, пока колотил ему в лицо правой. Вжух. Каждый удар приподнимал его с земли. Я дотащил его до перегородки. Бах, бах, бах. Я слышал, как Донна кричит Быку и Змею, ‘Остановите его! Остановите!’

‘Да пусть повеселится’ ответил Лард.

‘Он убьёт его!’ кричала Донна.

Бац, бац. Всё потемнело. Я обезумел.

Неожиданно чувак упал на пол. Я поглядел на него и подумал, Как же так вышло? Я всё ещё крепко держал его за волосы.

‘На руку свою посмотри’ сказала Донна.

Я посмотрел и увидел волосы чувака, всё ещё намотанные на мою руку. И всё ещё прикрепленные к скальпу. Я посмотрел на чувака, лежащего на полу. Кровь сочилась с его макушки. Лицо было как желе.

Подошёл Дэйв. ‘Кто это сделал? Он глянул на меня. ‘Не ты, Цезарь?’ Внезапно я оробел. ‘Я ничего не мог поделать. Он обижал женщин, а моя работа за ними присматривать. Я пытался, я дал ему три шанса. Я даже выводил его наружу, а этот хуй ударил меня. Я это спустил ему, но он попробовал снова. Этого я не мог позволить’

‘Блять,’ сказал Дэйв. ‘И что мне делать? Два за ночь’

Приехала неотложка и забрала этого чувака в больницу. Он был без сознания. Вновь прикатили копы и я слышал, как Дэйв объяснялся с ними. ‘Да была тут кучка шарпов или панков, или как там они называются’ говорил он. ‘Этот тип с ними зацепился и, блин, эти панки хорошо его уработали’

‘Понятно, спасибо, приятель’ сказал коп, сел в свою машину и укатил.

Дэйв подошёл ко мне. ‘Вы закончили на сегодня?’

‘Сейчас я ребят соберу и мы уедем’ сказал я ему. Он был и правда хорошим чуваком с нами и я подумал, что не собираюсь ему обосрать всю его работу.

‘Вы желанные гости здесь в любую ночь’ сказал он, ‘но сейчас вам и правда, лучше уйти’

Мы залезали на байки, когда я услышал, что кто-то орёт. Ну что ещё? Я оглянулся и увидел Снода, тянущегося ножом к лежащему на земле чуваку, желая оскальпировать его. Чоп, Лард и Лут оттащили Снода и я спросил его о произошедшем.

‘Чувак плюнул на меня’

‘Справедливо. Садись на байк, мы уезжаем’

Как всегда, я дождался, когда все сядут на байки и заведутся, прежде, чем завёлся сам.

Мы провели остаток ночи в чьём-то доме обсуждая произошедшие события, и я многое от парней услышал. Я всегда сам говорил им не влезать в драки, а теперь подрался сам.

Кусок скальпа и волос, которые я сорвал с головы чувака, Чоп забрал домой и прикрепил к торцу своей кровати. Месяца три она у него висела, пока она не начала слишком уж вонять.

С расширением клуба, я предложил Джоку обзавестись клубхаусом. Это было бы намного лучше, чем просто зависать в пабах или у кого-то дома.

Двое чуваков из клуба, Мыша и Вспышка, снимали двухспальный асбестовый дом среди заводов на Джордж Стрит, Грэнвилль. Я решил, что там получится отличный клубхаус, так что я переговорил с Мышом и Вспышкой и они согласились переехать. Затем все чуваки собрались вместе и начали расширять дом. Мы поставили бар и налепили постеров и фотографий мемберов. На заднем дворе была зона барбекю.

Наконец-то у нас был свой клубхаус, куда можно было пригласить проспектов, проводить встречи и вечеринки. Это был шаг вперёд для клуба и добавило выгоду в виде привлечения ещё большего количества людей в Команчерос.

Трое новых мемберов были профессиональными боксёрами, братья МакЭлвейны. Первым в клуб пришёл Марк. Когда Змей впервые его привёл, тот ездил на Дукати и носил кожаные штаны, коричневую кожаную куртку и короткие волосы. Когда он принял решение вступить в клуб, мы сказали ему сменить Дукати на Харлей или, хотя бы, Триумф. Он купил Харлей, стал проспектом и я назвал его Перчатки.

Мы встречались с его братьями Греггом и Филом, которые работали в пабе их отца, Терминус, в Пьермонте. Когда они увидели, насколько хорошо Перчатки вписался в клуб, то и они пошли к нам. Я назвал их Герцогом и Наклзом и мы приветствовали их как своих братьев.

Все трое МакЭлвейна хорошо управлялись со своими кулаками, но Наклз был одним из лучших боксёров, которые только рождались в Австралии. Он взял золото дивизиона среднего веса на Эдмонтских Играх Содружества 1978 года и был чемпионом Австралии в среднем весе в поздних семидесятых. Мои братья тесно сдружились братьями МакЭлвейн, и физическая комбинация двух наших семей предоставила Команчерос непреодолимую силу среди ауто клубов. Примерно в это время люди начали называть нас, Кемпбеллов «Ударная Сила».

Вне клуба жизнь тоже продолжалась. У нас с Донной всё было хорошо и в августе 1980 она родила нашего первого ребёнка, сына по имени Дэниэл. Пока Донна заботилась обо всех делах дома, я продолжал работать сборщиком для Маленького Короля и ещё одного чувака на Кроссе. Я также ещё занимался подпольными боями, так что раз в несколько недель меня звали на бой. Это было не ради денег; со сборов я зарабатывал достаточно на жизнь. Мне просто нравилось драться.

Мой тренировочный режим был почти полномасштабной работой. Шесть вечеров в неделю я ходил в зал: подходы, работа с весом, затем удары по мешкам (тяжёлый мешок и на скорость). Затем работал с доской – трамплин четыре дюйма толщиной и обмотанный проводом, который нужно было бить. Это помогало не сломать руку, но было придумано для того, чтобы набить кулаки много лучше, чем колотя по

тяжёлому мешку в перчатках. Это было необходимо мне, раз уж я занимался кулачными боями. Кюйте тоже этому помогало. Удары по корзинам с зерном тоже укрепляло руки. Мои кулаки всегда были распухшие. Даже сейчас на солнце видны шрамы. Смотрелись они довольно странно. Я не раз разбивал кулаки.

Я заканчивал свою тренировку дополнительной работой с мешками и большим количеством приседаний, затем приходил домой и выпивал большой протеиновый коктейль в смеси с бананами и клубникой. Донна готовила мне большой ужин, и мы вместе пили чай. С полчаса я сидел и смотрел телевизор, ждал, пока уляжется ужин, а затем часовая пробежка. То же самое я делал каждое утро: бегал вдоль трассы, а затем домой и принимал душ.

В то время на скамье я выжимал 460 фунтов. Грудь была пятьдесят четыре дюйма, с расширением до пятидесяти семи и двадцатидюймовые руки. Так что я был довольно большой и имел достаточно сил. Пробежки давали мне хорошее дыхание. Я одержал тридцать побед, ни единого поражения. Лучшие мои ставки были шесть к четырём.

Жизнь была хороша. Я был на вершине боёв, у меня была женщина, новый ребёнок и Команчерос. Высшим кайфом были совместные прохваты большой колонной. Десять или пятнадцать парней, твоих братьев вокруг тебя, и, как говорится, ветер в лицо и солнце греет спину. Я носил всё чёрное. Чёрные джинсы, рубашку, жилет. Чёрная бандана и очки. Проезжая мимо машин, цивилиы высовывались из окон, разглядывая нас. Ты видел, что им тоже хотелось бы быть на байке. Девчонки ехавшие со своими парнями приподнимали топики показывая сиськи в окна. Мы видели девчонок, высовывавшихся в окно со словами: 'Прокатите нас и прокатитесь на нас' Даже если сзади сидела Донна.

Когда мы останавливались на перекрёстках, я оглядывался назад. Там был каждый чувак, каждая старушка рассматривавшие себя в отражениях витрин. Только тогда мы могли видеть себя в большой колонне. В те дни не обязательно было носить шлемы и девочки распускали свои волосы. Им нравилось покрасоваться...Ладно, нам всем нравилось.

В поздних восьмидесятых мы ехали большой группой в национальный прохват в Молог, на север Оранджа в центрально западный Новый Южный Уэльс. Джок решил заглянуть в пабы по пути, так что мы поехали по Беллс Лайн Роуд и остановились в пабе Курраджонг. Мои братья и я, а также ещё пару чуваков решили ехать сразу в Молог, а не расставлять лагерь.

Мы поехали по Литгоу и свернули на заправку, за бензином. Как и обычно, Тень и Вспышка пытались найти женское внимание. Мы залились и Тень в итоге получил номер одной девчонки. Затем мы поехали по дороге в Молог, нашли спуск к реке и выбрали лучшее место для лагеря. Нужно было проверить местность, так что я отправился в город, чтобы осмотреться. Я нашёл местного копа и сказал ему, в чём суть; что проблем не будет, если они оставят нас в покое и я присмотрю за своими чуваками. Затем я вернулся в лагерь и расположился у костра.

ГЛАВА 5

Я привык, что мне звонят в любое время, чтобы помочь мемберам в их проблемах. Мне могли позвонить в три часа ночи, если чувака выгоняли из дома, когда его женщина выгоняла его из дома, потому что находила в куртке телефонный номер. Наклз был серийным блядуном. Его ловила с номерами его старуха, Вэнди, раз пять. Он всегда держал их в ботинке. В том же самом ботинке. Пошла байка, что он хранит эти номера для меня, а это моя баба на стороне; Наклз делает мне услугу. Какое-то время это работало, но однажды она набрала мне в клубхаус и сказала 'Не, не верю, что бы ты изменял Донне. Я знаю, это он блядствует'

Я знал, что это было довольно сложно для некоторых девочек, которые были новыми в байкерском образе жизни. Она могла быть медсестрой или секретаршей, подобранной Комо, никогда не имевшей ничего общего с клубами. Они присоединялись не зная, во что ввязываются. Некоторые из старших мемберов, обзаводясь новой подружкой, приводили её к нам и просили Донну объяснить образ поведения старушки в клубе. Это было большим выражением уважения к Донне и она это ценила. Она делала чай новенькой девочке и проговаривала клубные правила для старушек.

'Главная вещь, которую ты должна осознать' говорила она им, 'что клуб принадлежит мужчинам. Нас приглашают, но это не наш клуб. Мы лишь гости. Женаты ли мы или ещё что-то. Это надо зарубить на носу. Как только ты это поймёшь, то быстро сообразишь, как живёт клуб.'

'Теперь, когда ты с клубом, первое что тебе надо сделать, это запомнить кто чья старушка. Потому что иногда мужики оставляют их дома и приводят, ну знаешь, подружек. Это может быть лишь на одну ночь, а может и пару месяцев. Но надо запомнить, какая чья и, самое главное, никогда ничего не говорить. Нельзя открыть рот и настучать его старушке. Это сложная доля'

Моя работа, как сержанта была дисциплинировать девочек так же, как и ребят. Так что если старушка делала что-то не то – например, сказала другой старушке, что видела такого-то с какой-то блондинкой на улице - мне приходилось с ней разбираться. Если она была новенькая, я её просто предупреждал, или усаживал за разговор с Донной. Но если она была более осведомлена, я мог отстранить её от двух недель до полугода.

Отстранение старушки значило, что она не могла приходить в клубхаус или в клубы. Она всё ещё ездила со своим стариком, ходила в пабы, если пара мемберов просто брали по пивку. Но если там было десять или пятнадцать мемберов в пабе, то ей было нельзя присутствовать. И она определённо отстранялась от клубных ночей и клубных барбекю.

Несколько раз мне приходилось принимать подобные меры. У нас был мембер, чья старушка однажды пришла и подралась с ним. Она была драчливой девчушкой, они оба тягали друг друга за волосы и били. Наконец она поставила своему старику

подножку, и когда он упал на пол, прыгнула на него и начала избивать. Затем он перекатился и начал избивать её. Они выкатились через дверь, со ступенек, на бетонную дорожку и она снова оказалась сверху, задавая ему. Я решил, что это всё уже лишнее, так что я схватил её за талию и унёс. Отстранил на шесть недель.

Был ещё инцидент на барбекю отца МакЭлвейнов, Большого Плохого Боба, которое он устраивал в для клуба в Терминусе на выходных. У нас была мужская компания, без старушек. В те дни у него ещё были официантки топless, а одна старушка вбила себе в голову, что там будут шлюхи и стриптизёрши. Она начала названивать всем старушкам, разнося эту тему. Всю ночь субботы мне звонили.

Я проследил эту цепочку до одной девки, Дженни, и отстранил её на полгода. Её старику это не понравилось. Он собирался выйти из-за этого из клуба.

‘Ну если это всё, что значит для тебя клуб . . .’ сказал ему я. ‘В любом случае, ты знаешь, что она была не права’

‘Да, но не мог бы ты сократить срок?’

‘Нет, это фигня чуть не разрушила некоторым парням семьи’

Джок подбил его, и тот особо не разговаривал со мной после этого, но скажу я вам, что окажись это Донна, я бы отстранил её на год.

Несмотря на это девяносто девяти процентам старушек нравилось, как живёт клуб и наслаждалось приходящими с этим преимуществами. Когда бы к нам не пришёл новый проспект, я объяснял его старушке, что если её старику повезёт вступить в клуб, за ней всегда приглядят. В любое время, когда она будет гулять, рядом будет мембер, чтобы её защитить. Если с её чуваком что-то случится, если его ранят или им нужны будут деньги, клуб им поможет.

Лучшим примером того, какой должна быть женщина в аутло клубе, была, разумеется, Донна. Она организовывала девичники, когда у нас были клубные ночи, так что у девочек было чем заняться, пока мы общаемся. Большинство старушек приходили в наш дом и Донна ставила им фильмы или включала музыку и они пили и ели.

Я помню, как приехал домой с ночной встречи и там было всё ещё много старушек. Я ушёл в спальню, чтобы дать Донне и им продолжать, когда мне позвонила старуха Тени, который ушёл чуть раньше. Она интересовалась, где Тень, потому что обычно он сразу шёл домой со встречи.

ГЛАВА 6

Мы были в пабе МакЭлвейнов в центре города в Пирмонте однажды ночью, когда такси поворачивало за угол слишком быстро и переехало бордюр, въехав в одного из наших, Вспышку. Удар сломал Вспышке ногу, так что Змей и Шипскин выдали таксисту по первое число.

Таксист быстренько смылся оттуда и появились копы в поисках напавших. Я впихнул Шипскина и Змея в женский туалет с двумя нашими старушками. Чуваки вскарабкались на унитазаы, а девочки спустили штаны, так что коп, опустив голову вниз думал, что там девушка делает свои дела. Копы обыскали паб, но не нашли двух чуваков, которых им описали.

Коп сказал мне, 'Слушай, мы не можем это так просто спустить'

Я сказал ему, 'Это сделали двое хенгераундов, Монах и Паук' Первое, что пришло мне в голову. Потому что я всегда знал, что если у копа есть немного мозгов, то он мог догадаться, что ты несёшь чушь, но если ты давал ему возможность, чтобы всё выглядело правильным, то не доходило до синяков. 'Один ездит на красном Триумфе, а второй на зелёном Пэнхэде. Как только они напали на таксиста, то уехали – несмотря на то, что таксист не прав. Позвоните в больницу Святого Винсента если хотите. Узнаете, что один из моих ребят там со сломанной ногой'

'Как их имена, ещё раз?' спросил коп.

'Паук и Монах'

'И они уехали, так?'

'Ага, но на случай, если мы о них услышим, как вас зовут?'

Он назвалса и сказал, 'Буду в центральном отделении'

'Мы вам позвоним'

'Справедливо' Он хмыкнул и его люди уехали. Своих я отправил в паб.

Полчаса спустя примерно восемьдесят такси свернули на дорогу у Отеля Эдинбург, Который было видно из Терминуса. Все эти водители вышли из машин и шастали вокруг. Джок говорил, 'Пошли поубиваем их'

'Не, не, ' сказал я. 'Я пойду с ними поговорю'

'Тебя убьют'

'Не убьют'

Так что я пошёл к ним посередине дороги. В те дни у меня была такая походка, будто мне на всех плевать. У меня была мысль, что если меня побьют, то значит я получу. Мой старик всегда говорил мне, что где-то там всегда есть кто-то лучше, лишь вопрос времени, как скоро ты с ним столкнёшься. Но пока я его не встретил.

Той ночью я шёл к таксистам, но когда я подошёл ближе, они просто запрыгнули в машины и уехали, толкаясь машинами. В ту ночь меня не побили.

Было забавно, что в следующую ночь пятницы, я, Тень и Чоп поехали в Эдинбург Отель, чтобы повстречаться с парой девочек, которых знал Чоп. Мы болтали, когда одна из девочек сказала, 'Я была здесь в прошлую субботу ночью и сюда приехало

много такси, и огромный байкер пошёл по улице. Он всё шёл и шёл. Она был самым огромным, злобным и страшным, что вы когда-либо видели' Чоп повернулся к ней и дал ей пощёчину. 'Ты говоришь о моём брате'

Я подумал, что это смешно. Когда я рассказал Донне, что сказала девка, она ответила, что здоровый и злющий – да, но не страшный.

К 1981 я всё ещё считался одним из самых больших и злобных на сцене подпольных боёв, но после сорока трёх боёв и тридцати пяти лет, я почти выдохся. Я дошёл до момента, когда начал пропускать удары, и защита снизилась. Я знал, что пришла пора остановиться, пока мне не настучали по заднице.

Моим последним боем был сорок четвёртый и он же был самым тяжёлым. Я доехал в неприметный проезд, называемый Парой пальцев в Woolloomooloo, в своих джинсах и косухе и увидел, что мой оппонент прибыл на лимузине. Он оказался немецким торговым моряком по имени Вольфганг Гертц, который в Америке был непобедим и зарабатывал большие деньги.

Я переоделся в свои чёрные треники и футболку. Как правило, я дрался в спортивных штанах, так как мы дрались на деревянных полах, и занозу было легко посадить.

Мы стояли глядя друг на друга, пока чувак рядом держал носовой платок. Все «костюмчики», цивилы и обыватели столпились у края круга из верёвки. Платок упал наземь и мы начали.

Гертц нанёс мне отличные удары. Раньше меня так не били. На секунду я подумал, ох, вот я, походу, встретил чувака, который меня побьёт. Но затем решил, А вот и никуя. И я начал ему отвечать. Я свернул ему нос с одной стороны лица на другую, затем он подбил мне глаз, сломал мне рёбра. Это был эпичный бой, длившийся порядка семи минут. Я мог бы продолжать, но видел, что с него довольно. Он весь покрылся кровью, бровь свисала вниз. Закончил я, сломав ему руку и ударом в шею.

Верхняя моя губа была порвана, на голове была шишка с гусиное яйцо, один глаз заплыл и закрылся, а рёбра болели, как после кувалды.

Тень помогал мне, когда он заметил, что все приятели Гетца смыслись, бросив его там на произвол, истекающего кровью.

'Давай его до паба дотащим' сказал Тень.

Мы оттащили его в Рок-н-Ролл. Кровь капала в мой лимонад. Что бы ни пил Гертц, оно стало красным. Мы его отвезли в больницу, после чего мы с Вольфи стали хорошими друзьями.

Я провёл сорок четыре боя, все их выиграл и заработал кучу денег для меня и моего нанимателя. Подпольные бои проводятся и сейчас, но для меня всё закончилось. Что же касается моей остальной дополнительной деятельности, скажем так, босс

придерживал меня на «каникулярные» дела. Люди, расстраивавшие его, уезжали далеко и навсегда.

И за углом всегда ждал ещё один хороший мордобой.

Однажды ночью позвонила мама и сказала, что Чоп в госпитале Святого Винсента в Дарлингхёрсте. Я промчался в город на байке, домой к маме на Кросс и спросил её, что случилось. Она сказала, что не знает, но две мои сестры были в больнице в тот момент. Я поехал прямо туда и нашёл травматологическое отделение.

Там был Чоп, бок лица которого напоминал перезрелый помидор.

‘Что случилось?’

‘Я был в Комнатах Мэнзил, когда один из тамошних вышибал – знаешь здоровенного Маори, по имени Гриззли? - он вырубил меня, пока я сидел в баре’

‘Понятно’ сказал я, ‘предоставь это мне. Ты знаешь, сколько тебя тут продержат?’

Один из врачей сказал, что два или три дня, чтобы подлатать лицевую кость.

Я пошёл домой и рассказал всё Донне. ‘Завтра ночью поедем на кросс’ сказал я.

На следующий день я и Донна поехали в Комнаты Мэнзил. Я дождался снаружи, пока она сходила и проверила клуб. Этого Гриззли хорошо знали на Кроссе. ‘Да, он там’ сказала она.

Я дождался его. Сначала он двинулся к разделительной полосе. Я подошёл сзади и вломил ему в затылок, так же, как он Чопу. Он упал, и я начал пинать, я имею в виду, что хорошенько его потоптал. Затем я вытащил нож и пока он лежал там, кровь лилась из его ушей, я отрезал мизинец с его правой руки.

Пока я шёл к своему байку, несколько его корешей вышли из клуба. ‘Тебе пиздец’

‘Хотите прямо сейчас, пидоры? Ну давайте’

‘Не, Не. Нам проблемы не нужны. Мы знаем, кто ты такой’

‘Ага, ну когда ваш приятель-хуесос придёт в себя, передайте ему, что это от Чопы. Пусть не забывает’

Я вернулся к байку, там меня ждала Донна, держа свою сумочку. В такие ночи она всегда была моим другом, прикрывала мне спину. Донна была лучше полудюжины чуваков за спиной. Ты знал, что можешь доверять ей и она не сбежит, не кинет тебя. Будто твоя жена и лучший друг слились в одно.

Команчерос разрослись до тридцати пяти мемберов, в те дни это был большой клуб. С учётом нашей физической силы, это давало нам большую репутацию. Что лишь сделало нас целью для идиотов. Ты ехал спокойно выпить и натыкался на кучку обдолбышей, которые считали, что если они смогут одержать верх над несколькими аутло байкерами, то это сделает их супер крутыми.

В ту субботнюю ночь мы поехали покататься с нашими старушками в Бридж Отель на Виктория Роуд в Роззеле. Мы пробыли там пару часов и там был чувак с кучкой корешей, понтовавшихся, что они местные заправилы. Я видел, к чему всё идёт, но прежде, чем я смог добраться до той стороны бара чтобы избавиться от него, началась драка. Естественно все местные тоже вмешались, а некоторые из них выглядели крепенькими. Наш чувак, Роджер, оказался прямо в середине, и надо отдать ему должное, Роджер всегда шёл до конца.

Дерётся один Команчero – дерутся все Команчero. И так, весь клуб бегал по бару, пытаясь достать этих идиотов. Кто-то влез на стойку бара и сиганул на шесть или семь из них. Мы даже хлопка не услышали. Кто-то просто повернулся и сказал, 'У чувака ствол' Там был чувак с пистолетом. Один из наших ребят выхватил его, и мы закончили выбивать из них всё дерьмо. Когда мы закончили, то вышли на улицу, и я убедился, что внутри никто не остался. Все сели на байки и мы уехали.

Мы доехали до Грейт Норд Роуд, направляясь к Пятому Причалу, когда я услышал, что кто-то орёт, 'Сворачивай! Тормози!' Я остановил колонну и Роджер спрыгнул с байка. Он положил руку на жилет и сказал, 'Кровь идёт' Донна, будучи медсестрой, осмотрела его, а затем показала мне и Шипскину. В груди была маленькая дыра с правой стороны. Его подстрелили. Мы вернулись к нам домой и положили Роджера на кровать. Шипскин решил поиграть в хирурга. Он взял кое-что из оборудования Донны и уже собирался начать, но Роджер закричал, 'Мне нужен врач!' Мы решили дать женщине шанс, но когда она всмотрелась получше, то сказала, 'Нет, она слишком глубоко. Я лишь сделаю хуже' Так что мы отвезли Роджера в Госпиталь Западного Пригорода и ему сделали операцию.

На следующее утро, когда я пришёл его навестить, Роджер сказал, 'Посмотри на это' и он поднял свой халат, чтобы показать мне свою грязную огромную рану, с большим количеством швов, которые шли через весь бок, через спину и на грудь. Выглядело, будто его покусала большая белая акула, а всё из-за пульки 22 калибра.

Вместе с разрастанием клуба и репутации, мы увидели обратную сторону величины клуба – он начал терять дружность. Когда клуб разрастается, появляются чуваки, которых ты едва знаешь, и клуб рассыпается на разные группки. Так случилось и с нами, не в последнюю очередь благодаря Джоку, у которого была привычка вдохновлять разделение в клубе среди мемберов. Мы всё ещё действовали, как единое целое, потому что уважали объединившие нас «цвета», но было заметно новые формирующиеся группы. У Джока был Снежок и Мутный и ещё несколько союзников, пока я был близок со своими братьями, МакЭлвейнами, и чуваками, как Дэйво, Таракан и Снодди.

Мои братья и я носили кольца Кемпбеллов, серебряный щит с головой борова в середине, со словом «Кемпбелл» сверху и имя носящего выгравированное снизу. В 1981, мы решили начать традицию выдачи таких колец тем, кто был нашими братьями вне семьи, чтобы сделать их почётными Кембеллами. Мы проголосовали и первым кольцо Кемпбеллов получил Таракан. Это было несколько забавно, как мне кажется, потому что он не был лучшим бойцом (даже если и думал иначе). Но он был

очень стойкий. Он никогда бы тебя не кинул. А для меня это самый жёсткий сорт человека.

Следующим кольцо получил Снодди. Он стал как семья, особенно мне и Тени. Он всегда был у нас. Своей семьи у него не было. Ходили байки, что он сирота или ещё что похуже, но я видел, каким он становился, когда его об этом спрашивали, так что я не спрашивал. Я считал, что если Снодди решит рассказать мне о своей жизни, то расскажет сам.

Я хотел дать кольцо Кембелла ещё одному нашему мемберу, Зверю, который был жёстким и стойким, а ещё хорошим парнем, но Джок наговорил Чопу, желая создать разделение, как он всегда делал. Так что Чоп запретил выдачу этого кольца.

Какое-то время спустя мы выдали кольца Герцогу, Перчам и Наклзу МакЭлвейнам. Я ещё хотел бы выдать кольцо Шипскину, но несмотря на нашу близкую дружбу, он оставался в лагере Джока, так что я не мог этого сделать. Что касается самого Джока, его всегда бесило, что он кольца так и не получил.

Один из самых молодых чуваков в клубе, Мелкий, был ещё одним чуваком из клуба, которого я уважал. Он был одним из лучших мемберов, какие только могли быть. Проспектом он первым начинал на выездах собирать дрова или первым стоял и присматривал за байками, так и осталось, когда он стал мембером. Он сделал бы для тебя всё, что угодно. Он был хорошим механиком и если чей-то байк ломался, то Мелкий его чинил. Он был так же одним из лучших мультипликаторов и художников, каких только можно было найти и рисовал карикатуры на других ребятах.

Он был большим и сильным чуваком, но был в Мелком плохой момент – он не мог драться. Он был прямо как Таракан, такой же стойкий, но вот не мог он дать в морду для самозащиты. И он попросил меня научить его. Он начал ходить в зал со мной. Я одел на него перчатки и пытался учить боксу. Он не смог боксировать. Я пытался научить его кикбоксингу. Он не смог. Я пытался учить его Муай Тай, дзюдо. Он был безнадёжен. Но я был в боях, где было шесть, семь, а то и девять чуваков, а рядом был лишь Мелкий. К концу боя я укладывал большинство чуваков, некоторые убегали, но Мелкий всё ещё стоял на ногах с фингалами и разбитой губой. Он был не более, чем сумкой для битья, но он ни разу меня не бросил. И я ценю это больше, чем любого крепкого бойца.

У нас определённо были хорошие люди, но были и другие.

***

Когда Краут впервые прикатил в клуб Холден Коммодор, на его байке были номера с буквами SS. Номера были с нацистской свастикой, как и кольцо, которое он носил, а также кортик SS. Он весь был в чёрном, штаны заправлены в тяжёлые чёрные сапоги, как у Гестапо и фуражка. Когда я смотрел, как он идёт к клабхаусу, в голове крутились старые военные фильмы. Я подумал, Ох, да вы меня наёбываете.

Шипскин представил его всем и когда Краут протянул руку мне, я лишь глянул на него и ушёл. Шипскин не удивился, он знал, что я не легко заводил друзей. Я говорил со многими людьми, и они обижались. Я не пытался их оскорбить, но просто я сразу по первому взгляду мог сказать, понравится ли мне человек или нет. Как только я увидел Краута, я понял, что возненавижу этого чувака.

Поначалу это были просто понты, но затем, когда разговор зашёл о мотоциклах, он заявил, что байка у него нет и он даже никогда не ездил. Я подумал, Ну так, а что ты тут тогда делаешь? Шипскин заметил, как я уставился на него и проговорил: 'Ты к нему привыкнешь'

'Да не хочу я к нему привыкать'

Оказалось, Краут был экспертом по взрывчатке в армии, так что Джок прямо аж вертелся вокруг него. Это решило вопрос: Краут купил себе Триумф и даже не умея ездить, стал проспектом.

К тому моменту было примерно сорок мемберов и Джок оказался в своей стихии. Он стал относиться к клубу, как к своей армии. Однажды ночью он позвонил мне со своей идеей. Он хотел создать внутри клуба группу людей под названием Центурионы и хотел, чтобы я её возглавил. Центурионы, сказал он, должны были стать его личной охраной.

'Кто ещё будет в Центурионах?' спросил я.

'Только ты с братьями'

Он сказал, что выбрал шесть лучших бойцов в клубе - меня, Быка, Психа, Змея, Чопа и Тень - и что только мы ему подходили.

Принятие решения заняло у меня всего минуту. Идея мне не понравилась. Она бы вызвала только проблемы. Я уже видел, как Джок провоцировал споры между мемберами - как он пытался проделать со мной и Тонком в Мологе - и я видел, чем всё кончится, если мы такую группу внутри Команчерос сформируем. Джок будет натравлять остальных ребят на нас, а затем расскажет нам, о чём думают остальные. Так что я дал ему отказ.

Но Джок не собирался отказываться от идеи с личной охраной. После моего отказа, Джок пришёл к Шипскину с той же идеей. Только назвали они это уже не Центурионами, а Ударной Силой. В отличии от меня, Шипскин согласился.

ГЛАВА 7

Мы были на собрании, когда Джок объявил, что мы должны начать готовиться для будущих боёв. Он сказал, что есть старый армейский манёвр, когда есть первая шеренга людей и задняя. Я знал, откуда у него появилась эта идея. Это шло от времён, когда были однозарядные винтовки. Была передняя линия людей и когда они делали выстрел, группа стоявших сзади людей выходила вперёд и стреляла, пока первые перезаряжались. Джок переместил эту тактику на уличный бой. Он

считал, что у нас будет часть народа в первой линии, которые начинают бой, а затем второй строй людей, который вступал, давая первым передышку. Он начал проводить регулярные учения, чтобы отточить этот манёвр. Он стоял спереди, поднимал руку и командовал: 'Вперёд!' И передняя линия, из его лучших бойцов, шла вперёд. Затем он указывал назад и рычал: 'Назад!' И передняя линия расходилась, выпуская задних.

Это было глупо. Было очевидно, что это не сработает. Сработало бы будь там драка в парке или на замкнутой территории и ты мог выстроить людей, а противники оказались бы столь же любезны, чтобы выстроить в линию своих. Но в ситуации с пабом? Я прошёл через такое количество драк в пабе, дрался рядом со своим стариком рядом, с тех пор, как мне стукнуло двенадцать, и когда в пабе начинается драка, ты просто не знаешь кто и где находится. Люди повсюду. Джок просто не понимал. Когда это выяснилось, он так и не пытался привести это в действие. Драки в пабе были совсем другим делом. Происходившие тренировки лишь укрепляли мои подозрения в военной одержимости Джока. Однажды субботней ночью он вошёл в клубхаус и объявил, 'El Supremo прибыл. Отныне вы должны обращаться ко мне Верховный Главнокомандующий' Чуваки лишь переглянулись.

Остальные мы, вне Ударной Силы, лишь хотели кататься на байках, веселиться и присматривать друг за другом. Но Джок смог превратить всё в военную игрушку. Как в одном из прохватов в Лайтгоу. Мы разбили лагерь и развели большой костёр, припарковав все байки вокруг него. Была тёмная ночь и Джок решил поиграть в одну игру между мемберами и проспектами. Он поставил меня во главу проспектов. Игра Джока была в том, что мемберы прятались по кустам, пока проспекты защищали байки. Если мембер смог прокрасться и тронуть байк, группа Джока побеждала. Но если мы ловили мемберов прежде, чем они коснулись байка, то мы побеждали.

Итак, мемберы разошлись по кустам. Я несколько проспектов оставил вокруг байков, а остальных разослал спрятаться, так что никто из подхихивших мемберов не мог их видеть. Один проспект, Помми, Которого мы считали безнадежным, влез на дерево за пределы света, чтобы побыть дозорным.

Вскоре мы услышали голос Помми: 'Ты убит, Джок'

Проспект, которого считали худшим чуваком в клубе взял первого пленника и им оказался El Supremo.

Затем мы пятнали мембера за мембером, когда они крались к байкам. После этого мы играли довольно долго, пока не услышали странную машину, ехавшую по грязной дороге к костру. Я смотрел, как она приближается и увидел там трясущую кабину. Так что я прихватил несколько проспектов. 'Как машина притормозит, открывай кабину' Машина свернула и оттуда донеслось: 'О, я костёр увидел и решил приехать' Проспекты открыли кабину и там оказались Джон Бой и Роджер. Они прошли по дороге, приглушили машину и посадили ребят и довели их к костру в прицепе. Их план был выскочить и коснуться байков. Прискорбно для них.

После трёх часов, всё ещё были четыре мембера в темноте, которых мы не поймали, и не собирались быть пойманными, так как не двигались, так что я объявил игру законченной и мы вернулись к вечеринке. Все, кроме Джок, который дулся всю прошедшую ночь из-за того, что его поймали первым.

Ещё одной вещью, которую пытался внедрить Джок был полностью чёрный дресс-код в клубе. Я в любом случае всегда носил чёрное, так что меня это особо не волновало, но он хотел, чтобы мы носили высокие, чёрные нацистские сапоги и чёрные шлемы с эмблемой Команчero по бокам. В те дни даже не обязательно было носить шлем.

Ещё одна глупость в менталитете Джок была в том, что его истории не соответствовали правде. Когда я его впервые встретил и много раз после того, мы садились за стол, и он рассказывал свои истории о SAS, об убийствах и отрезанных головах. Всё это оказалось чушью. Однажды я и Снодди были у него дома и его жена, Ванесса, принесла фотоальбом с его армейских дней. Там был Джок, стоящий забор, или мост. Мы со Снодди переглянулись. 'А что это Джок делает?'

'Это была его работа в армии' сказала Ванесса. 'Он был сапёром. Инженером'

'Не в SAS?'

'Не'

В то же время у нас появились проблемы с Ворлокс (Warlocks). Кто-то ляпнул в пабе лишнего и Джок объявил им войну. Один Команчero дерётся, все Команчero дерутся.

У нас какое-то время заняло их отслеживание, потому что они переезжали с места на место. Но однажды ночью Снежок из Ударной Силы приехал на собрание и сказал, что он нашёл клубхаус Ворлокс на Маунт Драйв и проверил его.

Джок решил там их и накрыть. Снежок хотел идти первым, так как место нашёл он. Мы все согласились, а Джок остался в стороне, так как был слишком ценен, чтобы рисковать им. Очевидно, всех остальных в клубе можно было заменить.

Мы предварительно рассмотрели клубхаус Ворлокс. Это был обычный дом, но Снежок уверял нас, что всё по-настоящему. 'Дайте ствол' потребовал он.

Первыми пошли Снежок, вооруженный пистолетом и Тараканом в качестве прикрытия. Остальные мы смотрели из машин. Мы видели, как один Ворлок открыл переднюю дверь и как только он увидел пару идущих к нему Комо, он схватил обрез. Снежок застыл.

Секунды тянулись, а мы глядели на стоящего там без движения Снежка. К счастью, Таракан оттолкнул Снежка с дороги и прыгнул на Ворлока с обрезом, и мы все рванули в дом. К тому моменту, как мы добежали, Таракан был на полу и боролся с двумя Ворлоками. Наши чуваки начали их колотить. Это было не трудно. Нас было восемь на четверых них.

Позже мы узнали, что это не был их клубхаус, а просто дом одного из мемберов. У нас было правило в Комо, которое ввёл я, что мы не нападаем ни на кого в его доме. Можно было наехать в клубхаусе, на улице или в пабе, но ни при каких обстоятельствах, не в доме. Ты же не знал, есть ли там его старушка или дети. Мне было пятьдесят, как и большей части клуба. Но Джок и Ударная Сила рассматривали удар по Ворлокс как большую победу. Вскоре, мы отправились в пробег в Залив Бэйтманс на южном побережье. Мы встретили пару девочек, через которых прошла большая часть клуба. Один мембер, Лард, мы очень с ними подружились и общались с ними после того, как я вернулся назад.

Следующее, что мы узнали на собрании, это что Джок собирается объявить войну Ребелс (Rebels MC).

‘Чего? Нафига ты хочешь объявить войну Ребелс?’

‘У меня есть свои причины’

‘Мы не можем воевать, не зная причины’

После многочасового спора Джок всё же сказал нам. Оказалось, что пару недель назад, когда мы были в Заливе Бэйтманс, там были пара Ребелс с парой девочек. Очевидно, как и мы. Они хорошо провели время. Но девочки звонили Ларду и сказали, что эти Ребелс нацарапали на столе:

Команчерос сосут

Ребелс рулят

Только и всего. Это была «большая причина» Джока для желания объявить войну.

‘Ты должно быть прикалываешься, если хочешь воевать из-за этого’ сказал я.

‘Но нельзя же им просто так это спустить’ сказал он.

‘Слушай’ сказал я, ‘Я повидеюсь с их президентом и посмотрю, что они скажут об этом’

Джок этому не особо обрадовался, но остальной клуб, включая Ударную Силу, проголосовали за.

Так что я встретился с сержантом и президентом Ребелс в Леппингтоне. Мы обсудили вопрос и их президент сказал мне, что у них проблема с теми девочками, которые, видимо, решили отомстить. ‘То есть, вы хотите воевать из-за пары шлюх?’

‘Не, клуб не хочет, зато хочет Джок’

‘Так почему тогда я здесь говорю не с ним? Он ваш президент, разве не так? Я здесь, как президент своего клуба, почему нет его?’

‘Ну, я сержант и это то, что я делаю для Комо’ На самом деле, Джок не верил во встречи с другими людьми.

Президент Ребелс дал мне слово, что всё, что сказали эти тёлки – чушь собачья. Мы пожали руки и на следующем собрании я всё рассказал. Все проголосовали за отказ от войны. Джок не был доволен тем, что вышло не так, как он хотел.

Хотя, позже, Тень, Снодди и я слышали, как Джок говорил с Краутом о динамите и клабхаусе Ребелс. Мы выяснили, что несмотря на мои старания по урегулированию конфликта с Ребелс, Джок дважды посылал Краута осмотреть клабхаус Ребелс. Он хотел, чтобы Краут оценил, как много динамита надо, чтобы взорвать его, и они говорили о дне и они говорили о времени их собрания или клубной ночи, чтобы там было как можно больше мемберов. Будь там клубная ночь, там бы были ещё и старушки. Люди, который там просто чтобы потусоваться. Но Джоку было плевать.

Я обозлился. Клуб проголосовал за разговор, а он за спинами у нас всё сделал по-своему.

‘И что ты собираешься сделать?’ спросил я его. ‘Просто взорвать их клабхаус со всеми ними внутри?’

‘Это мысль’ выдохнул Краут.

‘Я, блять, не тебя спросил, хуй’

‘Ребелсам становятся великоваты для своего места’ спорил Джок. ‘Следующими будут Ангелы’

‘Жёваный крот. Ты хочешь остаться единственным в Австралии клубом?’

‘Ага. Боже, было бы весело’ Для меня частью присутствия в клубе была динамика отношений между клубами. Не война с ними, а знание, что проезд по чужой территории мог кончиться тем, что у тебя на хвосте будет байков шесть-восемь. Придётся свернуть и перемахнуться. Мне нравилось это напряжение. Иногда, когда мне было нечего делать, я выбирал какой-нибудь клуб и катался с полчаса по их территории, либо проезжал мимо их клабхауса. Иногда кончалось дракой, иногда я просто ехал домой. Но когда Джок выдвинул идею, остаться единственным клубом в Австралии, я понял, что у нас большие проблемы. Потому что это пошло бы от Ворлокс к Ребелс, потом к Ангелам и к тем, кто был бы потом в его списке.

Я приехал в клабхаус одной субботней ночью и там был Краут, на своём Триумфе, три проспекта подталкивали его. Я не мог понять, что происходит и я наблюдал за ними, но не мог поверить глазам: проспекты толкали Краута на байке по району. Краут, сам, будучи проспектом, совершенно не умел кататься.

Мелкий тоже стоял там, и выглядел реально расстроенным. Он не часто злился, был тихим парнем и я спросил его, что не так.

‘Они только что дали Крауту «цвета»’ сказал он.

‘Кто?’

‘Джок и Шипскин’

‘Так нельзя. Сейчас нет собрания. Нужно единогласное решение для принятия в клуб. Блять, да чувак даже не умеет ездить’

Я зашёл внутрь и спросил Джока что происходит.

‘Краут получил «цвета»’ сказал он.

‘В смысле, Краут получил ебучие «цвета»?’ Мы только что проголосовали и ему дадут билет на следующем собрании’

‘Да вы, блять, шутите’. Вы должны были дождаться собрания, чтобы ставить вопрос о «цветах»’

‘Ну, как президент, я имею право объявить собрание в любой момент’

‘Да, но должно быть стопроцентное присутствие людей’

‘Ну, мемберы, которые тут были, решили обойти это правило и выдать ему «цвета»’

‘Какие мемберы?’ спросил я, оглядывая маленькую, потрёпанную комнатку из зала. Там стояли Ударная Сила Джока. Это они проголосовали за вручение «цветов» Крауту. ‘А как же Мелкий?’ сказал я. ‘Мелкий тут был. Он голосовал?’

‘Мелкого не было в комнате’

Мелкий встрял в разговор: ‘Я говорил тебе, Джок, что Краут не получит «цветов»’ Это было впервые, когда я видел, чтобы Мелкий перечил Джоку.

‘Да мне похуй, что вы говорите’ сказал Джок. ‘Краут получил свои «цвета»’

Шипскин стоял там, но не мог мне в глаза посмотреть. Я лишь вышел, со словами, ‘Да вы, блять, прикалываетесь.’

Краут получил «цвета» на следующем собрании. Атмосферу можно было на хлеб мазать. Обычно, когда чувак получал свои «цвета», была большая вечеринка, и каждый в клубе поздравлял нового мембера. Это было действительно братанием. Но той ночью к Крауту подошли только ребята из Ударной Силы. Остальные не хотели иметь с ним ничего общего.

Следующий месяц Краут учился ездить на своём Триумфе без того, чтобы его кто-то держал, прежде, чем его допустили до езды с клубом. В первом нашем совместном пробеге, мы проехали всего пару километров от клабхауса, когда он упал с байка, снеся половину колонны. К счастью, несильно пострадали только пара байков, думаю, даже Джок пожалел, что дал Крауту «цвета». По пути домой я его поставил в хвост колонны с дистанцией в сотню ярдов позади нас. Он был слишком опасен.

Крауту сказали, что ему нельзя ездить в колонне как минимум два месяца, в течение которых ему предстояло научиться. К концу двух месяцев мы с Шипскином прокатились с ним по дороге. Он вполне сносно ездил, так что мы вернули его в колонну, но ездил он по-прежнему сзади.

За исключением Ударной Силы никто не был рад, что Краут получил свои «цвета». Это очень сильно разделило клуб. Однажды ночью Снодди был у меня, мы чай пили и болтали о том, как сильно менялся клуб.

‘Мы стали самым большим клубом в Сиднее’ сказал Снодди. ‘У нас есть несколько поистине клёвых ребят. Мы должны быть на подъёме. Но есть некоторые очень скользкие типы, которые просочились к нам’

‘Такова позиция Джока’ сказал я. ‘Желание воевать с другими клубами, создание Ударной Силы. То, как он стравливает людей в клубе. Похоже, он лишь хочет держать людей в маленьких группах’

‘Ты о чём?’ спросил Снодди.

‘Я слышал, что он говорил Кусту, что Шипскин его ненавидит и слышал, что он же говорил Шипскину, что Куст его не переваривает. Вот так-то. Я слышал, что он говорил Зверю, как Чоп его не любит, затем говорил то же самое Чопу’

‘Это меня не удивляет. Так он удерживает власть. Держать всех в небольших кучках’

‘Да, но он управляет клубом. А как же братство?’

‘А знаешь, это уже не в первый раз’ сказал Снодди.

‘О чём ты?’ Снодди рассказал мне, что были уже два деления Команчерос, последнее было за год до моего прихода. Он сказал, что кучка мемберов, ведомые бывшим вице-президентом и сержантом, вышли, разругавшись с Джоком.

‘Что случилось?’ спросил я.

Снодди рассказал, что всё началось после того, как бывший вице-президент предложил клубу проводить байк-шоу. Многим чувакам, включая Снодди, понравилась идея, но Джок сотоварищи прикрыли идею. Используя Снежка и Мутного он протолкнул запрет на проведение байк-шоу и дискуссиям об этом, после чего вице-президент, сержант и ещё народ просто вышли из клуба.

Я слышал о бывшем вице-президенте и сержанте от Джока; его версия была в том, что они были мудаками. Особенно бывший сержант, парень по имени Бранко. Я запомнил одну особенную историю, рассказанную мне Джоком однажды в клубе на танцах в Вентвортвиле. Джок заявил, что один большой вышибала наехал на Бранко, а Джок пришёл ему на помощь и вырубил вышибалу. Я сказал об этой истории Снодди.

‘Ты Бранко видел когда-нибудь?’ спросил Снодди.

‘Нет’

‘За ним не нужно приглядывать. Джок нагло врёт’

Джок также предупреждал меня, что с тех пор, как я пришёл в клуб, Бранко распространялся, что он выбьет из меня всё дерьмо. Я спросил Снодди, знал ли он об этом.

‘Я не в курсе’ сказал Снодди. ‘Я считал их хорошими ребятами’

Я решил проверить, насколько врёт Джок. Какое-то время спустя, я выследил Бранко и подошёл к нему. Как только он понял, кто я такой, он спросил, ‘Что ты имеешь против меня?’

ГЛАВА 8

Седьмого февраля 1982 года, мой приятель Джон Бой, который привёл меня в Команчерос, ехал по Вудвиль Роуд вместе с Кустом, направляясь в Мэррилэндс. Он поворачивал направо под зелёную стрелку, когда машина с противоположного направления вылетела на красный свет и насмерть сбила Джон Боя. У него не было никаких шансов. Все клубные дела были отложены, пока мы оплакивали нашего дорогого брата и организовывали его похороны.

Это были традиционные клубные похороны. В тот день мы накрыли гроб Джон Боя флагом Команчерос и поместили его на место коляски байка. Затем мы медленно поехали по улице к Палмдейлскому Кладбищу, на севере Госфорда на центральном побережье, где мы хоронили своих мемберов. Спереди были байки Команчero перед его гробом и позади него. Далее старушки в машинах, и ещё байки, где ехали Ангелы Ада и вольные, которые знали Джон Боя.

Затем шли машины с друзьями клуба.

У могилы Джон Боя, семь мемберов выстроились с ружьями и провели залп в воздух, традиционно выстрелив семь раз, как принято у Команчero. Это даже попало в новости.

На его надгробном камне были выбиты слова: ПУСТЬ ВЕЧНО ВЕЗЁТ ЕГО НАКЛХЭД .

Вскоре после того, как мы потеряли Джон Боя, я был на Кроссе и сцепился с кучкой крепких чуваков. Дошло до пистолета и мне прострелили бок. Пуля пробила бедро и остановилась в животе. Я истекал кровью, так что Донна сорвала свой топ и им зажимала кровь. Всю дорогу домой в Эшфилд на байке она зажимала рану. Мы еле доехали.

Дома Донна взяла скальпель и пинцет, а затем начала нащупывать пулю. Она не нащупала ничего в пулевом отверстии, так что начала ощупывать живот. Она нащупала что-то слева, четырьмя-пятью дюймами выше, чем вошла пуля.

Мы решили попытаться, так что она сделала надрез там, где была пуля. Парой дюймов вглубь была пуля. Пинцетом она вытащила её. Затем всё прочистила и зашила меня. Я не получил заражения. Я даже следующее собрание не пропустил. Только поехал туда на машине, а не на байке.

***

Тень, Снодди и я много времени проводили вместе, так что было много времени поболтать. Снодди рассказал о своём приятеле Лерое, которого он знал уже много лет, и который очень хотел в клуб. Проблема была в том, по словам Снодди, что Лерой ранее был хенгераундом в Комо ещё до меня, и, по какой-то причине, он не понравился Мутному и Снежку и они его выгнали.

Но с моей точки зрения, однако, в клубе были люди, которые и наполовину не были так хороши, как Лерой. Я познакомился с ним, он оказался большим и сильным, но более того – он был очень душевным. Тень и я видели его несколько раз, и каждый раз он показался отличным парнем.

Тень, Снодди и я согласились, что на следующей встрече мы предложим клубу взять Лероя проспектом. Если Джок, Снежок или Мутный не согласятся, что ж, тогда мы снова поднимем вопрос на следующем собрании и так далее. Мы решили продолжать, пока их не замучаем, и у них не кончатся отговорки. И так и произошло. Даже не могу вам сказать, сколько собраний у нас на это ушло, чтобы принять Лероя в клуб. Но когда это произошло, то не было на свете чувака счастливее.

Когда он получил свои «цвета» одиннадцатью месяцами позже, он ловил и швырял всех чуваков. Лаута поднял и кинул как тряпичную куклу. После этого подошёл ко мне и поблагодарил нас со Снодди и Тенью. Мы пожимали руки, и он сдавил мою ладонь, а я сдавил его. Минут пять мы просто давили друг-другу руки. Никто не сдавался. Наконец подошёл Тень и сказал, 'Я думаю, вы достаточно пожимаете' Думаю, Тень видел, что мы с Лероем во многом похожи. На самом деле, он был похож на всех Кемпбеллов.

Однажды ночью я увидел, что Чоп несёт «цвета» Лероя, а Бык нёс «цвета» Змея. Я подумал, Что происходит? Я подошёл к Джоку и он сказал мне, что слышал о ещё одном ауто клубе в пабе Сандоунер в Бэнкстауне, так что он отправил Лероя и Змея на разведку. Естественно, оставив «цвета» здесь. Я сказал Джоку, 'Не стоило, блять, посылать куда-либо Лероя и Змея вместе. Ты прекрасно знаешь, что будет' Потому что Лерой был, как Змей – если кто-то не так глянул, то он срывался. Это был совсем не тот, кто умел таиться.

Я отправился прямо в Сандоунер.

Сандоунер был довольно жёстким пабом в то время, так что они наняли несколько крепышей вышибалами. Я приехал к залу, где играли группы, там валялись разбитые стулья, вышибалы лежали на полу. В середине всего этого были Лерой и Змей. У Лероя была в руке окровавленная деревяшка, а у Змея цепь, которую он носил, они избивали всех людей направо и налево. Здоровый вышибала, шести футов ростом, с длинными волосами, ринулся к ним, но когда поровнялся со мной, я ударил его в шею. Его голова остановилась, а тело пролетело по инерции, и он упал на спину. Я подошёл и схватил Змея с Лероем: 'Назад в машину'

Пока мы шли через парк, Лерой заметил машину, в которой лежали пару ящиков пива и бутылки со скотчем на заднем сидении. Он выбил стекло, открыл дверь и взял два ящика, а бутылки передал Змею. Они прошли к своей машине, а я поехал за ними в клубхаус.

В январе 1983 года, Таракан подрался в Таверне Одинокая Звезда, возле Чайнатауна в Сиднее, с двумя чуваками из клуба Лоунерс (Loners). Змей, Перчи и Герцог прыгнули на Лоунерсов. Потом другой Лоунер подбежал к ним и приставил обрез к голове Змея.

‘Отзови своих корешей’ Приказал он Змею.

‘Хочешь, чтобы я подошёл и засунул эту штуку тебе в зад?’ ответил Змей.

Вмешался Герцог и договорился, что все успокоятся и Лоунерсы укатят без дальнейших последствий. Они быстренько укатили, увозя на хвосте копов. Все благополучно добрались тогда домой, но в ту ночь началась война между Комо и Лоунерсами. Комо не позволяли никакому клубу на себя наезжать, особенно с использованием огнестрела.

С того момента, каждый раз, как мы встречали Лоунерсов, будь их один или десяток, мы их гасили. Вскоре они снимали «цвета» и попрятались.

Мы знали, что у них клубхаус где-то на Кингс Кроссе, так что Шипскин и ударная сила получили задачу разведать место. Это заняло две недели. Затем было отдельное собрание и мы решили накрыть их клубхаус с помощью Шипскина, Тени, Лероя, Дэйво и Ларда, плюс ещё несколькими членами Ударной Силы.

Они разнесли место, но Лоунерсы его довольно хорошо укрепили и сделали чёрный ход к заднему забору, так что мемберы убежали.

Свой сообщение мы донесли, и позже я предоставил план по организации мирного соглашения со встречей с их президентом и сержантом; мы хотели перемирия. Один из наших членов, Зорба, знал сержанта Лоунерсов, Джулиана, так что он пустил слово по Кроссу, что он хочет повстречаться. Джулиан появился и Зобра организовал встречу в середине недели в Мильтон Отеле в Оубурне.

В ночь встречи Джок попросил меня и Змея поехать с ним и Краутом прокатиться по Парраматта Роуд в Коммодоре Краута.

‘Зачем?’ Спросил я.

‘Есть информация, что Лоунерсы собирают народ с Кросса’ сказал Джок. ‘Всех этих островитян и Маори, которые будут нас ждать на дороге в Мильтон звонка, чтобы вырубить нас’

И мы поехали, но когда мы доехали до Стратфилда я сказал, ‘Да нет тут никого. Не думаю, что тут кто-то будет прятаться. Мильтон остался восемью километрами сзади’

Краут развернул машину и мы поехали назад, а когда проезжали Оубурн мы заметили едущий на нас байк. Когда он проехал мимо, я увидел «цвета» Лоунерсов на спине у него. Я заставил Краута вновь развернуться, и мы ехали за ним два или три километра, прежде чем он свернул. Он был весь в крови и избит.

‘Что с тобой случилось?’ Спросил я.

‘Братан, как только мы приехали к Мильтону все ваши чуваки прыгнули на нас’

‘Не’ сказал я. ‘Они все знали, что это мирная встреча’

Я спросил его, где его президент, он ответил, что не знает.

‘Так что именно произошло?’ вновь спросил я.

‘Мы свернули к отелю, я и остальные мемберы, мы даже с байков слезть не успели, как вся куча ваших ребят напали на нас с битами и начали топтать нас. Мне повезло сбежать. ‘Я отпустил его и поехал в Мильтон. Всю дорогу я прокручивал в голове историю того парня. Просто всё не сходилось. Но потом оказалось, что Джок меня подставил; та поездка на Парраматта Роуд была лишь для того, чтобы удержать меня и Змея от отеля, чтобы Ударная Сила Джока могла прикончить этих чуваков.

К моменту нашего приезда в Мильтон там уже никого не было, только лужи крови на проходе. Мы отправились в клубхаус, где мои опасения подтвердились. Ударная Сила ходила победителями. Остальные чуваки помалкивали, потому что знали, что это должна была быть мирная встреча.

Всё было только чтобы выманить Лоунерсов в ловушку. Джок и его Ударная Сила были единственными, кто был в курсе. Как только Лоунерсы приехали, они похватили биты из прицепа и зная, что остальные не останутся в стороне, начали драться. Думаю, Джок понял, что единственным, кто остановил бы Ударную силу был я.

Они взяли несколько наборов «цветов» Лоунерсов, но большая их часть смогла сесть на байки и сбежать.

На следующем собрании я наехал на Ударную Силу и Джока. ‘Вы организовали мирную встречу’ сказал я. ‘Базар шёл за перемирие. Не должно было быть боя или чего-то ещё. Как теперь к нашему слову отнесутся другие клубы? Как они поверят, что на них не нападут так же, как на Лоунерсов?’

Я спросил Зорбу, не мог бы он организовать другую встречу с Лоунерсами.

‘Сомневаюсь’ сказал он, что было справедливо.

‘Не нужен весь клуб’ сказал я. ‘Только президент и сержант. Буду я и Тень, никого больше’

Каким-то образом, Зорба устроил такую встречу в Максим Моторсайклс в Лейххарде. Как и обещалось, были только я и мой брат Тень, а со стороны Лоунерсов их вице-

президент Берни и сержант-по-оружию, Джулиан. После первой засады на первой встрече их президент, Киви, который оказался тем самым парнем, что мы той ночью встретили, не захотел прийти.

Так что я и их вице-президент обговорили всё, и я объяснил ему случившееся, сказал, что больше такого не будет. Я дал ему два выбора. Первый – мы закрываем их клуб или, второе, они становятся проспектовым клубом Команчерос, с названием Бандолерос.

‘Даю тебе слово, что вас не тронут’ сказал я. ‘Не важно, как пойдёт дальше. Если вы решите уйти и пойти своей дорогой, вас не станут отслеживать или ещё как-то мешать’

‘Так, в чём соль с превращением в проспект-клуб?’ спросил он.

‘Живёте своим умом’ объяснил я. ‘Будете отдельным клубом. Но когда мы будем видеть, что кто-то из мемберов Бандолерос дозрел, мы будем переводить его в Комо. Так что вы будете как «приток», с обратными нашивками. Возможно, кто-то останется в Бандолерос годами, а кто-то пробудет там всего шесть недель’

Берни сказал, что он передаст это клубу. Я дал ему свой номер, и он сказал, что скажет мне ответ.

Два дня спустя он позвонил и сказал, что кто-то из клуба решил выйти и стать одиночками, но большинство согласилось присоединиться и стать Бандолерос, с Берни, в качестве президента. Я сказал ему, что передам клубу хорошие новости на следующем собрании.

Однако, в обход меня, Джок тем временем вновь действовал за спиной клуба и отдал команду Ударной Силе напасть на президента Лоунерсов - Киви.

Я точно не знаю, что случилось, истории мы слышали разные. Всё, что мы знал, что позже той неделей Ударная Сила в клубхаусе похвалялись этим; как Киви съёжился на полу и всё такое. Мы слышали от других людей, что Ударная Сила зашли с бейсбольными битами и стволами, и разнесли всё, толкали его жену, детей напугали. Насколько я могу судить, то по логике Джока, таким запугиванием Киви он мог перетащить Лоунерсов в Бандолерос. Если бы он дождался до следующего собрания, то узнал бы, что я уже убедил их так сделать. А Киви к тому моменту уже не был Лоунером. Он был одним из мемберов, который, после нашего предложения, принял решение снять «цвета» и ездить одному.

Как только новость о нападении на дом Киви дошла до остальных Лоунерсов, мы потеряли треть тех, кто ранее согласился стать Бандолерос. Он не хотели становиться проспект-клубом для чуваков, которые станут нападать на чей-то дом. Это плохо выглядело.

Это был худший поступок, который я видел от Джока и он сделал клубу по-настоящему плохую репутацию. Он не только снова пошёл через голову мемберов

клуба, чтобы продолжить свою борьбу, но он напал на чувака в его же дома. Я проезжал дом Киви после нападения и там детские игрушки были раскиданы по веранде и газону. Нет более трусливого поступка, чем врывать к человеку в дом, где его жена и дети. Неприемлю это на уровне своей природы. Что удивило меня ещё больше, сержант Ударной Силы, Шипскин, тоже был в это вовлечён. Он просто не был тем типом чувака, который станет вламываться в дом. Он был как я: лицом к лицу, врукопашную. Зачем он на это пошёл я не знаю. Я только знаю, что хоть мы и были друзьями, он был также очень близок с Джоком.

В любом случае, мы продолжили с устройением Бандолерос. Бывшие Лоунерсы пришли в наш клубхаус и Джок передал им «цвета» Бандолерос. Как и обычно, глядя на всё с военной точки зрения: он сказал, что мы всегда сможем использовать Бандолерос как пушечное мясо в следующей войне.

У Бандолерос был клубхаус на Конкорд Роуд, Конкорд и за месяц они там всё обустроили. У них бывало много тусовок, обычно ночью в Пятницу, куда ходили и мы, а они ездили к нам по субботам. Это был хороший вариант поддержки клубхаусов друг друга, много денег ходило по барам. Берни стал президентом Бандолерос и мы с ним начали проводить вместе много времени. Мы хорошо подружились. Он был забавным парнем. Если не глядеть на его волосы до плеч, не будь на нём косухи и «цветов», то было даже не ясно, что он байкер. Он был тренером по теннису и жил в действительно роскошном доме на северном побережье. Он играл на клубных чемпионатах и имел хорошую жену.

Теперь нас было более пятидесяти, считая мемберов и проспектов – и с Бандолерос, как пушечное мясо, как это представлял Джок – Джок снова переключился в военный режим. На этот раз он решил расширить Христианский клуб под названием Brotherhood (Братство). Идею плохо приняли в клубе, потому что было понятие среду аутло байкеров, что Христианские клубы были за рамками. Но Джок стоял на том, что от них надо избавиться.

‘Зачем оно тебе?’ спросил кто-то.

‘У них рокеры чёрно-золотые, как у нас’ ответил Джок.

‘Они даже не аутло клуб’ сказал я. ‘Почему нам просто не поговорить с их президентом и не убедить их сменить свои «цвета»?’

Мы согласились с этим вариантом, так что мы организовали встречу с президентом Братства на собрании. Когда он приехал, я видел, что Ударная Сила уже готовы прыгнуть на него. Я вышел к нему и сказал ему валить, но он отказался.

‘Нет’ говорил он, ‘Я хочу поговорить с вашим президентом’

‘Вали отсюда’ повторил я, ‘иначе будет хуже тебе’

Он стоял на своём, так что я ударило его наотмашь и он упал на зад. Это было намного меньше, чем Ударная Сила бы сделали с ним. Наконец-то до него дошло, и

он как раз собирался сесть на байк, когда один из наших начал его колотить. Я оттащил нашего чувака и сказал президенту Братства съёбываться, что он наконец-то и сделал.

Мы вернулись на собрание, и снова начался спор между мемберами и Ударной Силой. Всё это становилось слишком знакомым. Но у клуба была численность, так что этот бой мы выиграли. Мы проголосовали, что не вступим в войну с каким-либо Христианским клубом.

В то же время, Лероя арестовали за то, о чём я не стану говорить, но какое-то время он провёл в Лонг Бей. Я организовал дежурства мемберов и проспектов, чтобы удостовериться, что у Лероя будет посещение в каждый день для посещений, и мы заверили его, что сделаем всё, чтобы собрать за него залог.

Мы со Снодди отправились к Джокку и попросили у него денег из казны клуба на оплату залога за Лероя.

‘Нет, нет’ сказал Джок, ‘это мой военный фонд’

‘Военный фонд?’ сказал Снодди. ‘Эти деньги нужны на тот случай, если мембер вляпается в дерьмо’

‘Я ничем не могу помочь, раз он туда сам влез’ сказал Джок. ‘Пусть он сам и выбирается’

Снодди и я знали, что деньги эти собирали для помощи члена клуба, так что мы продолжали давить на Джокка, при этом убеждая Лероя, что мы работаем над этим. Но Джок не менял позиции.

Так что на следующем собрании, я и Снодди вынесли на голосование мемберов, чтобы все сдали по сто долларов, или сколько смогут, чтобы собрать денег на залог за Лероя. Все были, вроде бы, за, но приятель Джокка, Снежок, который был казначеем и он наложил вето на эту идею. Идея была убита.

Снодди отвёл меня в сторонку после собрания. ‘Как думаешь, куда пошли деньги с клубных взносов?’

‘Ты о чём?’

‘У нас там должны быть тысячи долларов, но Джок говорит, что там пусто’ Эти деньги были собраны взносами в клуб и сборами в барах, которые были немалыми. ‘Похоже, у него нет проблемы с деньгами на новую машину для Ванессы или бассейн, который он сделал перед домом’. ‘Сложно будет доказать, что он уничтожает клуб’ сказал я, ‘учитывая, что книги только у Джокка и Снежка’

Снодди приехал вместе с Берни ко мне однажды вечером. Он привёл его, чтобы показать мою коллекцию пальцев. К тому моменту там было порядка тридцати пальцев в банке, которую я хранил в потайной стенке будки моего бультерьера.

Никто не мог бы туда добраться, если только он не решил быть покусанным. Но я не очень хорошо или недостаточно долго знал Берни, так что я сказал Снодди, 'Может, через несколько месяцев, или когда он покажет себя'

'А что мне сделать, чтобы показаться?' Спросил Берни.

'Я скажу, когда ты это сделаешь'

Снодди сказал, что Берни надеялся больше узнать о клане.

'В смысле, о моих братьях?'

'Ага' сказал Берни. 'Я хорошо узнал Змея; он выглядит, будто он злобный гад'

'Так и есть, согласился я.

'А что насчёт остальных?' спросил Берни.

'Ну Быка несколько сложнее вывести, но он столь большой и сильный, сколько он урона и может нанести' сказал я ему. 'Если ты понимаешь в охоте на кабана, то это половина пути к узнаванию Быка. Тень во многом похож на меня: очень тихий, большую часть времени, но если его спровоцировать, то он станет очень злобным. Псих тоже тихоня, но вместе с тем, он может уработать тебя одной левой'

'А что насчёт Чопа?' сказал Берни. 'Он ведь не брат вам по крови, не так ли?'

'Нет, он наш брат, и я не позволю, чтобы Чоп услышал от тебя нечто иное. Мы подобрали его, когда его выгнали из семьи, и он побратался кровью со мной и моими братьями. Затем, когда ему исполнилось восемнадцать, он сменил своё имя на Марк Кемпбелл. Так что он Кемпбелл по закону, и по крови в его венах. Если ты когда-нибудь попытаешься мне сказать, что он мне не брат, то пеняй на себя'

Берни мудро принял эту информацию. 'А как Снодди получил кольцо Кемпбеллов?'

'Заслужить это ещё сложнее, чем свою нашивку' сказал Снодди. 'И, вероятно, это был момент в моей жизни, когда я гордился собой больше всего, что меня приняли в семью Кемпбеллов'

'Ага, есть только четыре чувака, кроме Снодди, которые смогли получить кольцо, а именно Перчи, Герцог, Наклз и Таракан. И у них заняло долгое время заслужить это'

'А что ваша мама говорит, по поводу твоего участия в клубе?' спросил Берни.

'Если у тебя лучшая в мире – не, во вселенной – мама, то, как ты думаешь?' сказал я. 'Она поддерживает нас во всём. Ты не забывай, она привела в этот мир четырнадцать детей, вырастив их, по большей части, сама. Мой старик умер довольно молодым'

'До Кемпбеллов у меня семьи не было' сказал Снодди. 'А когда я получил кольцо, я начал ходить на дни рождения мамы, на вечеринки сестёр. Я принадлежу двум семьям, и мне в этом чертовски повезло' Другой семьёй Снодди был клуб.

Прежде чем уйти, Берни напомнил нам, что у Бандолерос будет вечеринка в ту Пятницу и у них будет свинья на шампурах и стриптиз. Я сказал, что приеду, но не допоздна.

Настала ночь вечеринки, и большинство Кома были там, вместе с Бандолерос. Я работал, когда мне позвонил Берни и сказал приехать; произошла беда.

Когда я прикатил, Джок только приехал и говорил с Ударной Силой. Берни оттащил меня в сторонку и сказал, что Ударная Сила пришли в середине вечеринки и Краут начал колотить понты. Он выстрелил в Руя, одного из Бандолерос, затем пристал к Тени. Берни сказал, что Краут преследовал Змея по всему клабхаусу, доставая его и делая остоумные замечания. Внезапно Тень подошёл к Берни и сказал, 'Слушай, меня заебал этот мудака. Я не стану создавать проблем в клабхаусе, выведу его в парк'

'Хорошо, мы подойдём и убедимся, что всё честно' сказал Берни.

Так что Тень и Краут вышли в парк за четыре дома от клабхауса. Секунд за десять Тень вырубил Краута. Он был в отключке, по словам Берни.

Выслушав всю историю, я подошёл к Джоку, взяв с собой Берни. Я попросил Берни пересказать Джоку, что произошло. Джока не удовлетворило объяснение Берни, но он сказал, что мы это разберём на собрании.

На собрании Краут заявил, что требует у Тени сдачи «цветов» за нападение на другого мембера. Дэйво выступил в защиту Тени: 'Если у кого и надо отобрать «цвета», так это у тебя, Краут. Ты сам предложил Тени выйти, а Тень тебя игнорировал и пытался уйти. Но ты продолжал его доводить. Любой в клубе поступил бы так же'

Наконец заговорил Тень. 'Мне не нужны его «цвета». Для меня всё закончилось в том парке'

Дальше разговор не пошёл, потому что дальше встал Снежок и всех удивил: 'У нас есть для волнения более важные дела. Мы вступаем в войну'

Вся комната взорвалась от вопросов желающих узнать, с каким клубом.

'The Gypsy Jokers (Цыганское жульё)' сказал Снежок.

'С чего вы хотите с ними воевать?' спросил Дэйво.

'У них одинаковые с нами «цвета»' сказал Снежок. 'Плюс они выезжают из Фэйрфилда в Парраматту, а это наша территория'

Дэйво, который обычно молчал на собраниях, не смог скрыть своего отвращения. 'Ды ты прикальваешься. Они ездят столько же, сколько и мы и неожиданно ты решаешь предъявить им за «цвета»? Ёбаный свет, они похожи, но не одинаковы; у них бордовая линия идёт по краю'

‘Мне плевать’ сказал Джок. ‘Мы их закроем’

Дэйво не собирался это так оставлять. Мы были сыты Джоком по горло и Дэйво на него давил. Он продолжал спорить с Джоком, и, судя по его лицу, был близок к тому, чтобы выбить из него дух. Я встал между ними, чтобы Дэйво его не вырубил. Они были примерно одного размера, но Джок был очкариком, а Дэйво – одним из лучших в клубе бойцов.

‘Почему вдруг ты решил сделать это именно сейчас?’ продолжал Дэйво. ‘Просто потому, что мы самый большой в Сиднее клуб?’

‘Да’ сказал Джок Jock said. ‘Мы докажем, что мы самый жесткий клуб в Австралии’

Я тоже начал закипать. ‘Нам не надо этого доказывать’ вступил я. ‘Мы знаем это и так’

‘Да’ согласился Дэйво, ‘Зачем нам это доказывать? Ни один клуб не ездит больше в Парраматту. «Война и Мир» - единственный клуб во всём районе, где можно в два часа ночи купить пива, но ни один клуб туда не суётся, потому что знают, что Комманчерос их раздавят. Мы уже самый жёсткий клуб в Австралии’

‘Я президент’ спорил Джок, ‘а ты – лишь мембер’

‘Ты президент только потому, что мемберы дали эту работу тебе’ предупредил я его. ‘Всего одного собрания хватит это изменить’

Меня не волновало провоцирование Джока. Я знал, что он на меня не пойдёт, или Дэйво. На самом деле, Джок рассчитывал, что я остановлю Дэйво при попытке вырубить Джока, так как именно я ввёл правило, что ни один Комо не станет бить другого. Но я так же был зол на эту его военную позицию, как никто другой. Вся это одержимость драками была не тем, чем должен быть клуб. Всё и так зашло уже далеко.

ГЛАВА 9

Шёл 1983, а я катался позади Наклза. Герцог тоже был в колонне, плюс ещё пара ребят. Я не знаю, уснул ли Наклз или что-то ударило его в лицо – ведь он не носил очков – но неожиданно он свернул и поехал прямо в бетонный отбойник. Он подлетел в воздух, как и его байк, а затем он упал и байк приземлился на него.

Мы стащили с него байк и отвезли его в Вестмидскую Больницу, где его тут же прооперировали. Ему сделали шунтирование во лбу, чтобы снизить давление в его разбитом черепе, так сильно пострадал его мозг. Выглядело, будто ему в лоб воткнули садовый ороситель. Всё его тело было забинтовано. Это была очень серьёзная авария. Были моменты, когда мы могли его потерять.

Один из наших мемберов, Свин, снял комнату в интенсивной терапии, которая у них была для друзей и родных, чтобы быть поближе к Наклзу на всякий случай. Свин первую неделю почти жил там. Наклз поправлялся и другие мемберы стали

использовать снятую Свином комнату, чтобы он мог отдохнуть. Ежедневно там могло быть, как минимум пятнадцать или двадцать Комо в комнате ожидания. Мы знали, что большинству из нас нельзя зайти к нему, но мы все чувствовали, что должны быть там. Медсестры привыкли к куче байкеров, тусующихся там. Одна медсестра подошла ко мне и сказала, 'Вы, ребята, изменили моё мнение о байкерах. Я большую часть карьеры провела в интенсивной терапии, и я никогда не видела, чтобы куча парней так переживала за другого мужчину'

К счастью, Наклз пришёл в себя, но он стал другим. Авария оставила ему сильные головные боли, ни обоняния, ни вкуса. Были провалы в памяти и он часто бывал дезориентирован.

Весь клуб помогал Наклзу встать на ноги. Он переехал к своему брату, Герцогу, пока всё ещё восстанавливался и мы с Герцогом начали посменно присматривать за ним; авария вызвала у него необъяснимые вспышки агрессии ко всем, кроме меня и Герцога. Когда он смог двигаться сам, клуб снял ему дом, а его старушка, Венди, наполнила его мебелью и телефоном с электричеством. У Венди как раз родился малыш, Харли, так что всё её время было занято им и у нас не было денег. Она тайно передавала нам через окно счета – потому что Наклз не стал бы просить помощи – а клуб оплачивал их. Мы присматривали. Особенно его брат Герцог, который не мог любить брата больше, чем уже любил.

Пока Наклз ещё был в больнице, Джок дал нам с ещё одним мембером – Опи - задание найти новый клубхаус. Мы разрослись в Гранвилле и пора было найти место побольше.

Опи прикатил в мой дом как-то раз и сказал, что нашёл местечко в Бирчгроув. 'Не хочешь сгонять и посмотреть, вариант ли это?'

Так что я сел на байк и поехал за ним через внутренний западный Баламэйн, в Бирчгроув и вниз по Луиза Роуд, которая вела на узкий полуостров, в Сиднейской Гавани. У Опи был ключ и он провёл меня по дому. Как только я попал внутрь и увидел виды гавани, а также размер дома, я был очарован. Задний двор спускался к воде и выходил на Харборский Мост.

'Сколько?'Спросил я Опи.

'Триста баксов' сказал он, 'но мы можем получить его на пару недель за бесплатно, если мы в этом месяце подпишем арендный договор'

'Бери'

На следующем собрании мы всем сказали, что нашли новый клубхаус, так что мемберы начали ездить посмотреть. Затем мы перевезли бар и холодильники. У нас было пару столов и игровой автомат Space Invader на монетках, который мы на веранде поставили, которая вся была закрыта стеклом, так что ты мог поиграть или просто сидеть и смотреть на воду. Мы всё ещё были в Гранвилле, лишь перевозили

вещи потихоньку, когда приехали Тень и Чоп, незадолго до собрания и сказали, что выдвинут против Джока обвинения и заберут его «цвета».

Я не поверил ушам. Чтобы у них на него не было, очевидно, оно было достаточно для немедленного разбора – особенно в случае с президентом.

‘Что случилось?’ спросил я.

‘Он ебался со старухой другого мембера’

‘Откуда вы знаете?’

‘Мы были на Пятом Причале этим утром и видели грузовик Джока припаркованный у дома ____’ сказал Чоп. (Я не стану называть имя мембера из уважения к нему и его семье.) ‘Мы свернули, и мы шли к передней двери, а в окно я увидел Джока, ебущего старушку ____.’ Чоп схватил Тень и подтащил его, чтобы тот тоже увидел. ‘Он очень старался над ней’ сказал Тень. Чоп постучал и старушка ____ подошла и открыла дверь, а Джок стоял за ней. Тень спросил его, что он тут делает, а Джок ответил, что просто заскочил повидать ____ . Чоп и Тень развернулись и уехали. ‘Не сомневаетесь?’ спросил их я. ‘Нет’ ответил Чоп. ‘Вне всяких сомнений’

‘Ну, вы знаете правила, если вы собираетесь выдвигать обвинения, то должны до собрания дать человеку шанс объясниться’

‘Этого он никак не объяснит’

‘Вы сказали ____?’

‘Да’

‘Что он сказал?’

‘Он был потрясён’ сказал Чоп. ‘Уехал на байке и мы его ещё не видели’

‘Он тут?’ спросил Тень.

‘Нет, а собрание вот-вот начнётся’ сказал я. ‘Джока ещё нет, так что вам, вероятно, придётся подождать до следующего собрания, чтобы предъявить ему’

Но собрание уже началось – Тень и Чоп не смогли поговорить с ним.

После встречи я отозвал Джока в сторону. Тень и Чоп вышли и высказали ему то, что видели. Джок всё отрицал, но Тень и Чоп назвали его пиздаболом. Я сказал им подождать здесь и сходил за Шипскином. Я решил, что нужен ещё мембер, которого не обвинили бы в предвзятости.

‘Тень’ сказал я, ‘расскажи Шипскину, что ты видел’ Тень сказал Шипскину, а Чоп подтвердил это. Шипскин осел. Он обернулся к Джоку: ‘Ты тупой старый мудака. Тебе конец. Ты обосрал свои «цвета»’

В тот момент я даже пожалел Джока, ведь, в конце - концов, он открыл клуб, а теперь, из-за простой ебли, он знал, что на следующем собрании он потеряет «цвета».

В течение следующей недели мы закончили переезд из Гранвилля в Бирчгроув, так что мы вплотную подошли к открытию нашего новенького клубхауса к следующему собранию. И оно должно было быть волнительным.

Мы все согласились не говорить остальным мемберам о том, что Джок спал со старухой другого мембера. О том же просил и тот самый мембер, так что из уважения к нему всё осталось между Тенью, Чопом, Джоком, Шипскином и мной.

Пришла ночь собрания, мы все сидели напротив друг друга. Чоп хотел сделать первым пунктом собрания снятие «цветов» с Джока, так что когда он не явился во время, мы отложили собрание на двадцать минут. Но он так и не приехал. Как и на следующее.

Через полчаса после начала четвёртого собрания, куда его позвали Тень и Чоп, Джок прикатил по Луиза Роуд с Ударной Силой. Он зашёл и позвал всех вместе, будто у него было большое объявление. Он дождался тишины, прежде чем начать. 'Я разделяю клуб надвое'

ГЛАВА10

Как только Джок уехал Снодди повернулся ко мне. 'Итак, ты - президент'

'Не, ты будь президентом' сказал я. 'Ты пожизненный мембер. Я доволен работой сержанта' Мне нравилась эта работа. Нравилось ехать во главе колонны. Я считаю президента больше ширмой; на самом деле, клубом управляет сержант. Он следит за безопасностью, он присматривает за всеми чуваками, и я всегда видел, что если у мемберов проблемы – со старушками ли, финансовые или ещё какие – первым звонят сержанту.

Все разговоры были, 'Почему он так сделал?'

У всех были свои идеи, но мы с Тенью отвели Снодди в сторонку на офицерском собрании. Я думал, Снодди заслужил знать причину всей этой враждебности со стороны Джока. Мы заранее спросили упомянутого мембера, можно ли сказать Снодди и он согласился. Так что мы сказали Снодди, что весь разговор между нами. У Снодди было кольцо Кембелла и я знал, что могу ему верить.

Я сказал ему, что Джок спал со старушкой _____. Чоп проговорил: 'Очевидно, джок разделил клуб, чтобы я и Тень не могли его обвинить'

'Вот и причина для двух чаптеров' сказал Тень.

Джок объявил, что каждый чаптер будет жить по своим правилам и ездить сам. Это значило, что мы не могли теперь выдвинуть ему обвинения и поставить вопрос о его

исключении из нашего чаптера; он уже в нём не был. Снодди опустил голову. 'Этот старый хер всё сделал, чтобы сохранить «цвета»'

Мы так никому и не рассказали историю о том, что Джок спал со старушкой _____. Даже годы спустя, когда наш клуб разделился и нами занимались следователи, когда люди говорили, что разделение случилось из-за наркотиков или из-за жажды власти у Снодди или у меня, мы не выдали настоящую причину из уважения к мемберу, которого так оскорбил Джок.

Как только пыль поулеглась, мы официально зажили в Бирчгроув, первое, что я сделал, это поехал к главе полицейского участка в Балмейн. Я попросил его привести начальника участка, потому что, как и в мотоклубе, я выяснил, что копами управляют именно сержанты. Я представился и сказал ему, что мы только въехали, и всё обстояло так: если они не станут давить на нас в районе Балмейн, то вреда от нас не будет. Ни драк ни геройства. 'Будете уважать нас, мы ответим тем же'

Они решили, что это справедливо, и мы пожали руки.

Как оказалось, мы хорошо поладили с местными копами. Мы держали своё слово: мы ездили в Балмейне колонной, но в пределах ограничения скорости, газуя лишь на Виктория Роуд или выехав из района Балмейн. Ещё один момент был в том, что у них было много нападений в Балмейне, но как только мы въехали они прекратились. Потому что мы заходили в кабаки и там было много гопоты, которой мы вскоре всё разъяснили. В итоге мы стали неофициальными вышибалами в большинстве пабов. Так что в Балмейне нас полюбили. Сейчас-то в пригороде стенка-на-стенку махаются, но тогда там царил богемный дух. Копы, в итоге, заходили в клабхаус по вечерам Субботы, чтобы купить поесть или пива. Старушки делали им тарелку сосисок или картошки, а они платили пять баксов. Это была самая дешёвая в округе еда. Забавно, но дорожная полиция тоже никогда не трепала нам нервов.

Западный чаптер Джока покинул Гранвилль и снял большой дом на углу, прямо у паба Роузхилл. Но у них просто не хватало мемберов. Почти все, кроме Ударной Силы остались с нами.

Так что Джок старался переманить Бандолерос к себе. Сержант Ударной Силы, Шипскин, поехал к Берни и сказал ему, что Джок хочет перевести их в западный чаптер.

'В каком чаптере Цезарь?' желал знать Берни. 'Я не стану ничего делать, пока не поговорю с ним'

Так что Берни позвонил мне, и я рассказал ему, что случилось. Он сказал, что соберёт собрание Бандолерос той ночью, и он сразу мне перезвонит. Когда он мне перенабрал, то сказал, что он и все, кроме трёх Бандолерос, переходят в городской чаптер. Это было концом Бандолерос. Барни и его команда стали нашими проспектами, а остальные просто одиночками. Думаю, они предвидели проблемы.

В следующем месяце, в сентябре, Джок собирался жениться на своей старушке, Ванессе. У него на мальчишник были большие планы, но он не позвал ни одного мембера городского чаптера. Между нами уже были тёрки, но это всё же оставило свой осадок.

Джок и его приятели поехали на Кросс в ночь его мальчишника, и один из его Ударной Силы, Воробей, поцапался с какими-то женщинами из Самоа или Тонго, назвав одну из них шлюхой. Куча огромных Островитян прыгнула на них и весь западный чаптер очень хорошо огрѐб. Большая их часть попала в больницу.

Нас очень смущало, что огрѐбли Комо – это ещё больше ослабило «цвета» – затем мы выяснили, что, как обычно, Джок переврал всё так, будто побили наш чаптер.

Если бы там и правда побили моих людей, то я бы мстил долго и упорно. Но у Джока были свои соображения о мести. Он выяснил, где Островитяне пьют и двое его мемберов проехали мимо, закинув внутрь кирпич через окно паба с запиской: Это могла быть бомба. И всё. Джок считал, что он восстановил честь клуба.

По мнению главного чувака Островитян, всё ещё не закончилось. Он нашёл одну шлюху на Кроссе, которая, как он знал, тусовалась с нами и сказал ей передать Комманчерос сообщение: он хочет драться с главой Комо. Так что это девка отправилась в Бирчгроув и передала сообщение. Она сказала, что главный Островитянин огромный чувак, шесть футов пять дюймов и семнадцать стоунов, с племенными татуировками на груди и руках, ногах и коленях.

Даже если у нас и было два чаптера, Джок всё же считал себя главным – ‘Эль Супримо’ – так что Снодди позвонил ему, чтобы передать сообщение. Ответила Ванесса.

‘Можешь позвать Джока?’ спросил Снодди. Он слышал, что Джок на фоне шепчет, ‘Кто это?’ и Ванесса ответила, ‘Это Снодди’ а Джок, ‘Скажи, что меня нет’

Так что Снодди сказал Ванессе: что тот чувак хочет драться с главным Комманчеро и это должно быть через три дня в два часа в аллее позади паба Рок’н’Ролл в Woolloomooloo.

Джок так и не перезвонил.

Срок прошёл и шлюха позвонила вновь, чтобы сказать, что Островитянин её мучает, потому что никто не пришёл с ним драться. Снодди сказал Дэйво передать девке, что всё будет на линии позади Рок’н’Ролла в два часа следующим вечером.

Следующим утром мы были в клубхаусе и всё ещё ждали звонка Джока. Ждали до семи часов и ничего не произошло. Снодди повернулся ко мне: ‘Ну, здоровяк, похоже, что для тебя есть работѐнка. Или мне попросить кого-то из братьев?’ ‘Нет, я всё сделаю’ Я считал, что если ты не собираешься защищать свои «цвета», то и носить их не должен. Любой из моих братьев или Дэйво, либо Кид могли это сделать, но будучи сержантом, я считал это своей работой.

У Островитянина была репутация человека, который держал за углом резерв из группы бойцов за углом, и если он проигрывал, то от пятнадцати до двадцати Островитян решали вопрос. Так что со мной в машине были четыре человека, на всякий случай. Мы приехали туда к двум часам, в тупик на Холдене. Ждали до трёх, четырёх часов. Было похоже, что никто не появится, но неожиданно я увидел все эти чёрные ноги выбегающие из-за угла на дорогу, и я подумал, блять, да их там сотни. Мне нравятся приливы адреналина, когда была вероятность получить, но это было глупо.

Затем я понял, что это просто пару футбольных команд Куури на пробежке. Фух.

Я подождал ещё полчаса, прежде чем забить. Я завёл свой Харлей Уайд Глайд и поехал туда, где запарковались Снодди и Тень.

‘Что ты делаешь? Спросил Снодди.

‘Я достаточно ждал этого хрена. Похоже, он не особо-то и хочет драться. Всё это пиздабольство’

‘Я думал, ты свалишь часа на полтора раньше’ сказал Снодди.

‘Это ведь не твой бой, Цез’ сказал Тень. ‘А Джока’

‘Когда любой хрен наезжает на клуб, задача каждого мембера защитить свои «цвета» и честь клуба’ сказал я.

Снодди предложил проехать по Кроссу. ‘Этого чувака не должно быть сложно найти. Он шириной в пять футов’

Мы раза четыре проехали по Кроссу, но никого не нашли, мы припарковались и поискали в пабах и клубах. Но не нашли никого, подходящего под описание, но мы дали знать некоторым людям, что мы на месте и никто не связывался с Команчерос.

У Джока была свадьба, а никого из нас он не позвал. В следующем месяце у нас был национальный пробег в Молонг. Несмотря на плохие предчувствия, наш чаптер всё же намеревался ехать. Мы все всё ещё были Команчерос, как бы то ни было. Джок повёл свой чаптер через Голубые Горы к западу от Сиднея и через Бэтхёрст, где их остановила и начала проверять полиция – как всегда делали копы с байкерами, проезжавшими через Бэтхёрст.

Наш чаптер решил объехать Бэтхёрст и выехать через Оберон и доехать по маленьким дорогам в местечко под названием Джорджес Плэйн. Там есть крошечный каменный паб с баром на тридцать футов. Владельцы хорошо нас восприняли. Было здорово. Затем мы уехали по дороге в Молонг. Мы приехали в город, тридцать четыре байка, в колонне по двое. Джок видел, как мы ехали, и трясся по дороге со своей колонной. У него была лишь дюжина чуваков в то время.

Как только мы прикатили, то увидели, что они проводят некую церемонию. Я слез с байка и подошёл к Шипскину. ‘Чем занимаетесь?’

‘Джок делает Роджера пожизненным мембером’

‘Как он может делать его пожизненным мембером? Он в клубе лишь шесть лет. А нужно десять’

‘Ну, так решил Джок’

Я ушёл к своим и сказал Снодди, кто у нас новенький пожизненный мембер. Он очень обозлился на Джока. Я видел, что некоторые Кома из западного чаптера взялись за оружие, так что я подошёл к Снодди и сказал, ‘Забей, братан’

Затем я повернулся к Шипскину. ‘Если вы сделаете Роджера пожизненным мембером, то вы всё в клубе испортите. Если вы будете класть хер на правила, то и мы начнём’

Все были очень напряжены. Чуваки из нашего чаптера начали подходить и всё выглядело, будто сейчас будет куча-мала. Но я всё ещё придерживался своего правила, что я не стану драться с тем, кто носит со мной одни «цвета». Так что я поговорил с Шипскином и сказал ему, что я думаю лучше разделить два чаптера на выходные. Я успокоил своих ребят, они расселись на байки и мы вновь в колонне по двое отправились в Джорджес Плэйн.

Как и всегда, я последним заводил свой байк. Я увидел Джока в сторонке с очень раскрасневшимся лицом. Будь это кто-то, а не Джок, я бы пожалел его. Если бы он просто управлял Команчерос, как мото клубом, то у него был бы самый большой в Австралии клуб. Вероятно, самый жёсткий. Что было именно тем, о чём он и мечтал. Но он всё испортил своими фантазиями о войне – и своём члене.

Когда мы вернулись в Джорджес Плэйн, все расставили палатки возле бухты рядом с пабом и обустроились на ночь. Кто-то из братьев купался, остальные отдыхали в пабе, и началась ночная вечеринка. Рядом с пабом была куча старых деревянных катушек, на которых Телеком возил свои кабели. Их было почти две сотни. Мы спросили владельца паба, можно ли ими разжечь костёр. Он согласился и у нас был огромный костёр на всю ночь.

У Тени была шестиместная палатка, и все чуваки, любившие приложиться к бонгу, пошли туда и хорошенько там накурились. Ты ловил приход, просто пройдя мимо. Мы отлично проводили время.

Позже той ночью мы с удивлением увидели свет фар двух Харлеев. Они ехали прямо к нам и это оказались двое из западного чаптера со своими старушками, Медведь и Боб. Они были тему двумя, кто, за исключением Ударной Силы, пошли за Джоком, когда он разделил клуб. Медведь подошёл ко мне и спросил, можно ли им вернуться в городской чаптер. Старушка Медведя, Шэрон, тоже подошла. ‘Пожалуйста, Цезарь’ умоляла она. ‘Ты не представляешь, как с Джоком скучно’ я позвал Снодди, сказал ему, чего они хотят. Он согласился и мы протусовались всю ночь. Все братья и их старушки отлично провели время.

Примерно в пять утра я услышал стрельбу. Джок же не настолько глуп? Я выскочил из палатки и увидел, что это просто Чарли пытается подстрелить из своего ружья пару уток в бухте. Он пристрелил больше воды, чем уток. Я отобрал его ружьё и сказал, чтобы шёл спать, а то я кину его в воду.

Позже в то утро мы начали паковаться и выдвигаться в Сидней. Подошла Шэрон и поблагодарила меня, что я позволил Медведю вернуться. 'Прошлой ночью было, как в старые времена' сказала она. 'Было здорово'

Подошёл Снодди. 'Любопытно, что Джок со своей Ударной Силой поделывает? Сколько ты вчера там сосчитал хенгераундов?'

'Не считая Медведя и Боба, четверых' сказал я.

'Ну, тогда их двенадцать. А сколько тусовалось здесь? Тридцать шесть'

Лёгкий дождь начался, как только байки поехали по дороге в своих дождевиках Driza-Bone, с нашими «цветами» поверх. «Цвета» не должны быть нечитаемые. К моменту когда мы добрались в Оберон, было очень туманно. Снодди и я были спереди, сохраняя дистанцию, ехали двое в ряд. Чувакам сзади вряд ли было нас видно. Пока мы ехали по горам дождь всё не прекращался. Ты должен по-настоящему любить байкерскую жизнь и кататься со своим клубом. Что мы и делали.

Мы благополучно добрались и все отправились в клубхаус обсохнуть. Что было куда лучше, чем у команды Джока. Нам позвонили и сказали, что они снова поехали через Бэтхёрст, и их снова остановили копы. Копы испортили им четыре или пять байков и один загорелся. Мы сидели в клубхаусе и говорили, насколько же странным вышел пробег, когда один из чуваков вытащил маленькую пилу и начал тыкать ей в барную стойку. Бар был сделан из старых шпал, которые отполировал Дэйво. Мы принесли их с предыдущего клубхауса и мы выжгли на них свои имена каленым железом. Когда я присмотрелся, то понял, что он вырезает пилой имя Джока.

Боже, это очень плохо выглядело.

Примерно спустя неделю, мои братья Бык, Змей и Псих, плюс старушка Змея, отправились в западный чаптер на барбекю в дом Тонки, который был в ударной силе. Как только они приехали, то ощутили напряжение. Бык не понимал, так что он спросил Шипскина, в чём дело. Шипскин ответил, 'Ты и твои братья всегда желанные гости, если речь идёт обо мне, но остальной чаптер, особенно Мутный, не хотят иметь с вашим чаптером ничего общего'

На нашем следующем собрании Змей и Бык сказали клубу о том, что произошло и о позиции чуваков с запада. Это сверху того, что было в ночь пробега в Молонг, там уже были видны проблемы.

Рано в ноябре 1983, Снодди я и Тень созвали внеочередное собрание. Должны были быть все, без отговорок. Когда все прикатили в клубхаус, то увидели, что Снодди в мрачном настроении.

‘В чём дело, Снодди?’ спросил Дэйво.

‘Да, что не так?’ сказал Лард.

‘Мне сказали, что в воскресенье Мутный ездил к Bikers Limited и передал им «цвета» в обмен на их маленькие медные значки’ сказал Снодди. Bikers Limited были байк клубом где было много мото энтузиастов. Туда можно было вступить, заплатив пятнадцать долларов за маленький медный значок. Снодди слышал, что Мутный просто говорил этим чувакам, ‘Сдайте нам свои значки и мы выдадим вам «цвета»’ Западный чаптер резко вырос с дюжины до тридцати.

‘Их чаптер стал столь же большим, как наш всего за месяц’ продолжал Снодди. ‘Получается, если ты в состоянии проехать с западным чаптером пару светофоров, то получишь «цвета». Я не хочу мириться с этим. Когда я пришёл в клуб, то нужно было минимум девять месяцев проспекта. Сейчас, видимо, всего пара. Я не знаю, что чувствуете вы, но я не хочу больше быть Команчеро’

Я встал и согласился со Снодди; в ношении «цветов» Команчеро больше не было чести. Джок обесценил «цвета» раздавая их всем подряд, и то, как два чаптера взаимодействовали, показывало, что там не будет братства.

Снодди ответил, ‘Если Цезарь с этим согласен, то мне не нужно ничего иного’

Против выхода никто не возразил, но были вопросы, наподобие: ‘Что мы станем делать, выйдя из Команчерос?’ я встал и сказал I got up and said, ‘Ну, то, что хочет большинство клуба – сожжём «цвета» – а затем проведём собрание и решим, что делать дальше’

Собрание длилось почти до четырёх утра. Снодди выдвинул вопрос на голосование, и оно прошло почти единогласно.

Задачей Снодди было позвонить Джоку и сказать ему. Мы все были в клубхаусе следующим вечером, и он взял трубку. Это был сложный звонок, но не настолько, как те люди, что его спровоцировали. Был миф, что Джок вроде отца для Снодди; что Джок нашёл его бездомным молодым пареньком и подобрал его. Даже шли разговоры, что это ляжет в основу фильма о вражде. Но это всё было фигнёй, распространяемой Джоком, чтобы возвеличить себя.

Снодди был торговым моряком до встречи с Джоком. Это довольно тяжёлая жизнь. Он многое в мире повидал. Он не был просто потерянным пацаном, когда они встретились. Да, они были корешами, но были разделены много лет до того. Какое-то время он напряжённо молчал. Я слышал гудки. Снодди назвал наши некоторые претензии: ‘Мы не смирились с тем, что западный чаптер просто так, в пять-шесть недель раздаёт свои «цвета»’

Джок пытался использовать свою обычную тактику, но было уже поздно.

‘Мы закрываем городской чаптер’ сказал Снодди. ‘Наши «цвета» мы сожжём’

Джок взвинулся. ‘Ни за что. Это мои «цвета». Принесите их мне’

‘Если тебе нужны «цвета», то приди и возьми их’ ответил ему Снодди. ‘А Цезарь здесь с радостью тебе навалит’

Джок согласился на сожжение «цветов».

Он отправил Шипскина и Джей Джей из Ударной Силы в наш клубхаус, чтобы проконтролировать сожжение «цветов». Он хотел убедиться, что каждый жилет сожжён. Шипскин пришёл, но Джей Джей остался в машине, заперев двери. Офигенная помощь Шипскину от него, реши мы вдруг навалить ему. Мы не собирались этого делать, но многие на любили Шипскина из-за того, что он всегда бил тех, кто его раздражал.

Даже не смотря на всё, что произошло, мне лично Шипскин нравился. Мы с ним поболтали, пока все складывали свои жилеты и разводили костёр. Думаю, Джок хотел, чтобы Шипскин их все сосчитал, но тот повернулся ко мне и сказал, ‘Ты удивишься, что они все сожжены?’

‘Да’

‘Бляха, мне этого достаточно’

Все чёрные кожаные жилеты были сложены в кучу возле бочки на сорок галонов, которую мы использовали для костров в холодные ночи. Целая куча разных ребят брали свои «цвета» и складывали их туда. Церемоний не было. Никто не считал. Мы просто кинули несколько штук, дождались, пока разгорится костёр, и закинули ещё побольше. После последней порции, мы оставили костёр гореть, а сами пошли внутрь. Я проводил Шипскина к машине, и мы пожали руки. В комнате для бильярда все обсуждали: ‘Что будем делать дальше?’ у всех было разное мнение.

‘Погодите’ сказал я, ‘давайте пару ночей выдохнем, всё обдумаем и соберёмся вынести решение’

Две ночи спустя все собрались. Поначалу было хаотично. Снодди и Тень с ещё несколькими ребятами хотели уйти к Ангелам, что я бы с радостью сделал, из-за Гитары и ещё одного моего приятеля, Спички. Но были и другие чуваки в клубе, которые ненавидели Ангелов. Кто-то хотел присоединиться к Ребелс, но Кид сказал, ‘Если вы уйдёте к Ребелс, я уйду’ Другие хотели к Nomads (Номады), и некоторые к Цыганскому Жулью. Я принял бы любое решение, будь оно единогласным; прежде всего я хотел сохранить всех вместе. Но не было бы клуба, который всем бы нравился. Я понял, что это будет долгая ночь.

Мы говорили о том, чтобы просто остаться вольными, но понимали, что тогда все разбегутся, потому что нужен набор «цветов», чтобы бороться за него и уважение друг к другу.

Два часа спустя, мы сделали перерыв. Я и Тень пошли в бар попить, и Тень сказал мне. 'А что, если новый клуб начать? Можно оживить Гладиаторов'

'Не, я не хочу проходить это снова' сказал я. Кроме того, есть уже в Ньюкастле такой клуб и я не хотел с ними создавать трений.

'Ну, а что с теми чуваками, которых Снодди встречал в Америке? Бандидос?'

'Да' сказал я, 'это вариант'

Мы вернулись в комнату и позвали Снодди. Тень сказал ему, 'А что ты думаешь, если мы предложим этим чувакам открыть чаптер Бандидос здесь?' Снодди взвился. 'Блять!' сказал он. 'Как это я об этом не подумал? Они такие же, как старые ауто клубы'

Снодди тут же вышел ко всем. 'У Тени появилась отличная идея. Почему бы нам всем не стать Бандидос?' С полчаса мы всё проговорили, затем Снодди объявил голосование. 'Все, кто за становление Бандидос'

Каждый был за.

Снодди тут же позвонил Ха Ха Чаку, президенту чаптера в Альбукерке, в Нью Мексико. Он разъяснил всё произошедшее и Ха Ха сказал, что ему надо переговорить с Ронни Ходжем, национальным президентом Нации Бандидо.

Через пять или шесть ночей, субботней ночью, Тень, Снодди и я ждали в клубхаусе звонка от Ха Ха. Телефон зазвонил и Снодди поднял трубку. Они поговорили какое-то время, а затем он убрал телефон от лица. 'Нас приняли'

'Красавец' сказал Тень.

Снодди сказал мне. 'Ну, как думаешь, здоровяк? Подпишемся под это?'

'Ну, мы хотели удержать всех чуваков вместе. Мы все с этим согласились. Давайте'

'У вас есть теперь чаптер в Австралии' сказал он Ха Ха.

Они поговорили какое-то время о том, как это будет продвигаться. Затем Тень и я поговорили с нашим новым братом и выразили ему наше уважение.

Попрощавшись, мы пошли в бар. Я налил лимонад, Тень налил текилы, а Снодди смешал себе спирт. Мы выпили за наш новый клуб.

На следующий день мы позвонили Мелкому и сказали ему приехать. У Снодди была фотография, которую он сделал с рисунка на стене дома Ха Ха Чака. Он сказал, что это точное изображение «цветов»: Мексиканский бандит в сомбреро, с мечом в одной руке и поднятым револьвером в другой.

Он отдал фото Мелкому, нашему художнику. 'Сможешь скопировать «цвета» с фотографии?' Мелкий просмотрел картинку. 'Да'

'Затем я хочу, чтобы ты взял его в ателье, и там сделали нам «цвета»'

Я думаю, у него заняло дней пять, чтобы получить первый набор «цветов» от пошивщика. Они сделали только один набор «цветов» и Мелкий принёс его мне: 'Это то, что надо?'

'Да, именно так. Прекрасно выглядит, Мелкий' Мелкий пошёл взять «цвета», чтобы отвезти их закройщику.

'Нет, оставь их тут' сказал я.

'Но они нужны, чтобы сделать остальные'

'Не нужны' Я знал по прошлому опыту создания «цветов», что этот комплект им не нужен; они были у них на оттиске. 'Я оставляю этот набор'

Я попросил подругушить «цвета» на новый жилет, который я сделал, а затем сразу позвонил Тени, чтобы узнать, у него ли Снодди.

'Всегда здесь' сказал Тень.

'Я буду через полчаса. У меня сюрприз'

Я прикатил к Тени домой. Снодди и Псих, а также ещё несколько мемберов были там. Когда я повернулся и показал им «цвета» все они спрашивали, 'А где наши?'

'Придётся с неделю подождать'

'Тогда откуда комплект у тебя?'

'Вопрос не откуда, а от кого'

'Чёртов Мелкий' сказал Тень.

Я лишь улыбнулся. Снодди не был очень счастлив, потому что он хотел быть первым чуваком в Австралии, в «цветах» Бандидо. Все хотели быть первыми.

Я снял жилет и положил на стол Тени. Он все их внимательно ощупали и осмотрели. Обычно ты никому не позволяешь трогать твои «цвета» вне клуба. Типа, ты не можешь войти в паб и просто повесить их на стул. Но мы все были братья и оставались вместе.

ГЛАВА 11

Мне предложили должность президента Бандидос, но Снодди сказал мне, что он хочет этот пост. 'Лады' сказал я, 'оставим, как было. Ты президентом, Тень вице-президентом, а я останусь сержантом'

Остальные «цвета» прибыли из ателье в ночь второго декабря 1983 года, тогда мы и стали оригинальными мемберами Бандидос Австралия. Сначала Снодди и Тень, затем Таракан, Бык, Тайни, Лаут, Змей, Гремучий Змей, Большой Тони, Лард, Куст, Медведь, Псих, Чоп, Свин, Дэйво, Гнилушка Кид, Перчи, Герцог, Наклз, Чарли, Вспышка, Мелкий, Берни, Ланс, Зорба, Луи и Опи. Нас было двадцать девять плюс пять оригинальных проспектов, Руа, Хуки, Стикс, Губастый и Боб. Когда все получили свои «цвета», мы все пошли в бар и выпили за клуб, с произнесённым мной девизом: 'Cut one Bandido and we all bleed (режешь одного Бандидо, кровоточат все)'

Было тринадцать клубных правил, но, в общем, их можно было выразить, сказав – уважай братьев и «цвета». Так что ты не кидал брата, продав ему хреновый байк, и не пытался подкатить к его старушке.

Мы поклялись друг-другу, что клуб будет существовать как мото-клуб. Мы не собирались набирать народ на машинах и затем раздавать им в клубхаусе «цвета», как делали Комо. И мы не собирались быть полувоенной организацией. Мы собирались ездить на байках и веселиться.

Я ездил на байке в своих «цветах» шесть или семь дней в неделю. Если со мной не было Донны, я заезжал повидаться с Гитарой или Спичкой из Ангелов, либо Саем из Lone Wolf, или Мето Томом из Номадов (Nomads). Это было как снова в Гладиаторах. Я мог без обвинений общаться с чуваками из других клубов.

Чтобы отметить нашу новую свободу, мы устроили большую вечеринку. Я пригласил Гитару и других ребят из Ангелов, и сказал Саю из Одиноких Волков приезжать с восемью или девятью своими чуваками, которые не пьют или не напиваются. То же самое я сказал Чёрным Уланам (Black Ulans). Так я знал, что теперь куда меньше шансов, что всё дойдёт до драки. Вечеринка прошла замечательно.

Я также повидался с местными ментами и попросил повидаться с начальником участка. 'Слушай' сказал я, 'ты знаешь, что мы были в Команчерос в Луиза Роуд. Сейчас мы перешли в Бандидос. Будет так же, как и при нашем первом разговоре. От нас в Бэлмейне проблем не будет' Мы пожали руки и когда я собирался уходить, я добавил, 'И вы всё ещё можете заезжать в наш клуб по вечерам субботы поесть'

На нашем первом собрании в качестве Бандидос мы решили, что первый клубный пробег будет на Рождество, и будет он в Порт Макуайр. Мы выедем через день, после Дня Бокса и останемся до Нового Года.

Также мы решили сделать кое-что хорошее для бездомных детей из Балмэйна. Тогда таких было много. Каждый мембер сдал денег, а старушки поехали и купили футболок, тренировочных костюмов, кроссовок и игрушек. Мы пригласили всех этих маленьких детей, большинству из которых было одиннадцать или двенадцать лет, кого только что бросили их родители. Отец Дэйво – которого мы звали Клёвый Папаша и он был действительно близок клубу – переоделся Сантой и поехал на трайке Дэйво. Они слезли и дети окружили их, когда они раздавали подарки. Дети в восторге открывали их. Затем мы отвели их на передний двор, – который, на само

деле, был задним, но мы звали его передним, так как он выходил к воде. Мы установили столы и протянули провода для холодильников. Старушки накормили всех детей. Их было порядка сотни, все отлично проводили время. Затем мы все вычистили и мемберы отправились поужинать со своими семьями.

Мы знали, что клуб на верном пути.

День, когда мы отправились в Порт Макуайр был противным и дождливым, дул ветер, но нам было наплевать. Мы ехали по хайвею в наших «цветах». Мы гордились собой и ехали дружно.

Поездка заняла на день больше, чем мы ожидали, но это было не важно. Как только мы приехали в Порт Макуайр мы разбили лагерь и решили сделать местный клуб RSL нашей базой; большую часть ночей в праздники у них играли группы, было пару ресторанов, включая хороший буфет. Мы с Кидом нашли главного вышибалу и он отвёл нас повидаться с президентом клуба. Я сказал ему, зачем мы здесь и что если он позволит нам быть как дома, то проблем не будет. Если всё же они появятся, объяснил я, Я прослежу, чтобы повинный проспект или мембер отправился обратно в наш лагерь. И я заключил с главным вышибалой ту же сделку, что и с Дэйвом в Викарии Уэйкфилда – что если у них возникнут проблемы, то могут попросить с ними помочь. Это отлично сработало. Его вышибалы однажды попали в переплёт, но мы их прикрыли. Спасли нескольких из них от попадания в больницу. Президент клуба RSL позже написал нам письмо с благодарностью.

Я также организовал конференц-комнату с большим столом для собраний. Так что в канун Нового Года все проспекты ждали снаружи, когда мы проведём мемберское собрание, решая, кому выдать «цвета». Руа был первым проспектом, которому выдали «цвета». По обычаю, он получил душ из пива (и апельсинового сока от меня). Затем голосовали за Хуки, который зашёл и прошёл через то же самое. Затем настало время голосовать за Губастого.

Я не доверял Губастому, как и Ланс. Что-то в нём было не так. Мне он казался чересчур хитрожопым. Но по какой-то причине, Снодди хотел принять его. Я думаю, оттого, что Снодди был должен ему много денег. Проспект должен получить стопроцентное одобрение для попадания в клуб, так что Снодди подошёл ко мне заранее и попросил проголосовать за Губастого. Я сказал Снодди, что никогда не стану голосовать за этого чувака. Я считал даже, что незачем держать его проспектом.

Ланс согласился и Снодди сменил тактику. ‘Слушай, Цезарь, мы с тобой через многое прошли, так не мог бы ты сделать мне одолжение?’

‘Какое?’

‘Я знаю, что ты не станешь голосовать за него, но не мог бы ты воздержаться? Так и ты не проголосуешь за него и не проголосуешь против’

Мы с Лансом поговорили об этом и Снодди снова пришёл с этим к нам. Лишь в знак хорошего отношения к Снодди мы с этим согласились.

Так Губастый попал в клуб. Об этом решении я буду жалеть всю жизнь.

Ещё один печальный момент той недели был, когда я нашёл Наклза, ходившего вокруг лагеря почти в слезах, потому что он не мог найти свой вагончик; память его так и не восстановилась после аварии. Печально было видеть здорового мужика в таком состоянии. Кто-то предложил написать номер вагончика у него на руке и это помогло.

Вскоре после нашего возвращения с пробега, журналист по имени Ричард Слимман написал статью в газете Sun с заголовком ПРИНЦ ВО ДВОРЦЕ ЦЕЗАРЯ. Там было про то, как мы все помогали Наклзу встать на ноги.

Там он писал: когда Фил МакЭлвейн был между жизнью и смертью после аварии на мотоцикле, повредившей его череп, сержант-по-оружию его мотоклуба счёл, что стоит напомнить персоналу больницы о важности их пациента.

‘Я подошёл к докторам и сказал им, что они имеют дело не с кем попало’ сказал Цезарь из мото банды Бандидос вчера. ‘Филлип был боксёром золотым медалистом. Я сказал им хорошо присматривать за ним’

А когда Цезарь хочет что-то сделать, то обычно это исполняется...

Цезарь предложил мне внимательно следить за историей Фила МакЭлвейна и удостоверится, что я опишу её хорошо. Это трудновато, когда твои пальцы дрожат над пишущей машинкой, но я попытаюсь...

Клуб был на высоте, и всё шло отлично. Единственным, кто не выглядел довольным, был Снодди. Вскоре по возвращении с Рождественского прохвата, он приехал ко мне в плохом настроении. Сказал, что не хочет больше быть президентом.

‘Почему?’

‘Потому что не могу тусоваться’

Как президент, он чувствовал, что должен оставаться трезвым, так как отвечает за всех. Но это был просто не он. Он любил курнуть и напиться. Так что он не веселился. Снодди был отличным мембером и не плохим президентом. Чуваки его уважали и он хорошо проводил собрания. Ему просто не нравилось отдаляться от чуваков, которых считал братьями; ему не нравилось ругать их, даже когда требовалось.

‘Цез, я хочу, чтобы ты был президентом’ сказал он.

Но я сказал ему, что мне не нужен этот пост. ‘Нет, продолжай и попробуй ещё пару недель’ сказал я. ‘Если ты всё ещё будешь не рад, поговорим снова’ Мы согласились с этим, но, разумеется, пара недель ничего не поменяла. Он подошёл к Тени и сказал ему то же самое.

Так что на офицерском собрании у меня дома мы сели, и я сказал Снодди, 'Смотри, ты продолжаешь быть президентом. Но если надо кого-то вернуть на землю, я сделаю это' Обычно эту работу и так делал я. 'Ты можешь и дальше гулять, тусоваться, делать что угодно, быть президентом, проводить собрания, но я и Тень приглядим за клубом'

'Но я же не могу требовать вашего круглосуточного дежурства' сказал он.

Но мы с Тенью уже выработали план, согласно которому я приезжал в клубные ночи к пяти тридцати и был там до часу ночи. Тень приезжал к десяти вечера и оставался там до девяти или десяти утра воскресенья. Тень тоже не пил. Он любил покурить бонг, но когда исполнял работу вице-президента, он был трезв, как судья. По нашему плану, всегда оставался офицер с трезвой головой, чтобы приглядеть за мемберами. Для меня это была работа офицера. И я был готов поймать пулю за любого своего мембера. Настолько я о них заботился.

Так и пошло дальше. Мы все легко перестроились к новым ролям. Я хорошо узнал Снодди к тому времени, но всё ещё не интересовался его прошлым. Были истории о смерти его матери и том, что случилось с ним в детстве. Люди слышали эти истории и спрашивали его. Он ненавидел это. Неожиданно они переставали быть друзьями. Я видел, что его это расстраивает, и я не спрашивал.

В этом отношении мы были схожи. Мне не нравились люди, выпрашивавшие меня. Некоторые люди выясняли о подпольных боях и спрашивали: 'С кем ты дрался? Скольких победил?' Я держал рот закрытым.

Новый порядок радовал Снодди. Будто вернулся прежний он. Он выглядел куда лучше и полон жизни, и это было хорошо для клуба. Ему нравилось играть на гитаре и смотреть на группы. Его любимой была блюзовая группа Ivory Coast.

Для клуба у него тоже были хорошие идеи. Одной из них было приобретение мной, им и Тенью дома на Луиза Роуд. Его выставили на продажу за почти \$350,000. Это было прямо напротив Harbour Bridge. Мы подсчитали, что он окупится через пару лет (и так вышло).

Это был классный старый трёхэтажный дом, построенный в 1890х. Вторым плюсом было остекление спереди и у нас были столы и стулья, чтобы девушки могли посидеть. Была большая комната для биллиарда. Мы разбили стену и сделали огромную дискотечную комнату с баром. Спальни были наверху, а внизу можно было выйти на передний двор к гавани, где был грот – маленькая каменная пещера. Мы также провели силовые кабели через газон и поставили там сцену.

Холодильники и столы были полны еды. Были шампуры и печи. На ночной город получался отличный вид. Некоторые круизные корабли подплывали и объявляли пассажирам, что они проплывают мимо клабхауса ужасных Бандидос.

И всегда были девочки. Руа и Большой Тони выяснили, что если они ездили на пляж примерно в обед, то подбирали кучу девочек. За пару минут они возвращались на

пароме на верфь the Long Nose Point прямо возле клабхауса. Я прикатил неделей позже и увидел загоравших на газоне девочек и Тони с Руа, бегавших, как дети в магазине конфет. Затем другие чуваки тоже узнали об источнике девочек и тоже приезжали. У всех были ключи от клабхауса, так что любой мог прийти и привести девушку. Но могли и просто потусоваться. Всегда можно было поесть. Ты мог достать еду из морозилки и разогреть её на большой плите с большими железными решётками. Ты мог закинуть денег в банку на холодильнике, взять пива и пойти на берег, сесть за стол и наблюдать за кораблями в гавани. Я заходил и брал апельсиновый сок из разливного крана, как в пабах. Каждый раз, как я заходил, кто-то ставил 'Bad to the Bone' Джорджа Торгуда на проигрывателе, или иногда 'Wild Thing' от Troggs. Это были мои песни и я всегда их слушал, настраиваясь на драку.

На случай, если алкоголь кончался, у нас была сделка с ближайшим магазином, что мы будем продавать пиво всего на пять центов дороже, чем покупаем у них. Это было самое дешёвое пиво в Сиднее для мемберов и их женщин, но чужакам, которые приходили в ночь пятницы, платили больше.

В субботние ночи, клубные ночи, все старушки были там, но в ночь пятницы – ночь мальчиков – все отжигали. Женщины были повсюду. Однажды ночью там была девка, которая хотела как можно больше чуваков, пока у неё были «красные дни календаря». Она увела их всех в комнату, которую Большой Тони снял в клубе. Когда Тони пришёл в свою комнату, кровь была повсюду, на стенах и простынях.

Мне это не было интересно. Донна была единственной нужной мне женщиной. В феврале 1984, она родила нашего второго ребёнка, Лэйси. Дэниэлу тогда было три с половиной, так что большую часть времени я проводил дома с Донной и детьми. Я не собирался менять подгузники или мыть их – это женское дело – но иногда я кормил их бутылочкой. Я видел свою роль больше в их обучении жизни, как мой отец учил меня. Как себя вести.

Обычно я ездил в клуб каждый день, чтобы убедиться, что всё в норме. Я обычно прикатывал и находил Руа и Чопа сидевших в баре с бонгом. Я предпочитал, чтобы они дули, а не бухали. Я ненавидел, когда они пили до похода в паб, потому что знал, что дойдёт до мордобоя. Бухло делало всех чуваков гадами. Некоторых больше, чем остальных. И у нас было примерно восемь таких, которые становились по-настоящему невыносимыми, как напьются – таким был мой брат Змей. Ещё Лард и Вспышка. Однажды ночью мы были в Бэйвью Таверн в Глэйдсвилле, слушали группу, а Вспышка хотел услышать определённую песню. Чувак сказал, 'Я уже её сыграл. Через час или два повторю' В следующий момент Вспышка был на сцене и душил чувака проводом от микрофона.

Только не опять.

Я поднялся на сцену, оттащил Вспышку. 'Ну всё, ты возвращаешься в клабхаус'

Я нашёл двух проспектов и сказал им: 'Сейчас же отведите его в клабхаус и оставайтесь с ним'

‘Но он же мембер. Мы не можем говорить ему, что делать’

‘Я ваш сержант. Делайте, что сказано’

Они проводили его в клубхаус. Когда я вернулся туда Вспышка всё вопил о продолжении в пабе. Я сказал, ‘Вспышка, братан, ты просто успокойся. Выпей пива что - ли’

Так что когда я видел бонг у них в руках перед выходом я думал, клёво. Не надо будет следить за ними вечером.

Но всегда было нечто, чего надо было опасаться. Примерно в то же время мы подрались с большой группой Островитян в Кройдон Отеле. Мы выбили из них всё дерьмо но я не мог найти Чопа и Психа. Я вышел наружу, и они были там, держа одного Островитянина за лодыжки через кирпичную стену. Под ними, на другой стороне стены у обрыва была железнодорожная станция.

‘Чем это вы заняты?’ поинтересовался я.

‘Поезд ждём’ ответили они.

‘Поднимете его?’ сказал я, будто ругал двух нашаливших мальчишек.

Они вытащили его и бросили.

Я собрал всех ребят и поговорил с менеджером. Я сказал, ‘Подсчитайте свои повреждения, и мы оплатим половину’ Я вывел ребят наружу и, как всегда, собирался последним завести байк. Я уже собирался дать сигнал к отъезду, когда осколок кирпича пролетел возле головы Донны.

Чего категорически не следует делать: обижать мою женщину. Я слез с байка и вернулся в паб снова раздавая удары. Все слезли с байков и шли позади меня. Всех, кто был на полу растоптали. Затем мы услышали сирены и побежали к байкам.

По совпадению, Большой Тони сидел в тот момент в камере полицейского участка Кэмпсайта. Его задержали где-то ещё по ордеру. Он слышал, как полицейская рация разрывалась. ‘Всем полицейским в Кройдон Отель! Всем полицейским в Кройдон Отель! Бандидос устроили беспорядки!’

Он сказал, что начал нахваливать копов, бегавших вокруг, собирая дубинки и щиты. Он сказал одному копу, выбегавшему в дверь, ‘Сегодня тебе настучат по голове’

Мы все вернулись к нашим байкам и поехали по Кройдон Роуд, когда неожиданно выехали несколько полицейских машин. Нас было тридцать четыре, как мне кажется, а я был впереди. Снодди подъехал ко мне: ‘Что теперь?’

‘Едем в клубхаус’ перекричал я рёв моторов. ‘Если будет драка, то хоть старушек спрячем’ Мы ускорились. Тридцать четыре байка не останавливались до конца. На красный свет. Машины разъезжались. Девчонки были в ужасе. Был могучий рёв

моторов. Мы пролетели десять километров до клабхауса, спрятали байки, отправили старушек внутрь и выстроились в ряд, со мной спереди, ожидая копов.

Они притормозили, и большой детектив вылез из машины, второй спереди. Он выглядел настоящим умником и я подумал, ой, сегодня будут проблемы. Но затем вышел старший сержант, которого я узнал по Пятому Причалу.

Я обернулся к своим. 'Просто остыньте и дайте мне поговорить с этим чуваком' Я подошёл и сказал ему, что мы были в Кройдоне, что там были трое молодых ребят, лет восемнадцати и с ними была девушка лет семнадцати. И все эти Островитяне пытались изнасиловать молодую девочку, а мы вступились за неё. Отсюда и вышла драка, сказал я.

Сержант посмотрел на меня. 'Вот что случилось, так?'

'Чёрт возьми, да. Её бы изнасиловали или даже убили, если бы не мы'

'Итак, все проблемы из-за того, что вы защищали молодую девушку?'

'Точно. Её парня, вероятно, просто забили бы насмерть. По идее, вы нас наградить должны'

Детектив вставил. 'Я думаю, что это всё чушь'

Да ладно, Шерлок?

В тот момент зазвучали ещё сирены и мигалки, к нашей дорожке подкатил полицейский фургон. Вышел местный сержант и один из его людей. 'Я услышал по радио о происходящем. Я здесь, чтобы сказать, что эти ребята никогда не вызывали проблем в округе Балмэйн. Я бы сказал в их пользу'

'То есть ты на их стороне?' спросил детектив.

'Да, сэр'

'Хорошо'

Большой сержант с Пятого Причала обернулся ко мне. 'Можно с тобой переговорить?'

'Ага'

'Цезарь, это была самая большая чушь, какую я только слышал в своей жизни'

'Ты что, хотел драки сегодня?'

'Нет'

'Как и я'

Я их выпустил, и они начали отъезжать.

Выезд машин из Луиза Роуд был целой историей. Улица была очень узкая, заставленная этими BMW и Mercedes врачей, адвокатов и известных писателей, живших тут, так что у них вышло сокрушительное дерби на выезде.

Один из моментов, который сделал меня поистине гордым, что я состою в Бандидос, случился, когда я один был в пабе в Балмейне и там было примерно сорок докеров, все они насмеялись над большим и страшным байкером. Я был там один, окружённый этими докерами, и думал, Блять, я с полгода в больнице проваляюсь. К счастью, бармен знала меня. У большинства пабов в Балмейне был номер телефона нашего клубхауса. Она позвонила в наш клубхаус и следующее, что я увидел, были Кид, Опи, Чарли, Дэйво плюс Змей и мои братья. Все были там. Сложно объяснить, но у меня было очень тёплое чувство. Там была куча ребят, которые побежали бы в бой, даже если знают, что их меньше. Они стояли сзади меня, готовые идти, и говорили тем чувакам, 'Хотите вломить одному Бандидо, придётся вломить всем Бандидос'

Они были живым девизом, который я придумал клубу: порежь одного Бандидо, кровь пойдёт у всех. Я был так горд, быть частью этого клуба.

Было четыре хенгераунда в клубе – Бродяга, Тощий, Шустрый и Скотти – и примерно в апреле или мае 1984 мы решили сделать их проспектами. Шустрый был братом девки, с которой гулял Снодди.

Пару недель спустя, после того, как мы их сделали проспектами, Донна и я приехали в клубхаус вечером в субботу и Тень был в очень угрюмом настроении. Могу сказать, он был взволнован. Он оттащил меня в сторонку и сказал, что новый проспект Скотти навьёбывался на другой клуб, вызвав проблемы.

'Что за клуб?' спросил я.

'Одинокие волки'

'Вы говорили с кем-нибудь?' 'Да, говорил с парой их лучших ребят'

'Какова их версия?'

'Совершенно не соответствует истории Скотти'

'Ну, ты начни разговор с ними и позови туда Скотти. Там и увидишь реакцию Скотти перед ними'

Тень так и поступил и рассказал, что Скотти выставил себя полным мудаком и очень облажался. Тень заключил с Волками соглашение, что со Скотти мы разберёмся сами.

Многие хотели просто навалить Скотти. Но мы с Тенью решили, что это его, скорее всего, убьёт, так что мы предложили другой вариант. С учётом его лажи (fuck-up), мы решили нанести ему метку из буквы F.

Мы привели всех проспектов, чтобы они видели, что бывает, если налажать. Я накалил железный прут докрасна. Затем сильно надавил им на запястье Скотти,

чтобы провести длинную полосу буквы F. Я почувствовал запах горелых волос и плоти, и давил сильнее. Неожиданно я перестал ощущать сопротивление. Я посмотрел, что случилось и был более, чем удивлён, что железо было столь горячим, что прожгло насквозь всё запястье. Я чувствовал запах кипящей крови и слышал, как она шипит на железе.

Скотти не издал ни звука. Но выглядел очень бледным, будто вот-вот потеряет сознание. Он должен был сидеть. Чарли высунул голову наружу через окно, его тошнило. Остальные проспекты выглядели так, будто хотели бежать.

Тень сказал Скотти вернуться, ещё не всё. Я вытащил железку из его запястья и Тень взял нож, дорезав оставшиеся две линии, закончив F, что выглядело не так плохо. Снодди признался, что это было самым тошнотворным, что ему доводилось видеть. Мы отправили Скотти в больницу с другими проспектами и больше его не видели. Скотти солгал клубу и почти спровоцировал много говна между нами и клубом, с которым мы были дружны. Мы не хотели ни с кем воевать. Всю эту хрень мы оставили позади, вместе с Джоком.

К сожалению, Джок не оставил нас в покое. Он вбил себе в голову, что с нашим уходом из Команчерос пострадала его честь, и он готовился отомстить. Пока мы проводили время в вечеринках и пробегах, как и должен мотоклуб, Комо набирали людей.

Мне позвонил Лерой, которого мы со Снодди так долго пытались вытащить из тюрьмы. Наконец он вышел. Джок заплатил залог.

Мы организовали встречу в Ройал Оук в Северной Парраматте, повидаться с ним поехала большая компания. Когда мы появились, Лерой сказал нам, 'Будь это мой выбор, я бы был с вами'

'Ну, так почему нет?' спросил я.

Лерой сказал, что Джок оплатил залог за него, на условии, что тот останется верным и преданным ему, чего бы Джок не попросил. Лерой не знал в то время, что было в клубе; на визитах никто не хотел его расстраивать, говоря о расколе в клубе. И Лерой дал Джоку слово.

Сидя там, в пабе, мы сказали ему, что понимаем его позицию.

'Вы знаете моё мнение о вас и что я вас люблю' сказал он. 'Ты, Снодди и Тень привели меня в клуб. Если бы я знал о произошедшем, я бы сказал Джоку засунуть свой залог себе в жопу. Я бы досидел в тюрьме'

'Прости, братан' сказал Снодди. 'Мы пытались найти денег, чтобы тебя вытащить'

'Ну, что сделано, то сделано, и я дал своё слово'

ГЛАВА 12

В июне 1984, наш мембер Мелкий, отправился на барахолку в клубхаус к Ребелс со своей старушкой, Кэти. Как оказалось, двое прихлебателей Джока, Мутный и Снежок, были там с проспектом Комо по имени Пи Ви, который, совершенно не соответствуя своему прозвищу, был довольно большим чуваком.

Они начали преследовать его и оскорблять Кэти. Мелкому было всего двадцать два года, он был здоров, как был, но все знали, что он не способен постоять за себя. Но так же все знали, что Мелкий не был трусом и никогда не убежал бы от боя, не важно, сколько против него было народа. Комо знали, что Мелкий – лёгкая мишень. Они всё приставали, пока он не встал на дыбы и не предложил им выйти. Они как раз собирались начать, когда подошёл один Ребел и сказал, чтобы свои проблемы решали в другом месте. И Мелкий уехал, но будучи человеком слова, дождался Снежка, Мутного и этого урода Пи Ви на дороге.

Комо остановились и Мелкий спросил, почему они оскорбляют его старушку, ведь он им ничего не сделал. В тот же момент, Мутный взял перо от Харлея, которое он только что купил и ударил им Мелкого в лицо, сломав ему челюсть. Затем Снежок и Пи Ви держали его, пока Мутный стучал ему в лицо, пока они не начали его топтать.

Мелкий был избит. Кэти помогла ему влезть на байк и они доехали до Больницы Кентерберри. Мне позвонила Кэти и рассказала, что его будут оперировать, и я погнал туда так быстро, как мог. Эти шарлатаны сказали, что Мелкий сможет говорить лишь через пару дней, так что я ездил туда каждый день и сидел с ним, пока он не заговорил. Когда он заговорил, его челюсть была на проволоке, так что его трудно было понять, но он сказал мне достаточно. Меня это не удивило. Как и всегда, Мутный был крутым типом, если расклад был в его пользу.

‘Что будем с этим делать?’ спросил я. ‘Хочешь, чтобы клуб решил вопрос? Или я?’

‘Как поступил бы ты?’ спросил он.

‘Ну, если бы оскорбили клуб, я дал бы всем знать. Но если бы оскорбили мою старушку, я сам бы решил этот вопрос. Сколько бы их ни было, я бы поработал битой или железной трубой, не знаю, но я всё бы сделал сам’

‘Ты не стал бы вовлекать клуб?’

‘Нет, может быть, взял бы одного из своих братьев с собой на помощь, если бы не был уверен в успехе, но сделал бы всё сам’

‘Ну, тогда я так и поступлю. Это личное. Я разрулю всё сам’

‘Хорошо’ сказал я. ‘Весь клуб очень зол, так что лучше я поеду в клубхаус’

Когда я вернулся на Луиза Роуд, все мемберы были там, в полной боеготовности. Я вкратце рассказал Снодди, что Мелкий сказал мне. Затем он собрал всех в комнате и сказал им, что Мелкий всё разрулит сам; что это личное, а не клубное дело. Многие всё равно хотели навалить Комо.

‘Я знаю, что вы чувствуете’ сказал я. ‘Я сам хочу поехать туда и поотрывать этим гандонам головы, но мы должны уважать желания мужчины или он решит, что мы не уважаем его’

С этим все согласились. Многие отправились навестить Мелкого в больницу. В клубхаусе была нервная ночь. На следующую ночь сержант Ударной Силы Команчерос, Шипскин, позвонил мне, и я рассказал ему о произошедшем с Мелким, звонок не был особо дружелюбным с самого начала. Хотя лично мне нравился Шипскин, я не был в настроении обмениваться любезностями. Но Шипскин пояснил, что он звонил узнать, что с Мелким и услышать версию произошедшего с его стороны. Я ему рассказал.

‘Я предполагал, что так и было’ сказал Шипскин. ‘Я слышал, что Снежок и Мутный говорят и, зная Мелкого, решил, что их версия - чушь’

‘А как всё объяснили Мутный и Снежок?’ спросил я.

Шипскин сказал, что они заявили, что Мелкий преследовал Команчерос и насмеялся над Джоком, и он сам на них наезжал. ‘Это было подозрительно’ сказал он. ‘Я знал, что Мелкий драку не начнёт’

Он попросил меня дать ему пару дней и он перезвонит. ‘Даю слово, что я попытаюсь всё выяснить’ Он помолчал и затем спросил, ‘Как ты думаешь, дойдёт до драки или как?’

‘Ты узнаешь так или иначе’

Он перезвонил через два дня и сказал мне, что он выцепил проспекта Пи Ви, и вытащил его за клубхаус. Шипскин сказал ему, ‘Не вздумай мне пиздеть, или я размозжу твою башку’ Минут через пятнадцать Пи Ви выдал ему версию, практически идентичную версии Мелкого.

‘В этот раз вам повезло’ сказал я Шипскину. ‘Мелкий хочет сам разобраться с этими хуесосами. Стенки на стенку не будет. Но можешь передать Мутному и Снежку, и ещё тому убану проспекту, что как я их увижу, так вломлю. И если подобное повторится я не стану сдерживать своих братьев’

‘Я предполагал от тебя такой ответ, но я мало что могу сделать. Мутный всё время ссыт в уши Джоку. Всё движется к проблемам’ ‘Я не знаю, чего ты просто не оставишь мудака. Ты же знаешь, я всегда доверял тебе. Ты всегда держал своё слово. Но пост Главы Ударной Силы меняет тебя, Шипскин. Ты не тот мужик, которого я впервые увидел в клубе’

Я сказал ему, что жду от него соблюдения порядка с его стороны, а я попытаюсь со своей стороны сделать то же самое со своими братьями.

‘Я приложу все усилия’ сказал он.

‘Ну, лучше бы всем твоим усилиям увенчаться успехом’

Вскоре после нападения на Мелкого, несколько чуваков решили прокатиться в Бык И Куст отель, километрах в тридцати от Болкхем Хиллс, после собрания. Примерно восемь или девять из них прикатили в паб, увидев, что десяток Комо – или Гандонов (Condoms) как мы начали их называть, потому что нужно быть мудаком, чтобы быть там – уже на месте. В толпе Большой Тони узнал проспекта Пи Ви, который был шести футов и трёх дюймов ростом, так что в комнате его было хорошо видно. Несмотря на решение дать Мелкому разобраться самому, полагаю, Большой Тони просто не смог устоять. Он подошёл и просто вышвырнул Пи Ви в окно.

Снодди был там тоже и начал махать с Кустом и моим братом Тенью. Снодди пытался оскальпировать какого-то чувака, коротышки, которого они звали Орехом. Комо по имени Пёс тоже получил. Наши ребята были в меньшинстве, но Комо исчезли.

Снодди позвонил мне позже ночью, чтобы рассказать о случившемся.

‘Как думаешь, что будет?’ спросил он меня.

‘Мы можем только сидеть и ждать’

Мы выяснили очень скоро. Чоп, Луи и Чарли были в клабхаусе ночью в июле 1984, налегали на шишки на кухне второго этажа, выходявшей окнами на Луиза Роуд. В один миг засвистели пули, пробивая стены, которые были построены тонким слоем. Они подбежали к окну и увидели Мутного и Воробья. Весь урон пришёлся в маленькую комнату, стенки которой были из ткани. Несколько дробинок пробили стены и одна пуля от винтовки пробила кирпич.

Соседи вызвали копов, но когда они приехали, то Чоп сказал им, что он понятия не имеет, о чём речь. Аутло клубы просто не говорят с копами, так как знают, что те лишь попытаются кого-нибудь закрыть. Копам нравится думать о себе, как о самом большом в стране клубе, и когда они натываются на кучку чуваков, которые не живут по их правилам, то им это не нравится.

Двумя ночами позже на Луиза Роуд снова была стрельба. Урона не было, но соседи снова вызвали копов, но соседи вновь вызвали копов.

Мы всегда знали, что Джок не станет честно драться;слишком многие из нас умели драться. Наш передний ряд был настоящими бульдозерами, а остальные – умелым прикрытием. Таких в байк-шопе не найдешь.

Стало ясно, что Джок будет просто продолжать бить из-за угла.

Мы частенько ездили в Роял Оук в Северной Парраматте – хоть это и была территория Комо – потому что один из наших мемберов, Лаут, работал там управляющим. Одним вечером Лаут был один на работе, когда неожиданно явился Джок, Лерой и ещё один Комо. Джок разорялся на тему, что в Парраматте не будет Бандидос. Из этого он делал большое заявление: вот они, трое Комо, не боящихся зайти в паб Бандидо.

На том всё и кончилось, Лаут рассказал нам о произошедшем. Позднее той ночью мне позвонил Лерой, с которым мы общались, хоть он и был Комо, и сказал, что их было не трое, а весь клуб прятался рядом и начнись там заварушка, весь клуб ломанулся бы внутрь.

На следующем собрании мы всем рассказали об этих деталях, а в следующую Субботу, в клубную ночь, мы оставили старушек на Луиза Роуд с парой проспектов, а сами двинулись в Парраматту. Мы покатались там, порычали байками, остановились у каждого паба. Затем двинули в Роял Оук, проведя там пару часов. Ни одного Комо мы не видели, но мы сделали то, что хотели. Мы тоже умели делать громкие заявления.

Примерно через две недели после драки в Быке и Кусте, Снодди обзвонил всех и сказал явиться в клубхаус. Он хотел сказать нечто важное.

Когда все мемберы прибыли, мы собрались в комнате для бильярда, где мы всегда проводили собрания и Снодди сделал объявление. Джок звонил ему, чтобы объявить клубу войну.

Это было бы забавно, не будь всё так серьёзно.

Снодди сказал, что предлагал Джоку не заниматься хуйней, а просто сойтись один на один с ним.

Джок не согласился.

Снодди предложил сойтись двум сержантам.

‘О, вам бы это очень понравилось, правда?’ сказал Джок. ‘Махалово один на один. Вы знаете, что победите. Не, это будет партизанская война. Без правил. Вы и знать не будете, когда вам прилетит и откуда’

Снодди сказал, что Джок продолжал болтать – ‘Ты знаешь, что я главнокомандующий... Мы не остановимся, пока вас не вынесем...’ – пока Снодди не утомился и не повесил трубку.

Мы провели остаток ночи, рассуждая, что же теперь предпримет Джок. Я считал, что он будет сидеть и пополнять свой клуб, набирая всех на двух колёсах, и что он не нападёт, пока не наберёт человек пятьдесят. Остальные не соглашались. И я чуть не погиб, когда выяснилось, что они были правы.

Дня через три после объявления войны, я решил проехаться в Парраматту сам, поглядеть, попытается ли кто из Комо мне что-то сделать. Если так, то я собирался вломить им и забрать их «цвета». К сожалению, пока я искал их, они, видимо, искали меня. Я доехал лишь до Пятого Причала, километра за три от дома, когда маленькая японская машина поравнялась со мной на Парраматта Роуд. Я узнал Мутного и Воробья, с ещё одним Комо, которого я не видел до того. Я пытался обогнать их, когда они неожиданно столкнули меня. Я пытался выставить ногу, чтобы не давать

их машине таранить байк, но байк упал и я оказался зажат им, скользя на большой скорости к бордюру, пытаюсь остановить байк, чтобы не слишком пострадать.

Я был в большой беде, но мне повезло. Я проехал мимо бордюра и вывалился на придорожную парковку, байк поверх меня и бензин выливался из бака. Я остановился, и нормально себя ощущал, но не мог поднять байк. Там стоял дурак продавец машин и ещё несколько чуваков в костюмах: 'Вы ранены?' Никто из этих долбоёбов не догадался стащить с меня байк. Молодой чувак, проезжавший мимо на своём мопеде, остановился и попытался поднять байк с меня. Для него он был слишком тяжёлый, но он смог достаточно его приподнять, чтобы я смог вытащить ногу. Я встал, схватил шланг с водой на парковке и отмыл байк, прежде, чем отмыть себя. Я подтянул ручки, проверил байк, сел и поехал домой.

Я тут же рассказал Снодди о произошедшем. Снодди созвал собрание. Все приехали и он рассказал им о случившемся, предупредив быть осторожнее. Кто-то спросил, 'Ты думаешь, они будут так и делать? Переезжать нас на дороге, из-за Быка и Куста?'

'Бык и Куст случились из-за Мелкого' сказал Снодди. 'Я думаю, Джок будет так и продолжать. Но, как и когда мы ездили с ним, он не станет ничего делать сам. Он пошлёт других сделать грязную работу, а сам будет сидеть в клабхаусе'

В течение нескольких следующих недель война усилилась, было много нападений. В основном отхватывали они; Джок всё ещё придерживался плана сносить нас с дорог машинами и нападениями на наш клабхаус.

Гремучий Змей ехал в Роузхилл по Парраматта Роуд, не далеко от их клабхауса, когда Лерой в пикапе и ещё одним чуваком снесли его с дороги. Как и со мной, байк упал на него сверху, они избили его битами. Затем сделали нечто, чего большинство байкеров никогда не стали бы делать – они разбили его байк. Навалили байк на него и уехали.

Через дня четыре после нападения на Гремучего Змея, заднее стекло моей машины было прострелено на парковке у дома. По мне это было очень низким действием, ведь это мой дом, там Донна и дети.

На следующий день я прикатил в их клабхаус в Рошелли и постучал в дверь, но там никого не было. Я оставил карточку Бандидо с сообщением сзади, что если ещё хоть близко подойдёт к моему дому, то я тоже перестану играть честно и начну ходить в гости.

Затем нас навестили копы. У них был ордер на обыск нашего клабхауса на наличие оружия. Они сказали, что клабхаус Команчero был обстрелян и мы - подозреваемые. Это было чушью. Мы в них не стреляли. Вероятно, они сделали это сами, чтобы подставить нас и чтобы копы конфисковали у нас оружие, окажись оно у нас. В клабхаусе у нас его не было. В те дни, стволы не были обычной частью жизни мотоклуба.

Примерно в то же время, Джока сшибли с байка небольшим грузовиком. Я всегда знал, что он попадёт в аварию из-за своего плохого зрения и очков.

Видимо, это произошло поздним днём, рано вечером. По какой-то причине, там были две освещённые сломанные машины и чуть дальше ещё одна на Марсден Роуд. Вдруг у него на пути вылез грузовик. Откуда он взялся я не знаю. Очевидно, просто вылез. Я всегда считал, что Джок в него просто въехал. Но он всё думал, что грузовик хочет его переехать. Случись так, это бы избавило нас от многих проблем, но кто бы ни ехал за рулём того грузовика, в тот день он сделал неверное решение и объехал его.

Если в той войне и было что-то хорошее, так это то, что я увидел, кто по-настоящему жёсткие ребята в клубе, а кто пришёл просто покататься. Возьмите, например, Дэйво. Он сделал то же, что и я – поехал в клабхаус Комо, чтобы подраться с Джоком. Он знал Джока долго и, видимо, считал, что сможет внести в него здравый смысл. Джока там не было, но он встретился с Лероем и Солнцем. Когда он вернулся и рассказал мне о случившемся, я подумал, Пока у нас есть такие стойкие мемберы, как Дэйво, наш клуб будет жить.

Несмотря ни на что, Шипскин и Лерой всё ещё звонили мне узнать, как я поживаю. Иногда и я звонил им. Мы знали, что столкнись мы на улице, будет драка, ведь наши клубы воюют, но на личном уровне мы всё ещё дружили.

Лерой и Шипскин держали меня в курсе о намерениях Комо. Они не давали мне информации, которая помогла бы нам победить, но если было нечто, что не имело особого значения, или они ощущали, что это не по совести, они давали знать. Им не нравилось то, как воюет их клуб. Равно они звонили мне, если Комо получали и узнавали, что о чём. Это помогало предотвратить бойню.

Однажды ночью в августе мне позвонил Лерой и сказал, что весь клуб охотится на меня. Он не угрожал. Просто информировал.

Сказал, что Джок завёл футболки с моей фотографией. С одной стороны был молоток, нацеленный мне в голову и слова «Пристукнуть Цезаря», а на другой гвоздь, забиваемый мне в голову и слова «Пригвоздите Цезаря».

Лерой также рассказал мне о подставе, которую Комо готовили ночью субботы, когда мы уезжали со старушками. Он сказал, что как только мы выехали из клабхауса на клубный выезд, у Комо была машина с рацией, на которой они за нами поехали в паб. Они ждали, пока мы поедem домой и радиовали Мутному, который запарковался со Снежком в своём пикапе и ещё парой человек на Луиза Роуд. Мутный и Снежок вылили сорока четырёх галонную бочку горючего на дорогу, по которой мы точно должны были проехать вниз с холма к резкому повороту налево. Они надеялись устроить всему клубу аварию, старушкам и всем остальным. Им было похуй, что там едут женщины и они пострадают. Но мы проехали, ничего не заметив.

План с горючим был неплохой идеей. Вероятно, я бы и сам его использовал, если бы знал, что там будут только чуваки. Лерой хорошо относился к Донне и не хотел, чтобы она была убита, потому он мне и рассказал.

Всё становилось очень жёстким, когда однажды мне позвонил Шипскин. 'Могу я приехать к тебе – без драки? Есть нечто серьёзное, о чём я хочу поговорить. Не нужно волноваться по поводу меня, даю слово. Я лишь хочу поговорить'

'Ага, хорошо'

Он приехал и ещё одним чуваком, высоким, хорошо сложенным чуваком, которого он представил своим проспектом, Паппи.

'Цез' сказал он, переходя к делу, 'Я вышел из Комо, а Паппи вышел со мной' 'Почему?'

'Я попал между молотом и наковальней' Он рассказал, то Джок явился к нему и сказал убрать меня или Тень. Шипскин был очень дружен с нами обоими. Он сказал, что спросил Джок, почему он хотел, чтобы меня и Тень выбили, а не Снодди. 'Снодди президент' сказал он. 'Почему ты не хочешь напасть на него?'

Джок сказал, что клуб вместе держу я, и не будь меня, то только Тень мог бы претендовать на моё место. 'Избавься мы от обоих, Бандуры распадутся' Они называли нас Бандурами.

'Об этом я и думать не хотел' сказал мне Шипскин. 'Я хотел сойтись с тобой врукопашную, ради Комо, хоть бой и был бы безнадежным. Слишком уж долго я тебя знаю. В любом случае, я знал, что промахнусь я один раз и второго шанса не будет' И Шипскин сказал, что он отвернулся от Джок и отказал ему. Будь выбор между этим или клубом, он выходил. И он вышел, а Паппи вместе с ним.

Он сказал, что он и Лерой пытались положить конец этой войне, видя, что всё скоро взорвётся; Мутный и Снежок всё сидели на ушах у Джок, говоря ему, как он велик, раскармливая его эго, подбивая его на большие дела.

Он признался мне, что у Комо были пару проспектов, которые стреляли в свой же клубхаус. Они сделали несколько безвредных выстрелов по двери гаража, а затем Джок позвонил в полицию и сказал, что Бандидос только что проехали мимо и выстрелили по ним.

Шипскин поднялся, чтобы уйти. 'Как бы то ни было, я решил заехать и сказать тебе, чтобы ты берёг себя и дал знать Тени, что на него тоже такой контракт есть'

Паппи добавил, 'Шипскин прав. Следи за собой. У них эти футболки с твоим лицом'

Я поблагодарил Шипскина, что он заехал. Мы пожали руки, и они запрыгнули в машину и уехали. Я тут же позвонил Тени и сказал ему. 'Я не стану созывать собрание, не хочу волновать братьев ещё больше, но ты скажи Снодди, о чём рассказал Шипскин'

'Хорошо, Цез, береги себя'

'Ты тоже'

***

Всё шло дальше и некоторые наши чуваки стали нервничать. Им не нравился момент, что в любой момент их могли снести с дороги. После нашей следующей клубной встречи, Тень, Снодди и я провели офицерское собрание, и мы все согласились, что я как-то разрешу всё с Лероем, я с ним перемахнусь, или ещё с кем, кого выберет клуб, и проигравший скинет свои «цвета». Мы знали, что даже если мы и выиграем бой, Джок не станет следовать соглашению, но мы знали, что Лерой пользуется большим авторитетом.

Итак я поехал поговорить с Джоком в их клубхаусе, но там его не оказалось. Вместо него я говорил с Лероем и Воробьём.

‘Давай положим конец этому дерьму’ сказал я. ‘Почему нам просто не сойтись в кулачке, ты и я. Ты всегда считал, что можешь меня побить, а я знаю, что побью тебя. Проигравший снимет «цвета»’

Это его взволновало, как я и предполагал.

‘Я тебя вырублю’ сказал он.

‘Будем лишь ты и я, плюс ещё по одному от каждого клуба’

‘Хорошо, я передам Джоку’

‘А ты не можешь решить сам? Ты же сержант-по-оружию’

‘Комо управляют не так, как Бандиты. Я должен спросить Джока’

Он ушёл и вернулся чуть позже. Джок категорически отказался. Была партизанская война. И всё тут.

К тому моменту, многие мемберы перестали ездить на байках и носить «цвета». Было опасно. Но я всегда ездил на своём Харли Дэвидсон Уайд Глайд и носил жилет. Я никому не позволил бы меня запугать. Я ехал в клубхаус в одну субботу с Донной позади, как обычно, когда мы подъехали к заливу Хейбфильд. Когда мы проезжали у гребного клуба, я услышал пару выстрелов. Через несколько секунд я почувствовал бензин и ощутил влажность на ноге.

Я переехал небольшой мост, где дорога шла в холм к Лилифилд, затем свернул. Моя правая штанина была залита бензином. Я посмотрел на бензобак и увидел отверстие от пули. Она была маленькая, калибра 22 или 223. К счастью, я только что залил полный бак, так что пуля просто прошла сквозь бензин в баке. Будь там половина бака, она пошла бы сквозь пары и это было бы куда опаснее.

Я нагнул байк и слил немного бензина на землю. У Донны была жвачка, которой мы залепили отверстие. ‘Отныне будем ездить в клубхаус другой дорогой’ сказал я, ругая себя, потому что не сообразил раньше, что ночью это будет опасное место.

Мы доехали по дороге в клубхаус, я загнал байк в гараж и оглядел его. Там меня потряс самый большой за ночь шок – я увидел пулевое отверстие в сидении, где сидела Донна. Это её очень напугало и задело меня за живое.

Я доехал до дома, схватил своё восьми зарядное помповое ружьё, кинул его в ноги в салоне своего старого V8 XR Falcon и поехал в их клубхаус. Я был в ужасе, оттого что они могли подстрелить Донну. Я обезумел, попади в ту ночь мне кто-то из Комо, я бы прострелил ему голову. И похуй на последствия. Наткнись я на шесть или восемь из них, все они отправились бы на кладбище. И если их бы было пятнадцать, а у меня было бы время на перезарядку, я уложил бы и их. Если кто-то переходит мне дорогу, то убийство такого человека не волнует меня.

В клубхаусе все были на взводе, особенно сейчас, когда знали, что Комо плевать были ли с нами старушки или нет. Я говорил, 'Вы, ребята, должны были догадаться ещё тогда, когда они разлили бензин на дорогу'

Я поговорил со Снодди и Тенью и сказал, 'Думаю, некоторые ребята теряют дух. Надо их как-то взбодрить' Было пару человек, которые, как мы со Снодди думали, уже готовы сдать жилеты. Он хотел улучшить мораль тех, кто хочет уйти, чтобы они решили, 'Не, это слишком хороший клуб, чтобы его бросить'

'Что если мы отпразднуем годовщину клуба?' я сказал. Клуб начался 22 ноября, а сейчас только август, но мы обрели клубхаус на Луиза Роуд как раз год назад и я думал, что будет хорошей идеей сделать праздник.

Снодди сказал, что это хорошая идея, а Тень согласился. Мне они оставили организовать большой торт с надписью «Первая Годовщина Бандидос Австралия».

Сработало отлично. Когда я принёс торт в клубхаус на следующее собрание и все его увидели, были в восторге. Я и Снодди держали нож, отрезая первый кусок. Это было то, что надо, чтобы поднять их дух. Эффект был верным – хотя и создал ошибку, что клуб открылся в августе 1983.

По настоящему хардкорным братьям не надо было торта, чтобы взбодриться. Надо было лишь взглянуть им в глаза. У них был тот же взгляд; ничто их не колебало. Думаю, кто-то из моих братьев даже радовался войне. Я сказал Киду, 'Для тебя это тоже годовщина, почти год, как ты сменил имя со Зверя на Кида'

ГЛАВА 13

Однажды у меня был Берни. 'Похоже, ситуация с Губастым здорово тебя взбесила, здоровяк' сказал он.

'Ну, я не голосовал за его вступление в клуб'

Я знаю, что надо любить всех своих братьев в клубе, но если подумать, то это невозможно. Есть чуваки, которые хороши для клуба, но есть и фальшивые гангстеры, просачивающиеся и получающие «цвета». Они лишь хотят скакать вокруг с тонной золота на шее и золотыми кольцами на каждом пальце. Думаю, если с них стянуть сапоги, что и на ногах тоже окажется золото.

Берни попросил Донну дать нам поговорить наедине, и она вышла.

‘В чём дело?’ спросил я.

‘Ну, я слышал слухи об аварии Джока’

‘Да?’

‘Слышал, что Снодди и ещё пара мемберов спихнули его с дороги в каком-то пикапе’
‘Да, я тоже слышал об этом. Но ты даже не думай, что Снодди так поступил, ведь у него должен был быть тогда грузовик, а не пикап, кроме того, он бы Джока не просто сшиб, а переехал бы его в кашу? Я думаю, это очередная сплетня, начатая Комо’

‘Да, видимо, ты прав’

Я позвал Донну, она вернулась и сказала, ‘Я могу кое-что вам сказать обоим?’

‘Да’

‘Знаете, не только я, а все старушки в клубе, мы очень волнуемся за ребят. Как когда тебя сбили с дороги, Цез. Когда ты приехал домой, и я увидела твой байк, я вспомнила, как сбили Джон Боя. Я не хочу так тебя потерять’

‘Не волнуйся, я никуда не денусь. Нужна фура, чтобы убрать меня’

‘Как думаешь, с чего Джок начал эту войну?’ спросил Берни.

Я призадумался и решил, не, я не могу сказать ему настоящую причину. Я сказал ему, что вероятно потому, что Джок, Мутный и Снежок всегда были большими рыбками в маленьком пруду, а когда клуб разросся, то они ощутили недостаток важности. Что привело к напряжённости в Комо. Но как по мне, это привело лишь к их собственной небезопасности. Как я понимал, Джок был президентом и так всё навсегда бы и осталось. К сожалению, Мутный и Снежок насели на его уши и он решил, что я хочу его пост. Не было ничего дальше от правды, чем это. Он часами уговаривал меня просто стать сержантом. Донна сказала Берни,

‘В Комо бывали и очень хорошие времена’

‘Да, я слышал об этом’ сказал Берни.

‘Больше всего мне нравились пробеги’ сказала она. ‘И рождество. Знаешь, Цезарь каждый год покупал каждому мемберу и его старушке подарки. Только он так делал. А в тот год, когда они кормили этих бездомных детей, он так же сделал в Бандидос. Всем дарил особенные подарки. Так много клуб и его братья значат для Цезаря’

‘Да брось, женщина’ сказал я. ‘Ты преувеличиваешь’

‘Ты всегда ставишь клуб на первое место’ сказала она. ‘Как каждый раз, когда ты последний выходишь из бара, удостоверяясь, что все мемберы и их старушки вышли и целы. И каждый раз, как начинается драка, то всегда ты, Бык, Тень, Псих, Змей или Чоп впереди. Вы делаете так, потому что не желаете видеть страдания братьев по клубу. Я немного устаю оттого, что вы всё для них делаете’

‘Успокойся’ сказал я.

Она села рядом и широко мне улыбнулась. Она знала, что может на мизинец меня намотать.

Донна вышла в кухню, пока я и Берни болтали о наших байках и Джоке. Берни и я очень сблизились после его прихода из Лоунерсов и, полагаю, он не смеялся, когда спросил: ‘А правда, что у говорят, будто у тебя есть кладбище в Снежных Горах?’

‘А чего ты спрашиваешь?’

‘Я слышал слухи, с тех пор, как был Лоунером, когда в клуб пришёл, что ты работаешь на чувака с Кросса, избавляешься от неугодных ему людей, увозя их в Снежные горы’

‘Ну, я буду знать, а остальные пусть гадают’

Берни засмеялся. ‘Что ж, тогда я не буду с тобой кататься на лыжах’ Затем он сменил тему. ‘Слышал про Дэйво и Кида на прошлой неделе?’

‘А что там с ними?’

‘Мы втроём были на Кроссе и выбрали девку, милую блондиночку. У неё квартира на Виктория Стрит, так что мы поехали к ней. Она извращенка, братан. Она нас попросила связать её связать и Кид старался над ней, пока она ртом работала над Дэйво. Я стоял и смотрел’

‘В смысле ждал своей очереди?’

‘Точно. Она была шикарна. Лучшая моя ебля за долгое время. Мы хотим её навестить в девятнадцатом или десятком на следующей неделе. Давай с нами?’

‘Не, мне не интересно. Я счастлив тем, что есть’

‘Ну, тебе же хуже’

Мы вышли во двор и Берни показал мне новые трубы, которые он установил на байк. Она завёл его.

‘Да, звучит отлично’ сказал я.

‘Ладно, мне пора ехать. Мне ещё пару уроков тенниса давать’

‘Сложно представить чувака, дающего уроки тенниса и катающего с аутло клубом’ сказал я. ‘Я никому не говорю. Я езжу на теннисные корты на машине’

‘Ну, лучше не говори этого братьям’

‘Чего?’

‘Что тебе стыдно кататься домой и на работу в «цветах»’

‘Да брось, Цез, ты же знаешь северное побережье. Прикати я туда в «цветах» и узнай все, что я Бандидо, я всех клиентов тут же растеряю’

‘А когда ты был в Лоунерсах?’

‘Делал так же. Ездил на машине. Никто из теннисного клуба не знал, что я в байк клубе’

‘Ну, я бы поискал другую работу, потому что я бы не стал работать там, где мне нельзя носить «цвета»’

Вскоре после визита Берни мне позвонил мой брат Тень. Он хотел, чтобы я приехал к нему и я поехал на байке. Перчи был там в тренировочной экипировке.

‘Я попросил тебя приехать, чтобы ты посмотрел, как мы с Перчами будем спарринговаться’ сказал Тень. ‘Мы в тихую занимаемся этим уже неделями. Ты первый, кому мы сказали’

С тех пор, как его брат Наклз пострадал в аварии, Перчи взвалил на себя боксёрский потенциал семьи; его тренировал Кид для возвращения к боям. Война Перчи не волновала. Он просто принял это к сведению и продолжал тренировки. Задний двор Тени был завешан тренировочными мешками, железом. Это было отличное место для тренировок. Я смотрел, как Тень и Перчи спаррингуются, и даже если Перчи был профессионалом, Тень делал что мог. Они дрались восемь трёхминутных раунда, затем был перерыв и ещё немного спарринга.

‘Тени надо боксом заняться’ позже сказал мне Перчи. ‘Он не хуже любого чувака, с кем я дрался’ Перчи дрался со многими хорошими боксёрами: чемпионом Франции, и многими начинающими боксёрами. Все свои профессиональные бои он выиграл.

Большой бой- возвращение Перчи был назначен на ночь пятницы, 31 августа 1984 – четвёртый день рождения моего Дэниэла.

Все в клубе были в восхищении от поездки на матч в Мэрриквилльский RSL клуб. На следующем собрании, мы все подтвердили, что поедем. Не мог только Снодди. Ему надо было ехать на охоту в Гриффит, где он должен был рассмотреть чуваков, которые устраивали чаптер Бандидос у себя. Но он сказал, что вернётся к субботней ночи.

Я спросил ребят, поедут ли они на вечеринку Дэниэла в субботу. Я предложил это ещё две недели назад. Мы собирались сделать так – раз бой Перчи был в пятницу, субботу мы оставляли на отдых, а вечеринку в воскресенье – День Отца. Донна организовывала старушек для сбора еды.

Мы с братьями сказали, что все будем там. Губастый и Гремучий Змей упомянули барахолку в пабе в Мильперре под названием Викинг Таверн. Они сказали, что там будет неплохое место, чтобы подождать, пока девочки соберут на стол.

ГЛАВА 14

Наступила ночь пятницы и почти весь клуб был в Мэрриквилльском клубе RSL поддержать Перчи. Почти все приехали на машинах, потому что мы не были уверены, что зайдём в «цветах», а бой хотелось посмотреть всем. Когда вышел Перчи на бой, он уничтожил чемпиона штата и взял приз лучшего бойца ночи, так что мы все вернулись в клубхаус и устроили праздник. Перчи радовался и разглагольствовал. 'Я стану чемпионом мира'

Следующей была клубная ночь. Мы были со старушками и всё ещё поздравляли Перчи с победой. Мы поехали в «Герцог Эдинбургский» в Пьермонт, выпили там, проехали через Кросс, чтобы показать «цвета», а затем двинулись в клубхаус. Хорошо повеселились. Джок со своей партизанской войной не были забыты, но реши они напасть на нас той ночью, им бы хуже было.

Я отправился домой в час ночи, согласно своей договорённости с Тенью, который приглядывал за клубом до утра.

День Отца, следующий день, дал нам рассвет, который предсказывал прекрасный денёк. Когда я сделал обычные семейные дела, ко мне приехали тринадцать или четырнадцать братьев. Все старушки уже помогали Донне устроить всё для вечеринки Дэниела: надували шары, расставляли конфеты для детей, нарезали салаты. Столы мы расставили сзади. На шампурах жарилось мясо, была куча закуски и отбивные для барбекю. В тайне от клуба я купил первый Нарли Дэвидсон Софтейл в стране. А мотор был перестроен до сорока восьми кубов моим корешем по имени Ведьма. Mac the Brush перекрасили его в металлический чёрный цвет с золотой каймой, с красными и золотыми языками пламени на бензобаке и щите. Он сделал шикарную работу. Пока братья говорили со старушками я пошёл в гараж; я думал, сейчас я его заведу, и они все прибегут на рёв и очень удивятся. Я снял чехол и мягко начал заводить его. Ничего. Я пытался снова и снова, давя всё сильнее, пока не сдался через пятнадцать минут. Охуенно, думал я. Это должен был быть самый большой сюрприз дня. У меня не было времени носиться с ним, или того хуже, искать того, кто бы его починил. Я решил починить его позже и приехать на следующее собрание удивив всех. Как оказалось, я так больше и не сел на тот байк.

Вместо того я поехал на Уайд Глайде, вышел и позвал всех. Мы сказали старушкам, что уехали, сели на байке и уехали от детских конфет и шариков. Не было никаких особенных прощаний. Мы собирались отъехать всего на пару часов и вернуться на вечеринку. Пока мы ехали, мы видели женщин и детишек – от младенцев до восьми и девятилетних – ясно видных с Фредерик Стрит, одной из самых загруженных дорог Сиднея к западу. Было очевидно, что мы не ждали проблем, иначе не оставили бы их там.

В следующий раз нас он увидели в новостях.

Мы приехали к Лансу на Прингл Стрит, в Конделл Парке, и увидели там трейлер Снодди за Фальконом. Он должен был вернуться в воскресенье со своей охоты, познакомившись с чуваками из Гриффита. Но они провели вечеринку, и он проехал все 550 км от Гриффита сразу сюда, чтобы утром встретить нас.

Мы объехали дом Ланса и оставили байки у него на заднем дворе, где были все братья. У Ланса был самый большой двор, какой я только видел. Я прошёл через его гараж, где Мелкий трудился над его байком, затем направился к Снодди. 'Я доеду до таверны и убежусь, что Кома там нет' сказал я.

'Не надо, Цезарь' сказал он. 'Я уже отправил Шустрого с Тощим'

'Давно?'

'Часа два как'

'Да, но за такое время они могли приехать. А Тощий и Шустрый даже не в курсе об этом'

'Слушай, мы скоро заведём байки и поедем туда. Они не появятся. За все эти годы Джок ни разу не ездил на байк-шоу. Слишком боится, что кто-то подружится с другим клубом'

Тень подошёл к нам. 'Что происходит?'

'Я хочу заехать в таверну и убедиться, что там нет Кома' сказал я. 'Если есть, то мы поедем в трактир Карингба вместо того. Я не хочу драться на людях'

'Да ну нахуй' сказал Тень. 'Если они там, то просто вломим им'

'Ага' сказал Снодди.

'Слушайте, я поеду в таверну' сказал я.

'Да брось, Цез' сказал Тень. 'Не делай из мухи слона'

'Да' сказал Снодди. 'Я президент и я говорю тебе, что мы поедем через пять минут. Останься тут'

Ха, подумал я про себя, после всех этих месяцев он решил принимать решения. Я пошёл к Мелкому. 'Готов твой байк?'

'Ага' Он попытался завести его, но не вышло. Снодди крикнул ему, 'У тебя пятнадцать минут. Если не заведётся, то поедешь сзади в машине'

Но Мелкий всё же завёлся и все байки выстроились во дворе у Ланса вдоль улицы. Мы ждали лишь Снодди и Ларда, чтобы он залез в прицеп к Снодди, там ещё лежало всё для кемпинга – а ещё Быка, Тень и Психа, пока они залезут в машину Быка. Не хватало только Гремучего змея и Губастого.

Все байки завелись. Я был спереди с бейсбольной битой, примотанной на моём руле на случай проблем. Две машины посередине. Мы направились в Викинг Таверн.

Когда мы доехали до Мильперры, машины Снодди и Быка свернули и поехали спереди колонны. Первым ехал Фалькон Снодди по направлению к пабу в стиле ранчо, следом были Бык и я.

Они свернули на парковку, осенённую тощими деревцами, но не было места для остановки. Место было забито людьми и палатками. Пахло жареным мясом.

Снодди и Бык медленно проезжали парковку пока им дорогу не перегородила машина. Я оглянулся и оглянулся на остальных ребят и увидел, что все они на парковке. Тогда я и заметил первые признаки проблем.

Подпевала Джока, Мутный, ехал позади нас в своём пикапе. Он остановился не давая нам выехать. Я увидел, что он вылез из своей машины с карабином М1 – Американской полуавтоматической винтовкой времён Второй Мировой – и побежал через толпу в паб.

Я осмотрелся и увидел кучку Команчерос, стоявших за три парковочных ряда. У всех были ружья у бедра. Я увидел Лероя, ставшего их сержантом-по-оружию. Я осмотрелся в поисках Джока, но не видел его. Я решил, что, как и обычно, он выслал своих людей вперёд, сам оставшись в клубхаусе.

Не было времени думать. Мы не были готовы к перестрелке. И мы были окружены. Я знал, что если мы попробуем уйти или убежать с парковки, то нас всех перестреляют в спины. Думаю, они ждали, что увидев у них оружие, мы испугаемся, обоссимся и вытряхнемся из жилеток. Очевидно, они забыли, с кем связались.

Я слез с байка, и пошёл к ним, не взяв с собой битку. Я просто встал между рядами припаркованных машин и заорал: 'Положите стволы и бейтесь, как мужчины' Я думал, что если дойду до Лероя он сложит ствол, и мы сойдёмся раз на раз. Ещё одна мысль горела в мозгу по мере моего к ним приближения, что увеличивается шанс схватить пару из них и выхватить ружья. Так у меня было бы, чем отстреливаться, если начнётся пальба.

Я был примерно за одну машину до Лероя и я вызвал его напрямую.

'Ты и правда хочешь один на один?' сказал он.

'Да, опусти ствол и давай сделаем так. Выиграешь - мы снимем "цвета". Если же выиграю я, вы скинете "цвета" и война закончится'

'По рукам'

Лерой был большим парнем, безумно сильным. Действительно жёсткий тип. Он положил свой дробовик у машины и размялся.

Я думал, что я один, но затем я оглянулся через правое плечо и там были мои братья, Тень, Чоп, Бык, Змей и Псих, вместе с Дэйво, Перчи, Тараканом, Лансом и Зорбой. Медведь бежал к нам. Они все пришли прикрыть меня и я ощутил прилив гордости. Все мы были безоружны. Вот в чём и была соль: драка, в которой ставки не в твою пользу.

Затем я понял, что мы там одни. Оставшаяся часть клуба либо осталась позади у машин, либо выбежала на улицу.

Я снова посмотрел на Лероя. Прямо позади него стоял Кома по имени Хенесси, трясся, как осиновый лист, со стволом в кобуре. Я понял, от этого чувака будут проблемы. Он уставился на моего брата Змея, а Змей материл его на чём свет стоит. Я знал, что этот Хенесси не хотел начинать стрельбу, но он начнёт просто из страха перед Змеем.

Змей сказал что-то вроде, 'Убери ствол, если не собираешься его использовать. Если собрался - давай'

В следующий момент прозвучал выстрел и Змей упал. Выстрел попал ему в живот. Змей осел, зажимая рану в животе, откуда лилась кровь.

Я похолодел.

Я слышал Снодди, всё ещё бывшего у своего универсала, он звал Чопа и Тень к себе. Снодди обошёл свою машину и выбросил всё своё лагерное оборудование добыв всего два ствола – своё охотничье ружьё и карабин калибра 357, плюс дробовик и патроны.

Там, где был я, Лерой подобрал своё ружьё и убежал за машину. Прямо передо мной в маленькой группе были Воробей, Тонка и Снежок, все с пистолетами у бедра. Они начали их доставать и я побежал на них.левой рукой я схватил стволы их пистолетов и направил выстрелы в пол, отпихнув их к переду машины, толкая их собой. Я пинал Тонка, пока сдерживал других. Тонка упал на пол и я начал бить его в голову и грудь своими ботинками Johnny Reb, давя сторону его черепа. Я выдал ему всё, что мог, пока он не обмяк. Затем, всё ещё удерживая Воробья, я начал колотить Снежку локтем. Он упал на землю без сознания.

Остался лишь я и Воробей. Своей левой рукой я всё ещё удерживал его обрез, зажатый в его правой руке, он начал наносить удары левой. Свободной рукой я схватил его за горло. Я пытался найти блуждающий нерв на боку его шеи. Если знать верное место, можно вырубить чувака или убить его, ударив в этот нерв.

Я оглянулся через плечо и увидел Змея, сидевшего и пытающегося удержать свои кишки, кровь лилась через его руки. Лерой стоял над ним, целясь ему в голову, собираясь его добить.

Я обезумел. Мир покраснел. Я со всех сил сдавил шею Воробья. Я ощутил, что обрез выпал из его руки и надавил сильнее. Я ощутил, что пальцы рвут его кожу. Увидел льющуюся кровь и ощутил, что пальцы всё ещё погружаются в его горло. Я ощутил, что разорвал ему горло и он упал, крича.

Я осмотрелся и увидел мелкого Глена Ивза, сводного брата Джока, крохотного парня с очень большим ртом, если вокруг него было много чуваков. Он был в армии и лежал на земле в стрелковой позиции, целясь в меня из обреза. По какой-то причине, думаю, чтобы лучше попасть, он попробовал встать на колени. Но когда он попытался, он поскользнулся и обрез разрядился в землю возле Воробья. Я увидел, что Воробей дёрнулся и понял, что в него что-то попало. Когда позже проводили его

вскрытие, они нашли осколок гильзы от дробовика в его шее и пришли к заключению, что он был убит из дробовика – но после разрыва горла.

Как только пальба началась, то шла отовсюду. Я слышал лишь выстрелы, но из-за машин было не видно, откуда стреляют. Я осмотрелся: были "цвета" Комо, карабкавшиеся через забор, выбираясь с парковки, часть из них залезла в зелёный Фалькон и направилась ко входу в магазин. Через магазин они пытались поскорее уйти с парковки. Большинство Бандидос, которые подошли со мной вернулись к машинам Снодди и Быка к тому моменту.

Змей всё ещё сидел там и кровь струилась через его пальцы. Единственной моей мыслью было вытащить его оттуда и каждый вставши на моём пути к нему был покойником. Я шагнул к нему и увидел Быка, выбивавшего дух из здорового Комо, который пытался залезть под машину. Комо заступил мне путь и я схватил его за волосы и начал бить. Дэйво стоял рядом и дрался с другим Комо, которого я раньше не видел. Дэйво был отличным бойцом. Он как раз вырубил того чувака, когда я заметил, что другой Комо подходит к нему сзади с охотничьим ножом. Руки у меня были заняты, так что я мог лишь прокричать Дэйво. Он обернулся во время. Вместо спины удар пришёлся под руку. Это лишь завело его. Он вышиб дух из чувака.

Я закончил с чуваком, который мне мешал и сделал ещё шаг к Змею, когда почему-то я повернулся налево. Бах. Я ощутил это в правом плече. Я отступил на метр и ощущение было, будто мне вломили бейсбольной битой. В тот момент я ничего не понимал, был оглушён. Забавное ощущение. Я всегда считал, что если в тебя попадают из серьёзного оружия, то будет жгучее ощущение, как в фильмах. Но всё было не так, прямо как будто удар биты. В меня и раньше попадали из 22 калибра, но это было больше, как укол будавкой; 22 не очень полезен, если только ты не стоишь возле чувака, целясь ему в ухо. Там лучшее место.

Я понял, что в меня попали из дробовика, когда увидел крови, лившуюся из многих дырок. Рука онемела.

Затем я ощутил ещё удар, на этот раз в грудь. Будто ещё удар битой, но в это раз я знал, что меня подстрелили. Кровь залила мою руку, грудь и лицо. Внезапно стало тяжело дышать. Я закашлялся кровью.

Думаю, я упал на колени, потому что на меня набежал Комо по имени Алан с битой или железкой - бац - он ударил меня в голову и меня это не порадовало.

Я ощутил прилив адреналина и взмахнув рукой схватил его за шары. Он упал рядом со мной и я схватил его за горло. Я пытался его разорвать, но то ли от ран, то ли ещё от чего, мне просто не хватало сил сдавить.

Я встал на ноги, взял железяку у него и ей его ударил, затем вломил ботинком ему в рот. Его зубы разлетелись повсюду и я начал топтать его.

Я слышал, что Чоп и Тень в тридцати футах справа орут "Бандидос! Бандидос!" и этот звук я запомню навсегда. Они всё продолжали кричать, и не взирая на то, что в меня дважды попали этот крик придал мне сил.

Ланс и Зорба дрались с Комо, Перчи тоже кому-то давал прикурить. Я осмотрелся и надеялся увидеть остальной клуб подбегающими к нам, потому что знал, что если уложим большинство из них, то одолеем. Но этого не случилось.

Я увидел Комо Джей Джея и его старушку между двумя машинами, целившихся в меня из пистолета. Сказать по правде, я не помню, кто держал ствол он или его старушка, потому что кровь заливала мне глаза и я плохо себя чувствовал, но зная Джей Джея, предположу что это была всё же его старушка. У неё яиц было больше, чем у него. Я смотрел на них в оцепенении и затем ощутил удар, прямо в лоб. Я не думал, что это была пуля; решил, что просто удар, затем пришло жгучее ощущение и кровь залила глаза. Я ослеп на какое-то время, но я услышал голос. Это был Бык. 'Уходи оттуда, Цез!' Я протёр глаза и увидел Быка и Психа, направлявшихся к Змею.

Мне становилось всё труднее дышать. Я подумал, что сейчас помру. А помирать рядом с Комо мне не хотелось, так что я развернулся и тихонько поковылял к улице, где было ещё половина клуба.

Я взглянул на Фалькон Снодди, примерно в десяти метрах и увидел, что он выскочил оттуда, стреляя по Комо, которые были метрах в десяти позади меня. Там были Чоп и Тень на открытом месте, в паре метров от Комо, отстреливая и крича остальным Бандидо идти на улицу.

Пока я шёл я ощутил три слабых укола в спину. По опыту я знал, что это, вероятно, 22 калибр, но не наверняка, тяжело было что-то рассмотреть через кровь.

'Нахуй' я остановился и повернулся, чтобы вернуться и поубивать их как можно больше перед смертью. Затем, что-то внутри сказала, нет, уходи. Я снова обернулся и поковылял налево с линии огня.

Моя правая нога волочилась сзади и я не чувствовал правую руку. Было тяжело дышать, но я просто шёл и добрёл до дороги. Всех Бандитов я увидел там.

Накльх подбежал ко мне и подхватил меня под левую руку. Кид, Лаут и Берни подошли. Кто-то заорал Хуки пойти и помочь мне. Один из них остановил машину и это оказалась одна девушка, которая крутилась возле клуба, Большая Сью. Лаут, Хуки и Берни засунули меня на заднее сидение её зелёного Холдена и я помню поездку на машине, пролетая на красный свет и я проигрывал в голове последние минуты. Онемение перешло в боль. Помню, Лаут говорил, 'Надо его отвезти в больницу' и услышал сирены.

Неожиданно, кто-то дотащил меня в коридор больницы и оставил меня там на полу. Позже я узнал, что кто-то из них забежал внутрь и нажал звонок экстренной помощи, выбежали медсёстры и нашли меня там.

Меня провели через стеклянные двери и вокруг меня были медсёстры. Я был на столе или кровати.

Я был первым доставленным из таверны в больницу. Я слышал по радио, что все программы прерваны и передают срочные новости о перестрелке байкеров в Мильперре. Доктор, штопавший меня сказал, 'Что же там творится?'

ГЛАВА 15

Я просыпался и вырубался. Всё, что я помню это свет, дохера боли и лицо Донны. Иногда была мама. Я помню, что мама сидела рядом, держа меня за руку. Она крепко меня обняла и сказала, что любит меня. Затем я вновь потерял сознание. И было ещё лицо чувака, появлявшееся передо мной. Я не мог понять кто это.

Когда я очнулся, они сказали мне, что я в реанимации и что я провалялся с месяц в отключке. Я спросил про своих братьев. Донна сказала, что Змей и Псих наверху в палате, но это было всё, что она сказала. Я видел стоявших там копов прямо в дверях. Донна сказала, что ни там пробыли всё время.

Я чувствовал, что обязан повидаться с братьями. Я сказал сестре, что я хочу их увидеть но она сказала, нет, нужно побыть тут немного дольше.

'Поднимите меня или я пойду сам. Поползу, если придётся' я начал вытаскивать из себя трубочки и вставать с кровати.

'Успокойся' сказала медсестра, 'ладно. Займёт несколько часов, но я переведу тебя в палату к братьям'

Она сдержала слово и они перекатали меня на кровати в комнату, где были Лард и Змей. Я был рад видеть, что Змей пережи выстрел в живот. Он сказал мне, что Дэйво только что ушёл, восстановившись от ножевого ранения под руку. Я увидел, что Донна долго говорит с доктором. Она подошла в слезах и я подумал, Ничего хорошего не скажет. Я потеряю руку или ногу или ещё что-то. Она села рядом со мной. 'Ты помнишь, что я сказала тебе в реанимации?' спросила она.

'Я ничего не помню оттуда' Она задёрнула шторку. 'Я не знаю, как тебе сказать'

'Что?'

'Тень и Чоп мертвы' Она заплакала. Я обнял её левой рукой. Я не мог поверить. Двое моих братьев были мертвы.

Донна успокоилась. 'Ты в порядке?' спросила она.

'Нет... Ты не могла бы выйти, я хочу поговорить со Змеем?'

'Я подожду в коридоре' Она отдёрнула штору, чтобы я смог увидеть брата.

'Ты в курсе?' спросил я Змея.

'Да, узнал на днях. Тебе сейчас Донна сказала?'

‘Да’

‘Я знаю, что ты ощущаешь’

‘Мне жаль, брат’ сказал Лард с другого конца комнаты.

Рядом со мной была пустая кровать. ‘Где Псих?’ Мне сказали, что он в этой палате. Оказалось, что он в комнате в конце коридора, так что я вызвал медсестёр.

‘Мой брат в той комнате?’

‘Да’

‘Приведите его сюда и положите в кровать’ Псих был самым молодым из Кемпбеллов, не считая Крисса – и я решил, что важно, чтобы мы были все рядом. Ему оторвало часть руки и остаток был замещён пересадкой кожи. После небольших споров и уговоров они перевели Психа в кровать рядом со мной. Я просто не мог принять новости. Я был потрясён. Худший день в моей жизни был, когда умер мой отец. Тогда я впервые плакал. Это был второй раз.

Псих начал рассказывать мне что знал. Видимо, Команчерос приехали в Таверну минут за двадцать до нас и разместились там с ружьями и рациями, пока Джок бродил там с мачете, изображая из себя короля. Я не знаю, откуда они узнали, что мы туда собираемся. Джок никогда не ездил на байк-шоу.

Псих сказал, что когда мы впервые приехали к таверне, он был с Быком и они шли за мной к Комо. Пока они шли за мной, он увидел кучку Бандидос выбегавших с парковки на улицу. Я думал, что весь клуб вовлётся в драку. И если бы было так, я не думаю, что кто-то погиб бы, Комо бы просто побросали бы стволы и съебались.

Псих сказал, что когда началась стрельба, у нас был только дробовик Снодди и карабин .357. Это всё, что у нас было. Но Снодди позвал Психа и ещё некоторых ребят, кто дрался там, забежать за его машину, а они по пути подобрали несколько обрезов, обронённых Комо. Так что в итоге у нас было их ещё пару, а у Снодди хватало патронов в машине с охоты.

Тень и Чоп схватили по ружью и патронам у Комо и начали отстреливаться, но они застряли перед Комо на нейтральной полосе. Тень был убит попаданием одной дробины в шею. Чоп словил шесть дробинок в грудь. Псих стрелял из машины Снодди.

Я спросил Психа видел ли он Джока в бою, потому что я не видел.

‘После того, как ты направился на улицу, наступило затишье и Комо начали кричать, “Цезарь убит! Цезарь убит!” Затем выбежал Джок сзади паба, размахивая мачете над головой с криками, “Убейте их всех! Убейте их всех!”’

Джок позже заявлял, что был за пабом и стрельбы не слышал. Если бы.

Псих продолжал историю. Он сказал, что Лард побежал к Джоку с ручкой от кирки и тогда он и получил в ногу выстрел. Снодди начал стрелять в Джока и тот убежал за машины. Снодди приговаривал, 'Блять! Осталось лишь пристрелить кролика'

'Тебе бы бегать как он' ответил Псих.

Псих помнил, как Джок выронил мачете и нагнулся, чтобы его подобрать, высунув из-за машины голову. Снодди сказал, 'Нахуй старого мудака' И выстрелил в него. Джок упал.

Снодди судорожно искал ещё пару зарядов для дробовика, нашёл пару и зарядил обрез. 'Ну всё' . 'Старый хер покойник'

Снодди направился добить Джока выстрелом в голову, когда пришёл Медведь, чтобы помочь ребятам вокруг машины Снодди выйти с парковки. Когда он увидел Снодди, целившегося в Джока он оттолкнул его руку. Снодди выстрелил, но промазал. Снодди перезарядился и снова нацелился в Джока но не смог попасть, так как Медведь всё ещё держал ствол.

'Какого хера ты творишь, Медведь?' Заорал Снодди.

'Оставь, Снодди. Достаточно смертей на сегодня' ответил Медведь.

Снодди сказал Медведю валить нахуй. Медведь пошёл на улицу, а Снодди зарядил в ствол мелкую дробь, чтобы добить Джока, но Кома уже утащили его за машину и Снодди не смог в него попасть.

Псих сказал, 'Но надо отдать Снодди должное. С момента, как мы туда прибыли и до прибытия копов он всё стрелял. Даже когда Чоп и Тень подстрелили, это его лишь рассердило и он продолжал палить. Он хотел перестрелять всё, что носило "цвета" Кома'

Псих сказал мне, что в тот день были убиты четверо Кома: Воробей (чувак, которому я порвал горло), Мутный, Пёс и Лерой. Мне было очень жаль Лероя. Я сказал, что байкерский мир понёс тяжёлую потерю. Многие в клубе этого бы не поняли, но он был классным мужиком.

Змей сказал мне, что когда его подстрелили и всё понеслось, Лерой подошёл к нему и наставил ему в голову ствол. Змей сказал Лерою, 'Если собрался меня добить, так стреляй' А Лерой ответил, 'Не сегодня, Змей. Ты брат мне. Перенесём на следующий раз' С этими словами он ушёл и начал стрелять в других Бандидо на парковке.

'Я так хочу, чтоб мы с Лероем просто подрались и ничего этого не было' сказал я.

'Не вини себя, Цез' сказал Псих. 'Это всё вина старого мудака Джока, а не твоя'

'Псих, моей работой всегда было приглядывать за вами, ребята'

Псих признал, что единственный Кома с яйцами был один из их чуваков - Солнце. 'Когда Джока подстрелили и я был там с отстреленным фрагментом руки, Бык вышел

им проорал ему, “Давайте подберём раненых, мы своих, а вы своих” Солнце согласился и мы пошли собирать всех, кто пострадал на дороге’

Кто-то проверял Чопа, но тот был мёртв. Бык вытаскивал Тень с парковки, когда кто-то из Кома снова выстрелил. Солнце заорал на своего, чтобы тот прекратил, что они и сделали, и Бык смог вытащить Тень.

Я не очень хотел слушать подробности того, что случилось с Тенью. Психа это тоже расстраивало, потому что он видел, как всё произошло. Но наибольший эффект это оказало на Быка, так как Тень был всё ещё жив, когда Бык выносил его с парковки. Бык пытался его реанимировать, но Тень просто умер у него на руках. Так что несмотря на то, что в него не попали, Бык пострадал больше всех братьев.

Псих сказал, что понадобилась целая толпа Бандидос, чтобы не дать Быку вернуться на парковку и вытащить тело Чопа с территории Кома. Куча ребят схватила его и сказали ему, что Чопа нет, а он только убьёт себя.

После того, бойня приутихла. Они выстрелили в нас пару раз, а мы в них, но убийства прекратились.

Псих сказал, ‘Когда мы вышли на улицу, Снодди собрал всех ребят вместе. Он начал сильно наезжать на тех, кто не пошёл драться. Но затем оглянулся и увидел Быка, лежавшего на теле Тени и начал задыхаться и сам ушёл. Прикатили скорые. Мы, как и Солнце, пропустили их. Затем копы. Один коп подошёл к Солнцу и отобрал у него обрез, тем всё и закончилось. Прибыла куча копов и они начали всех успокаивать. Они собрали стволы и сказали нам оставаться на месте’

Творился такой бардак, было так много людей, что любой мог просто снять “цвета” и уйти. Их бы не арестовали. Но верность клубу была столь сильна, что никто не свалил – кроме тех, кто увёз меня в больницу. (Хуки, Берни и Лаут отправились домой к Лансу и смотрели остальное в новостях.) Были те, кто пострадал меньше, как Лард, которому попали в ногу, пока он шёл у улице до затишья и Свин, которому тоже прострелили ногу. Остальных поколотили битами и ещё чем-то. Я бы очень ругался на всех, потому что будь там я, я бы оставался на месте, пока последний из ребят не окажется в больнице. Псих сказал, что скорая отвезла его в Бэнкстаунскую больницу. ‘Они отвезли меня в хирургию и там доктор хотел ампутировать мне руку, но к счастью, там был в гостях специалист, сказавший другому коновалу, “Мы мыжем спасти руку этого молодого человека” Так что они меня вырубали, а когда я пришёл в себя, моя рука была пришита к животу. Это всё, что я помню’

Я лежал там весь остаток дня, размышляя о Тени и Чопе, пока медсестра не сделала мне укол и я не вырубился.

Я был в отключке несколько дней, а когда очнулся, увидел, что Лард, в кровати возле меня, забинтован у ступни. Он сказал мне, что пуля раздробила её и им пришлось вставлять скобы, чтобы она осталась целой. В кровати рядом с ним был Свин, которого переложили сюда, в кровать Змея, когда того выписали.

Свиную прострелили ногу. Они держали её на весу с помощью мешка с песком. Он сказал, что после того, как его подстрелили, он пытался выползти с парковки, когда увидел лежавшего там Кома, пытавшегося встать. Он заметил железный прут, к которому он подполз поднял его, вернулся к Кома и начал его бить. Затем его вытащили на улицу.

Что касается меня, как мне сказали, четыре дробины пробили мне правое лёгкое и вышли из спины. Ещё четыре остались в спине. Во мне осталось тридцать три дробины, но хирурги вытащили более двадцати из них.

Отовсюду у меня торчали трубочки. У меня было заражение от дробинок в лёгких и сильнейшая простуда, так что они направили на меня вентиляторы и постоянно на меня клали лёд, чтобы спадал жар. В какой-то момент пришёл чувак и начал говорить со мной, будто знал меня. Я подумал, 'Погоди, ты же гей' Так и оказалось. 'Ты меня помнишь?' спросил он. Я подозрительно на него глянул. 'Да брось, здоровяк, вспоминай меня'

Да ну нахуй, подумал я, неужели он ко мне клеится.

Оказалось, что он был главврачом в реанимации и он был моим лечащим врачом. Именно его лицо всё время было в моих глюках, пока я был в реанимации.

Затем вошла ещё медсестра. Она была высокой и рыжеволосой. Очень симпатичной. Лард глянул на меня: 'Тебе надо благодарить её'

'За что?'

'Без неё ты бы сдох' Лард повернулся к ней. 'Эй, Рыжая, расскажи Цезарю, что было, когда ты его нашла'

Она сказала, что её вызвали на работу, чтобы помочь с наплывом жертв в тот день. Когда она шла по коридору к неотложке, она заметила мертвое тело на тележке с простыней, натянул над ним. Но тут она заметила, что простыня шевелится. Затем она нагнулась и увидела, что рука под простыней тоже двигается. Она сказала, что отодвинула простыню и нащупала пульс. Как нашла - прикатила меня в реанимацию. 'Кто поместил этого парня в коридор?' заорала она.

Все смолчали.

'Как бы там ни было, он жив'

Она сказала мне, что доктор, объявивший меня мёртвым прибежал сам и меня снова оттащили в операционную и начали доставать из моей груди пули.

'Спасибо, Сестра' сказал я.

'Не переживай за это' сказала она, 'зови меня Рыжей' Её друзья считали, что она похожа на девку из сериала Остров Гиллигана.

Рыжая объяснила, что врач, который работал надо мной потерял мой пульс и не мог слышать дыхания, так что он считал меня мертвым. К тому времени начали поступать другие раненые и меня отправили в коридор

ГЛАВА 16

Однажды днём мы услышали грохот байков снаружи. Затем копы в коридоре говорили, 'Вам нельзя'

'Попробуй и останови нас' я узнал голос Дэйво. Затем все бандиты прошли в палату мимо копов. Они пробыли там около получаса. Было приятно увидеть всех, но полицейские вызвали подкрепление и Снодди решил, что будет лучше, если парни уйдут, а не станут создавать возмущения. Снодди спросил можно ли остаться ему одному, ему надо было со мной поговорить. Они согласились. Все ребята спустились вниз и Снодди подошел и спустил шторы вокруг моей кровати. Я догадался, что он собирался сказать. Я мог видеть слезы, стоявшие в его глазах. - Я сожалею о том, что случилось с Чопом и Тенью.

'Я знаю, Снодди'

'Если бы я только послушал тебя там, у Ланса, они были бы живы, а ты с ребятами не валялся бы тут'

'Ну уже ничего не поделаешь'

'Ты сможешь простить меня?'

'Снодди, прощать нечего. Если уж кого и винить, то меня, что не настоял на своём, о чём я буду жалеть, пока не помру'

"В смысле?" Я знал, что я должен был поехать в таверну и все проверить, но я позволил тебе и Тени меня отговорить. В любое другое время я бы сделал это. Вы знаете, что безопасность клуба всегда на первом месте для меня, и я никогда не позволю никому говорить мне, что правильно для клуба.' Снодди взял меня за руку и что-то туда вложил. Я посмотрел и это оказалось кольцо Кемпбелла. 'Я не достоин его, Цез' Я лишь сжал свою руку и мы переглянулись.

'Я слышал, ты пости достал Джокка' сказал я.

'Да, и достал бы, если бы не херов Медведь, старый хуй был бы мёртв'

'Да, Псих мне рассказывал'

Сало или Свин также сказали мне, что четырнадцатилетняя девушка, Лиэнн Уолтерс, попала под огонь. Снодди знал больше о том, что произошло. Он сказал, что хороший приятель Джокка, Краут побежал к Снодди и он прицелился в него через прицел карабина. Снодди не понимал этого, но Краут направлялся в сторону девушки. Снодди выстрелил с сорока метров и пуля прошла сквозь руку Краута и пробила какую-то кость – у него была крупная рана в руке – и попала в девушку. Снодди сказал, что это было худшее, что он когда-либо делал. Молодая девушка умерла.

‘Ну, что дальше будем делать?’ спросил он. ‘Хочешь моей отставки?’

‘Нет. Клубом больше некому управлять. Ты должен держать их вместе. Только помни, копы этого так не оставят. Они попытаются посадить всех, до кого дотянутся’

‘Ну, ни один Бандит заявлений не делал. Мы все хорошо держимся, и я точно знаю, что все Кома сделали заявления и подписали их’

‘Ёбаные мудаки. Полагаю, они решили, что сдадут нас, если сделают заявления. Просто скажи братве держать рты на замке и нихрена не подписывать’

‘Не волнуйся, уже сделано. Могу ли что-то сделать для твоей семьи? Как насчёт твоей мамы?’

‘Пожешь за ней присмотреть и за Донной. Она очень переживает. Она очень дружила с Тенью и не попросит помощи, когда надо. Если ей что-то будет надо, убедись, что она это получит’

‘Как и всегда’

‘Донна говорила мне, что Джоанна уже ходит на вечеринки, хотя Тень мёртв всего месяц’

‘Ну, я не хотел говорить, но она погуливает с Губастым. Думаю, это просто чтобы отвлечься. Но её мысли всё ещё должны быть о Тени’

‘Не думаю, что Губастый что-то предпримет. Но ты убедись, что на неё никто не покусится. Ты знаешь, что Тень бы почувствовал’

‘Не волнуйся, Цез, к ней никто не подойдёт из клуба. Я дам всем знать, чтобы её не трогали’

‘Спасибо, Снодди’

‘Уверен, что сейчас я не могу ничего для тебя сделать?’

‘Ничего’

‘Возможно, однажды я снова заслужу кольцо’

‘Возможно, однажды. Береги себя, Снодди, а более себя береги братьев’

‘Буду’

С этими словами он отошёл и перемолвился парой слов со Свином, затем Лардом и Психом. Он вышел и это был последний раз, когда я его видел.

Потом Псих сказал мне, ‘Я слышал, что вы говорили о кольце, что однажды он его снова заслужит. Ты ведь отдашь его ему, правда?’

‘Конечно, но думаю Снодди в своей голове решил, что заслужил наказания за произошедшее с Чопом и Быком и потому его вернул. Всё, как я ему и сказал, пусть

не винит себя, но я не собирался ему говорить, что он всё сделал верно и отдавать ему кольцо. К моменту, когда я отсюда выйду он успокоится и я отдам ему кольцо'

Как обычно, Донна пришла в ту ночь. Я спросил ее, как дети. Она сказала, что Даниэль и Лейси были все в порядке. Они были слишком молоды, чтобы знать, что происходит. Но Ли и Чейн получили трудное время в школе, как и Пегги с Самантой. 'Другие дети и многие учителя доставляют им реальные проблемы, ведь ты один из главных людей, упомянутых в газетах'

'Все будет нормально' сказал я. 'Учителя изменят своё мнение, когда я выйду... А где дети сейчас?'

Донна сказала, что наши хорошие друзья Шерил и Панчо приглядывают за Дэниэлом и Лейси. 'Они действительно были добры, особенно Шерил. Я не знаю, что бы я делала без ее помощи'. 'Да, она всегда была клёвой девчонкой'

Мы с Донной проговорили какое-то время. Коп всунул голову в дверь и сказал, 'Мне кажется, посетителям пора' Донна обняла меня и вышла.

Однажды утром я услышал шум в коридоре. молодой коп зашёл и сказал мне, 'Там огромный Ангел Ада хочет тебя видеть, Цезарь'

'Его зовут Гитара?' спросил я.

'Точно'

'Впусти его' сказал я.

Но старший сержант пришёл и сказал, что посетители из других клубов нам не положены. Гитара ушёл без шума. Ещё мне прислали корзину с фруктами, бутылкой вина и открыткой с пожеланием здоровья от Сая из Одиноких Волков. Они желали мне быстреешего выздоровления и я был очень этому рад. Большинство людей из других клубов, хотел остаться в стороне от этого, но Сай и Гитара всегда были клёвыми чуваками.

Моя мама тоже всё время была там. Она милейшая и тишайшая женщина, но очень крепкая. Многие женщины просто на пол бы свалились, узнав, что два их сына убиты, как Чоп и Тень. Но она знала, что есть ещё мы трое в больнице и надо поддерживать наших сестёр. Все мои сёстры жили близко к маме. Они могли ходить к ней. У неё жил мой старший сын Кейн, которому тогда было пятнадцать.

Мама Ларда тоже была хорошей, всегда интересовалась, в порядке ли мы. Брат Ларда, Аспро, тоже часто приходил. Копы сперва думали, что он тоже в клубе, но мы им сказали, что он просто брат Ларда и не имеет с клубом ничего общего, так что они не давили на него потом.

Я очень волновался за Психа и за восстановление его руки, но медсёстры делали что могли. Мне всё ещё было хреново. Я всё ещё болел из-за заражения, вызванного пулями в правом лёгком и в спине. Кто-нибудь всё время ложил мне тряпку на лоб.

Я всё ещё мог немного смеяться, несмотря на боль и лихорадку. Однажды Лард на кресле выкатился к общим телефонам в конце зала. Пришли копы и увидели, что его нет. Они проверили души и перепугались. Всю больницу оббежали в его поисках. Тем временем, Лард прикатился назад и лёг в кровать и спросил, 'А что происходит, что все копы забегали?'

'Тебя ищут'

Свин рассмеялся. В любом случае, чуть позже трое из них зашли в комнату и увидели его на месте, что просто свело их с ума. 'Ты где был, Мелвил?'

Лард засмеялся. 'К телефону подходил. А вы что решили? На пробежку пошёл? Мне же пол ноги отстрелили'

'Мог бы сказать нам, куда пошёл'

'Проваливайте'

Мне как раз ввели укол обезболивающего, когда прибыли два детектива. Они подошли к моей кровати. 'Мы здесь, чтобы допросить вас по поводу случившегося в Викинг Таверн, Кемпбелл' Я сказал им уйти. Мне было тяжело даже открыть глаза; уколы меня вырубали. Но они всё спрашивали.

Встрял Лард: 'Вы, дебилы, не видите, что моему брату плохо? Валите, а то я вызову медсестру'

И два детектива ушли. Я пробормотал 'Спасибо, Лард' и отправился в Диснейленд.

Однажды я увидел, что Псих о чём-то задумался. 'Ты чего, Псих?' спросил я.

'А, я просто думал, о Чопе и Тени, что в тот день мы были целями'

'Да, я понимаю, о чём ты'

Он просто лежал там и я сказал, 'Брось, Псих, Тень и Чоп не хотели бы, чтобы ты так из-за них волновался. Они там хорошо проводят время. Они со стариком.'

'Дело не в том, что я за них волнуюсь' сказал он. 'Я просто разозлён. Ты лежишь тут весь в дырках. Мне оторвало половину руки. Змею прострелили кишки. Тень и Чоп мертвы. Быку повезло, и он всё переживает из-за этого. Шестеро нас были там и остальной клуб...'

'Не, не весь клуб' напомнил я ему. 'Не было Гремучего и Губастого'

'Ну весь клуб, кроме них. А они в любом случае остались бы на улице. Если так посмотреть, то весь урон словили Кембеллы'

'Да, но Ларду прострелили ногу, а у Свина дыра в ноге' сказал я.

'А Таракану руку сломали' добавил он. 'Кто ещё пострадал?'

'Дэйво. Его порезали'

‘Я и забыл об этом. Но даже если и так, ты посмотри, мы пострадали куда больше, потому что мы всегда впереди. Я устал видеть, что страдают мои братья. Отныне пусть клуб тоже принимает в боях участие, Цез?’

‘Таково уж положение вещей, Псих. Такими мы созданы. Жаль лишь, что вскрылось кто есть кто лишь в таверне’

‘Ты прав. Некоторые ребята заслужили медаль по спринту на сто метров, так быстро они оттуда удирали’

‘Давай поговорим о другом’ сказал я.

На следующий день пара копов зашли в комнату. ‘Все вы, ребята, теперь арестованы за произошедшее в Мильперре’

‘В смысле?’ спросил Псих. ‘Против всех выдвинули обвинения’ сказал старший офицер.

‘В чём?’ желал знать Псих.

‘Не могу сказать’

Позже в тот день пришла Донна и рассказала, в чём дело. ‘Они провели рейды по всем домам клубных ребят’ сказала она. ‘В наш дом тоже’

‘Зачем им рейд в наш дом?’

‘Сказали, что ищут тебя’

‘Ищут меня? Что за чушь’

Она сказала, что открыла дверь и копы начали снимать всю колючую проволоку, которую я повесил на забор и калитку веранды. Она не могла поверить ушам, когда они сказали, что. Она посмотрела на чувака с которым шёл весь разговор, и сказала, ‘Он в Бэнкстаунской больнице. Там дежурят два или три ваших человека целый день. Позвоните.’ Но мусорам был лишь нужен предлог для попадания внутрь. Они прошли и украли всё, что захотели. Она сказала, что они забрали её кожаные штаны, мою косуху и жилет, все фотоальбомы, все мои призы по карате и борьбе. ‘Три четверти вещей не хватает’ сказала она.

Когда мама и сёстры Ларда ушли, она сказала мне, ‘Ты помнишь про деньги, что у нас были?’

‘Ну?’

‘Тоже забрали’

‘Охуенно’

‘Да, всё до цента, что мы копили на покупку дома в Боурале’

Она сказала, что многие старушки собрались и думали, как быть дальше. Старушка Тени Джоанна тоже была там 'И Джоанна была вся нарядившаяся' сказала мне Донна. 'И я ей сказала "Какого хера ты творишь?" а она мне, "Я выхожу. Я не хочу в это ввязываться" А я ей сказала, "А что же мы остальные не бежим?" Она лишь вышла на улицу и прыгнула в машину. Знаешь, с кем она уехала?'

'Да' сказал я.

'И они укатили'

'Представить не могу, что Тень там думает на небесах... Они нашли банку пальцев?' спросил я. Сложно было бы объяснить, откуда у меня такие трофеи, включая глазное яблоко.

'Нет' сказала она.

'Избавься от неё'

Она взяла одного чувака, который ей всё ещё помогал. Они выбросили в реку.

Лард наблюдал за копами. Он заметил, что каждое утро, примерно в восемь часов, все девять из них выходили в маленькую комнату в конце коридора и завтракали, оставаясь там на минут сорок пять. Она засекала пару недель.

Так же он заметил, что на веранде курит коп. У нас не было двери на веранду, но Лард открыл одно из больших окон от пола до потолка, которые были не хуже дверей, и подлез, чтобы поговорить с констеблем.

'А где дверь, что ведёт на балкон?' спросил он.

'Не знаю' сказал коп. 'Погоди, сейчас погляжу' Коп отошёл к концу балкона, прошёл через дверь и вернулся. 'Там ступеньки ведущие в сад'

'Вот как' сказал Лард обычным голосом.

Лард влез внутрь. 'Что ж, если мы решим бежать, то я нашёл вариант.' В тот момент мы и не думали о побеге, но вскоре мы услышали, что копы собираются начать судебные разбирательства. Бандидос уже начали обвинять в драка и оскорбительное поведение после засады. Были проведены рейды и большинство было арестовано, и их всех обвиняли в убийстве. Они уже судили Джока и нескольких других Команчерос, которые были в других больницах. И было ещё больше арестов в течение нескольких дней после того. К раннему октябрю сорок чуваков с обоих клубов были арестованы, обвинены в убийстве и заперты. Кроме пары человек, как Берни, который прятался, единственные, кого ещё не обвинили, были мы вчетвером в Бэнкстаунской больнице. Всю свою жизнь мы так и не могли понять за что же нас арестовали, с учётом, что мы попали в засаду и действовали в рамках самозащиты. Но копы как-то это делали.

Я думал, Ну уж я-то в тюрьму не попаду. Я не сделал ничего дурного. Всё что я сделал, это приехал на парковку, попытался убедить пару хуесосных мудаков

опустить стволы, за что меня и подстрелили. А теперь мусора хотели меня за это обвинить. И никудышеньки я не мог пойти в тюрьму в таком состоянии. Я еле шевелился.

И я сказал Ларду, "Так ты нашёл путь отсюда?"

'Ну?'

'Пожалуй, я им воспользуюсь. Вы хотите пойти?'

'Не, я не смогу' сказал Свин.

Лард и Псих тоже отказались. Думаю, они были уверены, что отбодаются от любых обвинений против себя.

'Если хотите, я останусь' сказал я, 'Но если вы не против, мужики, я уйду'

'Ступай' сказал Лард.

ГЛАВА 17

В тот день, когда я ушёл из больницы, копы сходили с ума, рассказывая прессе, что я вовсе не сбежал. 'Мы хотим прояснить, что Коллин Кемпбелл не был под стражей' говорили они. 'Его ни в чём не обвиняли и он был полностью волен уйти из больницы, что он и сделал. Полицейская охрана в Бэнкстаунской больнице для безопасности и охраны пациентов и сотрудников' Даже меня чуть не обдурили.

Они пытались напугать Донну, рассказав прессе, что если я не получу медицинской помощи, то могу умереть; что силы я мог получать лишь от антибиотиков в больнице. Возможно, это было правдой, но я не собирался возвращаться. Я не собирался в тюрьму, за то, что стал жертвой засады, в которой погибли мои братья.

Панчо и его жена Шерил устроили для меня комнату с двойным матрасом и кондиционером, направленным на меня. Я всё ещё страдал от жара. Донна и Шерил ходили от врача ко врачу по всему Сиднею, жалуясь на всевозможные болезни, боли в горле, кашле и насморке, ознобе и потливости, лишь чтобы добыть мне антибиотики. Им бы Оскары дать за их спектакли. Они просто доставали эти таблетки, какие бы они не достали и давали их мне. Я съедал примерно двадцать пять таблеток в день.

Хоть я и был в бегах, мы особо не рпятались. Мои старшие сыновья Кейн и Ли ходили ко мне пару раз в неделю. По брат Вилс звонил по телефону. От него я узнал, что прилетал Бандидо из США, искал меня или Снодди. Но Губастый – котоырь был одним из Бандидос, гулявших на свободе, из-за своей таинственной болезни в день засады – встретил Американца и сказал ему, что он не сможет с нами поговорить, так как это слишком опасно встречаться со мной или ездить в Парклейскую тюрьму к Снодди и остальным запертым. Мы так и не увиделись с тем Американцем. Губастый держал парня подальше ото всех.

Снодди передал мне из тюрьмы письмо, о том, что Губастый хочет сразу открыть в Гриффите полноцветный чаптер, без срока проспектов. Идея меня не порадовала. Я лишь знал имена четверых из тех ребят и видел их лишь раз на вечеринке в клубхаусе в Балмейне. Но Губастый давил на Снодди, а меня рядом не было и Снодди дал добро. Суть письма Снодди была в том, что если бы я захотел открыть свой чаптер, то он был бы за.

Через двадцать пять дней после моего побега, мы услышали, что Берни был арестован. У меня не было причин думать, что он не будет столь же стойким, как и остальные. Ближе всего копы подобралась к заявлению от одного из нас, когда арестовали Большого Тони. Он был в бегах и выставил через несколько месяцев свою машину на продажу. Как-то копы пронюхали, что объявление подал именно он и два чувака явились к нему покупать машину, желая провести тест драйв. Тони повёз их по району и неожиданно копы заблокировали ему путь и повылазили отовсюду, а один из них вытащил пистолет и наставил на голову Тони: 'Вы арестованы' Тони обернулся и сказал, 'Полагаю, это значит, что машину у меня вы таки не купите'

Кида они держали у себя час за часом, угрожая ему всем, чем было можно, но он смолчал. Всем говорили одно и то же: 'Ты отправишься на пожизненное. Потеряешь семью' Но ни один не раскрыл рта. В отличие от Комо.

Так что было огромным сюрпризом, когда начались слушания – через две недели после ареста Берни – и на второй день они выставили Берни, как главного свидетеля. Он пошёл на сделку со следствием. Он провёл дни за стойкой свидетеля, рассказывая им всё, что он знал. Он подтвердил суду, что мы не были вооружены, и что мы собирались возвращаться на вечеринку к Дэниелу после всего, но и некоторые сомнения он тоже выдал.

Я получал сообщения от своего брата Вилса – который тогда не был Бандидо, но позднее вступил – который каждый день ходил на слушания в Пенритский суд. Однажды ночью мне позвонил Вилс и сказал, что Берни спросили, что тот думает обо мне. Вилс рассказал, 'Он начал говорить, что ты, вроде, хороший человек. Типа, что ты всегда поддерживал мир в клубе, как и между нашим и другими клубами' Согласно словам Вилса, Берни заявил, что я никогда не искал боя, но и не бежал от него. И что я делал всё, чтобы в клубе никто не пострадал. Всё это звучало хорошо, но затем Берни заявил суду, 'О, но у Цезаря есть тайное кладбище в Снежных горах'

Вилс сказал, что судья, Грег Гласс, посмотрел на Берни с удивлением и Берни выдал, 'Цезарь - наёмный убийца на стороне' Я не знаю, откуда он это взял, но это вошло в судебные записи, чему я рад не был.

Какое-то время мы пробыли у Панчо и Шерил, а я не хотел их втягивать во всю хуйню с ментами, что была со мной. Так что ранним 1985 я попросил Панчо найти мне место где-нибудь в Боурале в Южных Горах к югу от Сиднея. Это было близко к семье, и у Донны были люди, которые помогли бы ей. Так что он нашёл домик в Хилл Топ и это оказалось хорошим местечком. Он отвёз туда моих собак. И вот о чём я

говору, что мы особо не прятались. Я не был в бегах, по моему мнению. Я не сделал ничего дурного. Мы сняли этот дом на моё имя. Донне приходила пенсия на имя Донны Кемпбелл. Она ездила в Миттагонг за покупками и возвращалась на такси. Всё, что им надо было сделать, это проверить, где она получает пенсию, либо проверить агентов по недвижимости. Я бы нашёл себя за неделю.

Мой сын Ли, которому было четырнадцать с половиной, приезжал ко мне по нескольку раз в неделю. Он заметал следы, ехал на нескольких разных автобусах, затем на поезде, и его кое-кто подбирал в Боурале.

В Хилл Топ мы пережили тяжёлое время. У Донны горы на плечах висели. Будучи не в городе куда сложнее найти доктора для её спектаклей за антибиотики. Я был там, прямо на спине, впервые я рассчитывал на кого-то ещё. Всегда было наоборот – я присматривал за всеми. Вся моя правая сторона пошла через жопу, моё правое лёгкое было с четырьмя дырками. Я месяцами не мог руку поднять. Я мог лишь лежать в кровати. но с помощью Донны рука начала работать. Она положила маленькую баночку печеных бобов в пластиковый мешок, который я использовал, чтобы делать упражнения рук. С течением времени, я смог проделать свой путь до большой бутылки Кока-Колы. Все время я знал, что она беспокоится, что я слишком сильно стараюсь. Она также знала, что у меня на уме.

Я этого никогда не забуду и всегда буду благодарен. Она знала меня лучше, чем кто-либо другой и она знала все мои мысли, но волновалась за заражение спины. У меня там были четыре больших болезненных грыжи. Они стали столь плохи, что мне приходилось лежать на животе или боку. Ощущалось, будто дробь прямо под кожей, что если разрезать лезвием, они просто выпадут.

И Донна, будучи бывшей медсестрой, решила их выпустить. Будучи моей женой и лучшим другом я не мог найти никого лучше для этого дела. Она делала это много лет до того, с пулей 22 калибра и мы не думали, что будут проблемы. Так что она поехала в торговый центр Топ Хилл, купила деттол, бритвенные лезвия, нити, чтобы зашить меня, обеззараживающую пудру и иглы. Затем взяла бутылку вина, чтобы нервы успокоить.

Следующим вечером я сидел на кухонном столе, который Донна натёрла деттолом. Она сняла мою майку, положила полотенца под стул и на пол. К счастью, пол был кафельным.

Как только она разрешила первый комок, я схватился за стол своей левой рукой. Я чувствовал, как рвётся кожа по ходу лезвия. Она сделала глоток вина, чтобы успокоиться. Она сказала, что это было гораздо сложнее делать это на любимом, чем просто пациенте в больнице. Она разрешила дальше вниз и нажала на кусок грязи. Она остановилась и всё вытащила. 'Вот что я нашла, - сказала она, выкладывая кусок зеленого желе на стол. -Хочешь, чтобы я продолжала?' Мы никогда не видели ничего подобного. Это был не гной.'Увидев что ты там нашла, лучше продолжай' сказал я.

Она сделала еще один глоток и срезала ещё больше, потом еще больший глоток и больше порезов, а я хватался за стол здоровой рукой. Когда она пошла глубже, из-за крови ей стало сложнее держать кожу отдельно. Но она продолжала резать, пока наконец – примерно на два дюйма под кожей, не звякнул металл. Только это был не простой кусок свинца. Эта вещь превратилась в шар хрящей.

Только тогда я увидел кровь, бегущую по бокам на пол.

ГЛАВА 18

Когда я начал восстанавливаться, я начал думать о создании нового чаптера Бандидос. Хотел кучу парней, которые сделают всё для защиты имени своего клуба. Почти все парни, с кем ездил я были за решёткой. А Губастому я не доверял. С момента, как я услышал о чаптере в Гриффите, я думал о создании своего.

Я бы начал сам по себе с парой проспектов и сам бы стал президентом. Я мог бы открыть чаптер сам, но хотел всё сделать правильно. Я никогда не пользовался тем, что был сержантом-по-оружию – или тем, что был первым, кто надел "цвета" Бандидос в Австралии – чтобы проложить себе путь. Я всегда следовал решению большинства клуба, даже если мне оно и не нравилось. Так что я отправил своего брата Вилса в Парклеа, чтобы выяснить, не против ли Снодди.

Снодди знал, что я не был особо рад, что чаптер Гриффит открылся, так что он дал мне добро.

Одним из первых чуваков, кого я принял был Шипскин. Он звонил мне с момента, как вышел из Команчерос, неделями до засады. И присылал открытки в больницу. И Донна говорила, что он приезжал к ней каждую неделю, чтобы узнать не нужно ли ей чего. Он говорил ей, 'Ты передай Цезарю, что если есть что-то, что я могу для него сделать, или есть кто-то, о ком надо позаботиться, я всё сделаю' Так что был он, плюс мой бывший сводный брат Люрч, который был Гладиатором, мой брат Вилс и мои братаны Панчо, бывший Ангел Ада, и Рассел. Таракан после тюрьмы подтянулся и затем Вспышка с моим братом Змеем. В то время я говорил с президентом и сержантом-по-оружию аутло клуба в Виктории. Сержант очень помог мне, держа меня в курсе происходящего. Например, он рассказал мне, как они были на вечеринке у Бандидос Гриффит и Губастый всем трещал, как он летал в Штаты, чтобы повидаться с тамошними Бандидос. И как когда Бандидо из Штатов прилетал, чтобы посмотреть, как у нас дела, его встречал был Губастый – что создавало впечатление, будто он - центральной парень, а я и Снодди больше не в счёт. Другой клуб смеялся, что он обсуждает дела клуба со своими мемберами перед всеми подряд.

После некоторых поисков я выяснил, где живёт Губастый и достал его номер. Я позвонил ему и сказал, 'Ты ещё дальше продолжишь пиздеть обо мне с кем-либо, я сорву "цвета" с твоей спины. Не только за пиздабольство за моей спиной, но и если ты подумал, что я не в курсе того, что ты проделывал, что ты выглядишь ещё большим уебаном'

‘О чём ты говоришь?’

‘Я знаю, что ты трахался с Джоанн. Я знаю, что это было вскоре после похорон Тени. Я так же знаю, что ты ебался с _____ [старушка ещё одного мембера], пока сидел её мужик. А ты должен был помогать чуваку’

Губастый всё отрицал.

‘Ты можешь отрицать всё, что угодно’ сказал я. ‘Есть люди, которые знают всё. Так что у тебя есть два варианта. Либо я приду забрать твои "цвета", либо ты передай их сам’

Губастый после этого просто исчез. Насколько я в курсе, он перестал быть Бандидо в тот же день. Возле клуба его больше никто не видел.

Было 28 апреля 1985, почти восемь месяцев прошло с момента засады. Мы с Донной смотрели новости, но лучше бы уж не смотрели. Объявили, что президент мотоклуба Бандидос, Энтони "Снодди" Спенсер, совершил самоубийство в Парклейской тюрьме. Потом примерно час я просто сидел и таращился в ящик, Донна сказала, ‘Как думаешь, почему он это сделал?’

Я думаю, что было несколько причин. Вероятно, он винил себя в смерти Тени и Чопа, а также в том, в каком положении оказался клуб. И он не был дураком, он знал, что было со старушкой Тени. Это лишь добавило ему страданий.

Хотел бы я, чтобы он того не делал. Снодди оставил жизнь тогда, когда должен был жить. У меня в клубе погибли два брата. Я злился на Снодди за то, что он сделал, но ещё раз, я не сидел в тюрьме и не могу понять, что было в его голове. Я лишь хотел бы, чтобы он подождал.

Я говорил ему, что хочу сдать. Я знал, что мой долг быть за решёткой, с братьями, чтобы позаботиться о них. Но я не желал туда идти, пока рука моя не восстановит силы, чтобы я мог защитить себя. Я не собирался сдаваться на милость слабоумных вымогателей за решёткой. Я знаю, что будь я там, с ним, он, скорее всего, не сделал бы этого. Но, как говорится, хуйня случается (shit happens).

Через несколько недель после смерти Снодди, Донна поехала в маленький торговый центр в Хилл Топ, чтобы купить поесть, когда неожиданно встретила кое-кого знакомого нам – Куста. Он был оригинальным Бандидо, вышедшим из клуба, когда стало слишком жарко. Он вернулась ко мне, вся расстроенная, что он может позвонить копам.

‘Не думаю’ сказал я.

‘Нельзя быть уверенным’

Я знаю, что Куст бы меня не сдал, но я знал также, что он скажет кому-то ещё, а тот ещё кому и слух пойдёт. То, что я особо не прятался от закона, не значило, что я хочу, чтобы меня поймали. Следующее, что мы сделали - набрали Панчо и Шерил, которые

только переехали в Перт. Мы решили тоже туда переехать – немедленно. Как раз за пару дней до того, один из моих братьев, передал нам Форд минимвэн, на экстренный. Мы запихнули туда всё, что смогли, плюс одну из трёх наших собак, и в течении часа мы были готовы. Кейн был с нами и мы тяжело прощались.

Донна не умела водить, так что пришлось мне. Мы спали в машине – двое взрослых, двое детей, собака Бак и все барахло. Не получится устроится удобно, если в бока вам уткнётся вентилятор или что-то ещё. Донна всё ещё кормила с бутылочки Лэйси. Это была тяжёлая поездка, очень монотонная, но мы доехали за четыре с половиной дня. Мы приехали в Бейсуотер, Перт, где нас ждала Шерил и мы поехали к ним. Наши друзья приютили нас на три недели, затем мы сняли домик в пяти кварталах на Шекспир стрит, Маунт Хоуторн. Договор аренды был на моё имя. Дэниэла мы определили в школу. Донна получила работу в западном отделении газеты Western Mail. Ей доводилось работать на телеграфе в Сиднее, так что она знала эту работу, так что через недели три её сделали старшей по смене, а затем управляющей.

Я всё ещё намеревался сдать экзамен, как только стану достаточно силён. Панчо приходил каждый день, чтобы помочь мне с тренировками, так что сила в мою правую руку понемногу вернулась, хотя и не так, как прежде.

Незадолго до Рождества 1985, через тринадцать месяцев после начала слушаний, по итогам которых сорок Бандидо и Комо были обвинены в убийстве. Лишь двое из сорока двух из них не попали под суд – Снодди и мой брат Псих.

Псих очень болел после Милльперры. Несмотря на все операции и медпомощь он так и не восстановился.

Они всё же держали его в Парклее, а он на протяжении шести или семи месяцев жаловался на боли в груди и плохое самочувствие. У них там были только медсёстры; а доктор приходил лишь раз в неделю, или как-то так. Ему было лет восемьдесят и ему давно было пора на пенсию. Медсёстры всё говорили Психу, что у него бронхит. Наконец ему стало столь плохо, что они его отправили в больницу Принца Генри, где ему диагностировали кардиомиопатию. Его сердце распухало и не умещалось в груди. Специалист сказал ему, что приди он на шесть месяцев раньше, он бы смог что-то сделать. Его поместили в список ожидающих пересадки сердца и поместили вверх списка. Но когда он однажды приехал в больницу в футболке Бандидос, и пару медсестёр спросили его, 'О, а ведь ты один из тех чуваков из Милльперры?'

'Да'

Его тут же поместили в самый низ списка.

В Пертских газетах о слушаниях особо не писали, так что я особо не был в курсе. Но даже и так, я был удивлён, что Бандидос не соскочили с обвинений. Я считал, что Комо посадят, так как это они были там с ружьями и рациями, поджидая нас. Совершенно очевидно, что они прибыли туда с намерением совершить преступление. А мы туда ехали с намерением купить запчасти для байков и послушать группы. Я

имею ввиду, неуго присяжные всерьёз считали, что мы туда поехали перестрелять всех этих людей, планируя потом просто развернуться и уехать на день рождения к моему маленькому сыну, с кучей машин, забитых ружьями, там где женщины и дети?

Неожиданно всё начало выглядеть так, будто клуб отправится в тюрьму на долгое время. Снодди был мёртв. Я ощущал слабость от того, что я был один на свободе. Необходимо было держать ребят вместе и в силе. Им был нужен лидер.

Моя рука всё ещё была далека от готовности к бою, но, я же умный, я сообразил, что одной рукой управлюсь лучше, чем многие чуваки двумя, так что я решил сдаться.

Я обговорил это с Донной, затем с мамой и сестрой Патрицией, чтобы мне провели медосмотр. Патрисия отвела меня к доктору Грегу Вудсу. Я о нём слышал и согласился. Я пообщался с ним и мы договорились, что я вернусь, встречу с ним и сдамся. Мы начали подготавливать место для Донны и детей в Сиднее.

Было ужасно жаркое лето в Перте. Однажды вечером, через несколько дней, когда мы начали готовиться к возвращению, я был на веранде, выгуливал своего пса Бака.

Я не был в курсе, в тот же день из Пертского отделения полиции бежал парень, и так уж вышло, что его родители жили там же, где мы. И так пришли три или четыре чувака из поискового отряда, чтобы повидаться с родителями беглеца. Единственные менты в Западной Австралии, у которых было моё фото, как раз служили в поисковом отряде. Они проехали мимо и ничего не случилось.

Но примерно в пять утра следующего дня, 18 февраля 1986, мы с Донной лежали на двойном матрасе в обеденной комнате на полу – там было прохладнее, чем в спальне – когда мы услышали громкий стук в дверь. Она решила, что это Кома. Я выглянул в окно и увидел повсюду копов с ружьями, в бронежилетах, форме морской пехоты.

Стук в дверь продолжался. Но передняя дверь открывалась наружу, так что они били как раз туда, где были петли. Они очень старались. Бах, бах, бах. Это дало мне время влезть в треники и майку, пока Донна пошла к детям. Я ждал их в обеденной комнате, когда они вломились. Первый вбежал, будто собирался вломить мне дробовиком по голове. Я ещё не мог использовать правую руку, но я опрокинул его левой.

Веряно, мне бы надо было сдаться мирно, но вот таков уж я. Если кто-то на меня бежит, я реагирую. Постучись они в дверь и спроси, 'Вы Колин Цезарь Кемпбелл?' я бы лишь ответил, 'Да' Но не теперь. Бах. Я уложил ещё одного, затем пнул в рёбра другого. Я уложил шесть или семь из них, прежде чем один коп заорал, 'Если не перестанешь - будем стрелять' Я оглянулся и увидел мусора с ружьём у головы моего парня Дэниела. 'Не успокойсья - ружьё случайно выстрелит' Ещё один целился в Донну.

'Да, я понял' сказал я. 'Вы меня взяли'

Комната наполнилась ментами, а затем вошли четыре детектива.

‘Вы Колин Цезарь Кемпбелл?’ сказал главный детектив.

‘Да’

‘Подойдите сюда?’

Я был ещё насторожен, но отошёл в угол комнаты с ним, он говорил спокойно.

‘Если успокоитесь и будете с нами сотрудничать, я гарантирую, что ничего не будет с вашей женой и детьми. Их ни в чём не обвинят.’

‘Никаких заявлений не будет’

‘Ну, об этом поговорим позже’ И два копа подошли, чтобы одеть наручники на руки, но правая рука не заходила за спину. Я всё говорил им, что не могу ей шевелить. Детектив сказал, ‘Не надо за спину, закройте спереди’

Он был очень мил

‘Позвольте моей жене сделать один звонок?’

‘Нет’

Некоторые копы пошли через заднюю дверь. Я пытался их остановить. ‘Не выходите. Собака кусает’

Они всё равно вышли и Бак кинулся на них. Он схватил одного копа за ногу, а если бультерьер кусает, то всё. Как сказала мне потом Донна, Бак сбил одного из них с ног и повис поверх него. Остальные пятеро не могли стрелять, боясь зацепить своего. Так что они просто прошлись прикладами. Донна стащила его и выпустила за калитку. Я с ним гулял до дома Панчо, так что он побежал прямо туда. Панчо увидел кровь и решил, что что-то не так и тут же помчался к нам.

К моменту его прибытия меня уже увезли.

Детективы отвезли меня в участок и были очень обходительны. Предложили сэндвичи и попить, пока мы болтали. Они желали знать, что случилось в день засады. Я ответил, что ничего не скажу и не подпишу. Они там меня держали восемь или девять часов, пока не пришёл детектив и не сказал, ‘Там твой кореш внизу сидит. Говорит, не уйдёт, пока тебя не увидит’

Они дали нам повидаться с Панчо и Донной, которая была с ним. Она крепко меня обняла и Панчо спросил, как я.

‘Как и ожидали’

‘Тебя били?’

‘Пока нет’

Копы позволили Донне дать мне лекарства и затем их с Панчо вывели.

‘Ну, если ты не собираешься ничего подписывать’ сказали они, ‘пойдёшь в камеру’

Четыре копа в форме отвели меня в подвал здания. Мезя завели в камеру и приковали меня руками за решётку. Двое держали за ноги, когда двое других подошли ближе. Бах. Первый ударил меня. Бац, подключился второй. Они начали бить поочерёдно, в спину, по бокам, в голову, под руки. Моя правая рука адски болела, но там были молодые парни и я не собирался сдаваться им.

‘Моя бабка бьёт сильнее тебя’ сказал я. Это было херовой идеей и я подумал, ну почему я не могу просто завалить ебало? Затем двое державших сказали, что тоже хотят приложиться к здоровенному байкеру. Они поменялись и начали использовать меня, как боксёрскую грушу.

Я всё дразнил их и они продолжали. Не знаю, сколько ещё я бы выдержал, но там прошла женщина постарше возле камер. Ей было около шестидесяти, выглядела она как секретарша, но при виде неё они обратились во внимание.

‘Вы какого это хера творите?’ вопрошала она, оглядев меня и увидев кровь на моей голове. ‘Вы четверо - вон из камеры. Увижу хоть кого из вас ещё рядом с ним и все завтра же утром отправитесь в Джеральтон’ Я понятия не имел, что такое Джеральтон, но звучало, будто херовое место.

Она нашла двух сержантов – мужчину и женщину – и сказала, ‘Я оставлю этого джентльмена на вас. Если у него будет ещё хоть одна царапина, оба отправитесь в Джеральтон’

После этого всё было нормально. Женщина принесла мне бургеры Hungry Jack’s и картошку в большом количестве. Детектив всё ещё был обходителен. Они выводили меня из камеры каждый день часа на полтора, давая мне повидаться с Донной и детьми. Главный детектив всё говорил мне, ‘Видишь, какими бывают копы? Мы не так плохи, как думают люди’

‘Неужели? А что насчёт избиения меня в камере?’ ответил я ему.

‘О, я слышал об этом. Это просто молодёжь, только вступили в полицию’

Был и ещё один детектив, игравший "плохого копа" и говорил мне, ‘Ты бы лучше с нами сотрудничал, иначе сам знаешь, что будет’

‘Да вы уже всё сделали’ сказал я.

Примерно пять дней я ждал прибытия двух детективов из Нового Южного Уэльса. Затем меня передали под суд с обвинением в одном убийстве – моего же брата, Тени. Я охуел. Не возможно было ранить меня сильнее. Очевидно, копы решили, что единственный вариант закрыть нас надолго, это сделать так, будто мы были заговорщиками с общей целью: что мы намеревались совершить все эти действия на парковке, что, в свою очередь, делало нас виновными во всех семи смертях. Так что

всем они предъявляли обвинения во всех семи убийствах, но для передачи меня они выдвинули лишь одно убийство. Они могли выдвинуть любое обвинение в любой смерти, но, очевидно, меня желали спровоцировать выбрав именно обвинение меня в убийстве Тени.

Слушания были лишь формальностью и я не сопротивлялся. Но потом ни одна авиалиния не хотела везти меня в Сидней. Все истории в Пертских газетах говорили о том, что авиалинии боятся брать меня на борт, так как боятся мести со стороны моих братьев. Я спросил одного копа в чём же дело.

‘Они все читали газеты, что Цезарь Кемпбелл главный боец Бандидос’ сказал он. ‘И про твоё тайное кладбище в Снежных горах, где ты хоронил трупы двадцать лет’

‘Херня какая’ сказал я. ‘Всего пятнадцать лет’

Похоже, возвращаться пришлось бы поездом, но в последнюю минуту одна авиалиния всё же согласилась на перелёт со мной. Это было облегчение, потому что я не хотел ещё три дня провести прикованным к менту.

Мне разрешили переодеться. Я переоделся в свои обычные чёрные джинсы, чёрные ботинки, рубашку, бандану и очки. Меня поместили в непомеченый фургон, полный копов и повезли в аэропорт. Глава охраны аэропорта хотел меня видеть, так что пришлось через это пройти. Затем меня вывели через большой ангар. Мы останавливались каждые тридцать футов пока кто-то не говорил, ‘Чисто’, затем шли ещё тридцать. Так было всю дорогу через ангар до самого самолёта, где было двадцать копов с оружием. Меня провели по лестнице в заднюю часть самолёта, меня провели в самую середину сидений самолёта и приковали к детективу за левую руку. Полёт обещал быть прекрасным.

Затем впустили остальных пассажиров и вскоре мы взлетели и один детектив сказал мне. ‘Если ты нам поможешь, получишь тысячу в неделю и переезд в любую часть мира с новой личностью’

‘Херушки, засуньте себе поглубже’ сказал я.

‘А что если сто тысяч авансом, тысячу в неделю и переезд?’

‘Не скажу’

‘Ты же в курсе, что Берни уже тебя сдал’

‘Да, я знаю, что этот хуй сделал’

‘Ну, он получает только пятьдесят тысяч и пять сотен в неделю. Тебе мы предлагаем вдвое больше’

‘Да хоть миллион, я клуб не сдам. Я его начал. Я не могу дождаться встречи с братьями. Чего вы, копы и цивилы, никогда не поймёте в аутло клубах, так это того, что мы живём ради нашего братства. Живём ради верности и чести быть рядом несмотря ни на что. Вам просто нечего предложить мне такого, или сделать такого,

что перевесило бы мою любовь к ним. Я первым одел "цвета" Бандидос в Австралии и вы никогда не узнаете, каково это чувство'

Они заказали поесть, но не для меня, гавнюки. Я голодал.

Будучи прикованным к ним, моя рука двигалась с их руками, пока они ели. Так что каждый раз, когда они поднимали руки, к которым я был прикован, мне надо было чихнуть или ухо почесать; я дёргал руками и еда была повсюду, на рубашках и штанах у них. Они и половины не съели.

Они всё говорили о сделке. Сказали, что я могу переехать в любое место Австралии или Англии, Канады, Новой Зеландии. Штука баксов в неделю были тогда большими деньгами. Они даже говорили, что могут дать большую сумму авансом или на мой счёт в банк.

'Я ни за что не стану таким, как этот хуесос Берни. Я не сдам братьев'

Если бы меня спросили, кто я думал, выдал клуб, я бы не назвал Берни. Я думал, что он останется верным. Но, как я уже говорил другим парням, я могу понять, почему он так поступил.

Менты возили Берни в течение десяти дней из полицейского участка в полицейский участок, так что ни один адвокат не мог приблизиться к нему. И его жена, Кэролайн, ненавидела клуб. Она была настоящей бабой с северного побережья теннисного типа и у них как раз родился сын. Видимо, она угрожала Берни, что либо клуб, либо она и сын. Я знаю, я сказал бы им катиться. Но после десяти дней испытаний и с наличием вашей жены приходящей к вам со словами, чтобы вы выбирали между сыном и клубом, я понимаю давление, оказываемое на него. По крайней мере, я знаю, что Донна никогда не поставит меня в такую ситуацию. Но даже если бы и так, я никогда бы не сдал клуба. Ведь каждое утро ты просыпаешься и смотришь в свои же глаза в зеркале.

Когда мы подлетели к Сиднескому аэропорту, менты сказали, 'Как приземлимся, просто сиди и жди. Мы выйдем последними. Будь как модно менее подозрительным'

Самолет приземлился, дверь спереди открылась. Я не думаю, что хоть один человек вышел, когда Группа реагирования копов подбежал к нам с дробовиками. Я повернулся к детективам. 'Это вот это вот называется "наименее подозрительно"?'

Мы вышли через заднюю часть самолёта. Было, наверное, двадцать пять ментов на земле, автомобили везде, фургоны детективов. Меня затолкали в фургон и увезли в суд Уэйверли и посадили в камеру, все еще в наручниках. Коп из убойного подошел ко мне и сказал, 'я собираюсь предложить вам сделку еще раз – новый дом, тысячу долларов в неделю'

ФЕВРАЛЬ, 1986

Зайдя во двор Парклейской тюрьмы я увидел лучший вид, который я мог за восемнадцать месяцев. Бандидос повсюду, подходили поприветствовать меня. Я был со своими братьями, своей кровью и Бандидо, все вместе мы ждали суда.

Даже до суда восемь наших ребят вышли без обвинений, это значило, что обвинения в убийстве сняты и они будут на свободе с обвинением в драке. Мы не могли понять, почему были выбраны именно эти восемь. Это было как будто они просто выбрали имена из шляпы. Один из них был мой брат Змей, а он сделал так же, как и я – пошел и сказал Комо воевать как мужчинам, а потом его подстрелили. Мое имя точно никогда бы не выбрали. Мой адвокат сказал мне, копы охотились за мной и Джоком.

Суд был фееричным. Все Бандидос в один закрытой и бронированной коробке, все Комо в другой, тридцать два разных адвоката и юриста. Там были шестьдесят четыре копа в охране. Они посчитали, что затраты государства десять лимонов.

Всё длилось примерно год: с апреля 1986 по июнь 1987. Но я знал, уже после шести недель, что нас признают виновными. Поэтому я просто сел на последнее место в заднем ряду и наклонился в угол, скрестив руки на груди, ноги на сиденье напротив меня, в очках. Грызун (судья Эдриан Роден) ненавидел это; он не мог сказать, спал ли я или смотрел. Иногда он просил сотрудников суда, чтобы проверили меня. Я не спала все это время.

Однажды в суде, детектив отдела убийств Аарне Тиз подошел ко мне и сказал, 'Если бы Комо сделали то, что вы многие сделали и отказались подписывать заявление, мы бы никогда не смогли арестовать любого из вас'. Пытаясь закрыть нас, Команчерос закрыли и себя тоже.

Люди пытались сказать, что Джок был мишенью в тот день в Милльперре. Но в суде выяснилось, что Комо сидели в Викинг Таверн с дробовиками и рациями за час до нашего приезда. Так что выставить Джока мишенью - чушь. Мы даже не знали, что там будут Комо. Если бы я знал, мы бы не поехали.

Шесть Кемпбеллов приехали в Викинг Таверн в тот день и подстрелили пятерых. Вот она, ваша цель. (И по сей день я думаю, у Быка большая гора на плечах, ведь в тот день его даже не стукнули)

Всех нас в суде обвинили в одном случае нападения и семи убийствах, в смертях Чопа и Тени, Команчерос Мутного, Воробья, Лероя и Пса, плюс Лиэнн Уолтерс. Восемь Комо, включая Джока, были осуждены, так же, как и один Бандидо, Лард. (Обвинения в убийстве были позже снижены до непредумышленного убийства по апелляционной жалобе.) Остальные были признаны виновными в хулиганстве и семи пунктам обвинения в непредумышленном убийстве – все, кроме Наклза, который еще не оправился от аварии и был оправдан по делу об убийстве и обвинение в убийстве и признан виновным только в нарушении общественного спокойствия. Он вышел на свободу из зала суда в день оглашения приговора, хотя, как истинный Бандидо каким он и был, он не хотел оставлять своих братьев.

Остальные вернулись в тюрьму, меня приговорили к семи годам тюремного заключения без условно-досрочного освобождения.

Через четыре месяца после приговора, один из ментов пришёл ко мне в тюрьму и сказал: 'Я хотел бы увидеть тебя зоной посещения'

Я вышел из парадной и, как только я увидела свою маму, у меня появилось плохое предчувствие. Потом они сказали мне, мой младший брат, Псих, умер. Я его потеряла. Я разбил половину торговых автоматов в комнате посещения. Мент, отвечающий за безопасность мог сказать его команде прыгнуть на меня, но он спустил мне это. Никогда не требовал с меня ничего.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Целых четыре года я был заперт, Донна не выходила из дома кроме как за покупками или навестить меня. Когда я освободился условно-досрочно 6 марта 1990 года, первое, что я сделал - сделал Донну беременной и второе, что я сделал - дал ей настоящую белую свадьбу, какую она всегда хотела.

Я видел, как она выходит в платье, и мне не стыдно сказать, что я ослаб в коленках. Мы вместе уже тридцать один год, и мы стремимся ещё к тридцати одному. С каждым годом я люблю её еще больше. Донна была со мной, когда я был Гладиатором, она пришла через Команчерос со мной, и она была настоящей старушкой Бандидо. Она прошла через все тяготы, клубные войны, моим расстрелом и тюрьмой, и наши отношения только окрепли.

Наша младшая дочь Чейни родилась в ноябре 1990 года, и если бы я был цивилем, может быть, на этом история могла бы закончиться. Мирно. Но я не цивил. Я словил после выхода из тюрьмы больше пуль, чем в Милльперре. Донна вытащила все от нулевой, самой крупной дроби, вплоть до .22 калибра и .223. Был и 38-ой и даже .45. Некоторые всё ещё в моем теле. Одна прошла в ушной канал, пока Донна писал эту книгу. Мне надо бы сходить на рентген, где лаборант обычно говорит мне: 'ой, вы знаете, что вас подстрелили?'

Однажды меня даже проверяли на отравление свинцом, из-за количества пуль в моём организме.